

Или отс

А. СТРИНДБЕРГЪ СОЧИНЕНІЯ

~~И 137~~ И $\frac{1}{282}$

СУПРУЖЕСКІЯ ИДИЛЛИИ.
— ПАСХА. —
СОНАТА ПРИЗРАКОВЪ.

на отъезда!

Августъ Стриндбергъ.

Августъ Стриндбергъ.

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ.**

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе В. М. Саблина.

1
И 282

И 016

Август Стриндбергъ.

~~И 487~~
И 122

ПОВѢСТИ и ДРАМЫ.

Москва.—1909.

2007085845

Госуд. военная
о-дона Ленина
БИБЛИОТЕКА СС. Р
им. В. И. ЛЕНИНА

95666-46

Типография В. М. Саблина.
Москва, Петровка, домъ Обидиной.
Телефонъ 131 - 34.

Супружескія идилліи.

И. С. С.

С. 123
1880
Изд. 2-е
М. С. С.

Осень.

Они были женаты десять лѣтъ. Счастливо? Да, насколько это позволяли обстоятельства. Имъ было обоимъ трудно, какъ двумъ одинаково сильнымъ лошадямъ, изъ которыхъ каждая тянетъ свою ямку.

Въ первый же годъ было погребено много иллюзій относительно супружества, какъ абсолютно блаженнаго состоянія; на слѣдующій годъ родился ребенокъ, и трудность жизни не оставляла имъ много времени для размышлений. Онъ былъ очень домовитый, можетъ быть, даже слишкомъ домовитый и въ семьѣ нашелъ свой мѣръ, центромъ котораго былъ онъ самъ, дѣти были радіусами, а жена въ свою очередь тоже старалась быть центромъ, хотя и не настоящимъ, такъ какъ центръ занималъ мужъ.

Теперь, послѣ десятилѣтняго супружества, мужъ получилъ мѣсто секретаря при тюремной инспекціи и долженъ былъ поѣхать въ командировку. Это было ударомъ для его семейныхъ привычекъ, и онъ съ неудовольствіемъ думалъ о томъ, что долженъ пробыть цѣлый мѣсяцъ вдали отъ своего дома. Онъ не зналъ навѣрное, о комъ больше сожалѣть: о женѣ или о дѣтяхъ — вѣроятно, обо всѣхъ вмѣстѣ.

Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, онъ сидѣлъ на софѣ и смотрѣлъ, какъ жена укладывала ему дорожный сундукъ. Она стояла на полу на коленяхъ и клала туда его бѣлье.

Потомъ вычистила его черную пару, заботливо сложила ее такъ, чтобы она заняла возможно меньше мѣста. Онъ ничего этого дѣлать не умѣлъ. Она никогда не смотрѣла на себя, какъ на его прислугу, едва ли даже, какъ на жену — она была матерью для дѣтей и для него. Она никогда не чувствовала себя униженной, штопая его чулки и не получая никакой благодарности; она знала, что за это получить и новые чулки и многое другое, что она съ трудомъ могла бы заработать внѣ дома, оставляя дѣтей однихъ.

Онъ сидѣлъ въ углу дивана и смотрѣлъ на нее. Теперь, когда разлука еще только приближалась, онъ началъ уже тосковать; онъ разглядывалъ ея фигуру. Плечи выступили нѣсколько впередъ, спина была немного согнута отъ работы у колыбели, у плиты и у гладильной доски. Онъ тоже согнулся отъ долгаго сидѣнья за письменнымъ столомъ, и его глаза уже нуждались въ очкахъ, но въ данный моментъ о себѣ онъ не думалъ. Онъ замѣтилъ, какъ порѣдѣли ея волосы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видна была даже сѣдина. Былъ ли это онъ, кому она пожертвовала своей свѣжестью и красотой, онъ одинъ? Нѣтъ, причиной тутъ была семья, которую они вмѣстѣ создали; она работала также и для себя самой, и волосы ея порѣдѣли въ борьбѣ за поддержаніе ихъ всѣхъ. Онъ, вѣроятно, получилъ больше бы отъ ея молодости, если бы при нихъ не было столько ртовъ, — но онъ ни за что не хотѣлъ бы быть одинокимъ.

— Тебѣ будетъ очень полезно немного попутешествовать, — сказала жена, — ты слишкомъ долго сидѣлъ дома.

— Ты рада немного побыть безъ меня, — возразилъ онъ не безъ горечи: — но мнѣ васъ будетъ не хватать.

— Ты точно кошка жалѣешь о своемъ тепломъ углѣ, но обо мнѣ ты врядъ ли будешь жалѣть.

— А дѣти?

— Да, когда ты уѣдешь! Но дома ты ихъ избѣгаешь. Правда, ты ихъ любишь, — я не хочу быть несправедливой.

За ужиномъ онъ чувствовалъ себя растроганнымъ, и на сердцѣ у него было тяжело; онъ отложилъ въ сторону непрочитанную вечернюю газету и пытался завязать разговоръ со своей женой, но она была такъ полна своими заботливыми мыслями, должна была столько приготовить и уладить, что не нашла времени для болтовни, и кромѣ того ея чувства были нѣсколько изношены десятилѣтней борьбой въ кухнѣ и дѣтской. Онъ былъ тронутъ больше, чѣмъ хотѣлъ показать, и беспорядокъ въ комнатахъ причинялъ ему безпокойство. Онъ смотрѣлъ на атрибуты своей повседневной жизни, своего существованія, лежащія всѣ вмѣстѣ беспорядочно на стульяхъ и столахъ, и черный открытый сундукъ казался ему гробомъ; бѣлье смѣшалось съ чернымъ платьемъ, которое носило еще слѣды его колѣнъ и плечъ, и ему казалось, что это онъ самъ лежалъ тамъ въ длинномъ бѣломъ саванѣ, крѣпко закрытый крышкой гроба, готовый къ тому, чтобы быть вынесеннымъ вонъ.

На слѣдующій день, въ августовское утро, онъ проснулся въ нервномъ состояніи, быстро вскочилъ съ постели и одѣлся. Перецѣловавъ всѣхъ дѣтей, которыя терли рученками свои заспанные глазенки, онъ обнялъ жену, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ на вокзалъ. Поѣздка съ его начальникомъ его радовала, и онъ думалъ, что дѣйствительно пріятно немного попутешествовать. Его домъ остался сзади него, какъ затхлая спальня, и онъ былъ доволенъ, когда пріѣхалъ въ Линкепингъ.

Остатокъ дня онъ провелъ за официальнымъ обѣдомъ въ большомъ ресторанѣ, гдѣ было много выпито за здоровье губернатора, а не арестантовъ, которые были, въ сущности, цѣлью его путешествія.

Но потомъ, вечеромъ была одинокая комната, кровать, два стула, столъ, комодъ съ двумя подсвѣчниками со стеа-

риновыми свѣчами, бросавшими мерцающій свѣтъ на голыя обои.

Секретарю было очень не по себѣ, — ему всего не доставало. Ничего не было здѣсь! Ни туфель, ни халата, ни трубки, ни письменнаго стола — всѣ эти мелочи были необходимыми составными частями его жизни. А жена и дѣти! Какъ-то они поживаютъ? Здоровы ли они? Онъ сталъ беспокоиться, и его настроеніе понизилось еще болѣе. Когда онъ хотѣлъ завести свои часы, онъ не могъ найти ключа. Ахъ, да! онъ висѣлъ дома на маленькой подставочкѣ, которую жена вышила ему, еще будучи его невѣстой. Онъ легъ въ постель и закурилъ сигару, но принужденъ былъ встать, чтобы найти себѣ книгу. Въ сундукѣ лежало все въ такомъ порядкѣ, что ему положительно жалко было его нарушать. Пока онъ копался, ему попались туфли. Нѣтъ, она рѣшительно обо всемъ позаботилась; и книгу нашель онъ тамъ, но читать ее не могъ. Онъ лежалъ и думалъ о прошломъ, о женѣ, какая она была въ послѣдніе годы. И въ синемъ дыму сигары она выступила передъ нимъ прежняя и стерлась теперешняя. Онъ чувствовалъ себя безгранично одинокимъ. Каждое жестокое слово, произнесенное когда-либо между ними, рѣзало ему сердце, и онъ сожалѣлъ о горькихъ часахъ, которые доставилъ ей. Наконецъ, онъ заснулъ.

На слѣдующій день опять работа и опять обѣдъ съ тостами за директора, и ничего объ арестантахъ. А вечеромъ — холодъ, пустота и одиночество. Онъ почувствовалъ потребность поболтать съ женой, взялъ бумагу и сѣлъ къ столу. Уже при первомъ взмахѣ пера онъ затруднился. Какъ начать? «Милая мама», писалъ онъ обыкновенно, когда посылалъ ей записочки съ увѣдомленіемъ, что будетъ обѣдать не дома. Но теперь онъ писалъ не «мамѣ». И онъ написалъ: «Лили, моя возлюбленная», какъ раньше. Сначала было трудно, такъ какъ прекрасныя слова прошлаго

истрепались въ ежедневныхъ разговорахъ. Но потомъ настроеніе овладѣло имъ, и всѣ прежнія слова воскресли вновь, какъ забытая мелодія вальса, отрывокъ романа, кусть сирени, ласточки, вечерніе часы у зеркальной поверхности пруда при заходѣ солнца. Всѣ весеннія воспоминанія жизни, какъ солнечные лучи изъ облаковъ, пронизали его голову.

Внизу съ краю онъ нарисовалъ звѣздочку, какъ влюбленные обыкновенно дѣлаютъ, и рядомъ написалъ, какъ прежде, слова «цѣлую сюда». Когда онъ перечитывалъ письмо, онъ чувствовалъ, какъ горитъ его лицо, онъ былъ взволнованъ и самъ не зналъ, почему. Но ему было тяжело, какъ будто онъ самъ не могъ разобраться въ своихъ интимныхъ чувствахъ.

Тѣмъ не менѣе письмо было послано.

Прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ пришелъ отвѣтъ, и до тѣхъ поръ онъ былъ въ безпокойномъ состояніи ожиданія и чувствовалъ себя какъ-то особенно пристыженнымъ и угнетеннымъ. И, наконецъ, отвѣтъ пришелъ и въ томъ же тонѣ: сквозь шумъ кухни и дѣтской прозвучало свѣтлое красивое пѣніе, теплое и чистое, какъ первая любовь.

Началась любовная переписка: онъ писалъ каждый вечеръ, а въ промежуткахъ посылалъ открытки. Его товарищи больше его не узнавали. Онъ началъ заботливѣе одѣваться и больше обращать вниманія на свою внѣшность, какъ будто хотѣлъ завести маленькую любовную интригу. И, правда, онъ былъ снова влюбленъ. Онъ послалъ ей свою фотографію безъ очковъ, а она прислала ему локонъ своихъ волосъ. Они нѣсколько по-дѣтски вели себя, и онъ даже завелъ себѣ розовую почтовую бумагу съ голубями вверху. Но они были вѣдь относительно молоды, и только трудность жизни заставляла ихъ чувствовать себя немного старѣе. Въ послѣдній годъ онъ нѣсколько пренебрегалъ

ею, не оттого, что охладѣлъ къ ней,—нѣтъ!—но онъ привыкъ уже видѣть въ ней только мать своихъ дѣтей.

Путешествіе близилось къ концу, и его волновала мысль о встрѣчѣ съ ней. Онъ переписывался съ возлюбленной; найдетъ-ли онъ ее въ матери и въ хозяйкѣ дома? Ему не хотѣлось встрѣтить ее въ кухонномъ фартукѣ, съ дѣтьми, держащимися за ея юбки, когда онъ ее обвинитъ въ первый разъ. Они должны гдѣ-нибудь встрѣтиться. Можетъ быть, она пріѣдетъ въ Вагсгольмъ, въ маленькую гостиницу, гдѣ они женихомъ и невестой провели не мало счастливыхъ часовъ? Это была—идея. Тамъ они встрѣтятся, проживутъ дня два, и воспоминанія воскреснутъ. Онъ сдѣлалъ ей это предложеніе въ горячемъ письмѣ, на которое она отвѣтила утвердительно, счастливая тѣмъ, что онъ натолкнулся на мысль, которую она уже давно лелѣяла.

Черезъ два дня онъ былъ уже въ Вагсгольмѣ и приводилъ въ порядокъ комнату въ гостиницѣ. Былъ прекрасный сентябрьскій день. Онъ позавтракалъ одинъ въ большой залѣ, выпилъ стаканъ вина и почувствовалъ себя опять молодымъ. На душѣ было легко и радостно. Тамъ, снаружи сверкалъ синій фіордъ, и золотомъ сверкали березы на шtrandѣ. Въ саду стояли далии еще въ полномъ цвѣту, и на грядкѣ благоухала резеда. Пчела летала отъ одной сухой головки цвѣтка къ другой и, не найдя ничего, разочарованно улетала дальше. Онъ пилъ кофе на верандѣ и уже началъ ждать парохода, который долженъ былъ прійти только въ 6 часовъ. Безпокоясь, какъ бы чего не случилось, онъ пристально вглядывался въ волнистую даль. Наконецъ, вдали показался дымокъ, и это вызвало такое сердцебіеніе, что онъ принужденъ былъ выпить ликеру. Потомъ онъ спустился на шtrandъ; пароходъ былъ теперь уже на серединѣ фіорда и можно было различить флаги на мачтѣ. Была-ли она тамъ, или, быть можетъ, въ послѣднюю минуту ее задержали дома? Доста-

точно было немного захворать кому-нибудь изъ дѣтей, и она осталась дома, а онъ опять долженъ былъ проводить одинокую ночь въ гостиницѣ. Дѣти, которыя за послѣднее время отступили на задній планъ, казались ему чѣмъ-то такимъ, что раздѣляло его съ ней. Они такъ мало говорили о нихъ въ своихъ письмахъ, какъ будто тѣ вносили что-то неумѣстное.

Онъ пошелъ вдоль пристани, которая скрипѣла подъ его ногами, потомъ остановился и смотрѣлъ пристально на приближающійся пароходъ; килевая вода ложилась на волнистую синюю поверхность, какъ потокъ расплавленного золота. Онъ увидѣлъ двигающихся по палубѣ людей и разглядѣлъ матросовъ, которые возились со снастями. И рядомъ съ вахтенной будкой замелькало что-то бѣлое — это, конечно, предназначалось ему, такъ какъ на пристани кромѣ него никого не было, и никто, кромѣ нея, не могъ ему махать платкомъ; онъ вынулъ свой платокъ и отвѣтилъ на привѣтствіе. Пароходъ засвистѣлъ, подошелъ ближе, и онъ узналъ ее. Они привѣтствовали другъ друга глазами, но благодаря разстоянію они не могли еще обмѣняться ни однимъ словомъ. Да, это она, и вмѣстѣ съ тѣмъ не она — въ промежуткѣ лежали 10 лѣтъ. Мода перемѣнилась, покрой платья сталъ другой. Десять лѣтъ тому назадъ она носила загнутую у ушей шляпу, которая дѣлала какъ бы рамку для лица и оставляла лобъ свободнымъ. Теперь на ней было безвкусное подобіе мужского головнаго убора, длинное манто, напоминающее кучерской сюртукъ, также производило далеко не такое выгодное впечатлѣніе, какъ небольшая накидка, которую она носила тогда; и эти ужасные по-китайски остроконечныя ботинки, которыя дѣлали ея красивую ногу плоской и непривлекательной.

Но вѣдь это была она! Конечно, она! Онъ обнялъ и поцѣловалъ ее, они спросили другъ друга о здоровьѣ и

повернули вдоль штранда. Слова выходили сухія, неуклюжія, связанные! Ужасно странно! Они положительно стыдились другъ друга, и никто изъ нихъ не рѣшался намекнуть на переписку. Наконецъ, онъ собрался съ духомъ и сказалъ:

— Пройдемся немного, пока сядетъ солнце?

— Хорошо, — отвѣтила она и взяла его подъ руку. Они пошли по маленькой улицѣ предмѣстья. Кафе были уже закрыты. Кое-гдѣ въ скудной листвѣ яблонь висѣло забытое яблоко, но на грядкѣ уже не было цвѣтовъ, веранды безъ маркизъ напоминали скелеты, и, гдѣ раньше былъ говоръ и смѣхъ, было пустынно и тихо.

— Уже совсѣмъ осень, — сказала она.

— Да, взглядъ на эти сады не радуешь сердца.— И они прошли дальше.

— Пойдемъ туда, гдѣ мы тогда жили,—предложила она.

— Да, это будетъ прекрасно.

И они пошли по направленію къ ваннамъ.

Тамъ былъ маленькій домикъ, сдавленный двумя другими, съ красной загородкой передъ садикомъ, съ маленькой верандою и каменною лѣстницею передъ ней. Старыя воспоминанія проснулись: тамъ въ комнаткѣ родился ихъ старшій сынъ, ликованіе и праздники, молодость и здоровье; вонъ тамъ кустъ розъ, который они тогда посадили, тамъ была грядка клубники, которую она сдѣлала, но теперь ее трудно было узнать, такъ она заросла травой; на ясени еще остались слѣды качелей, которыя тогда тамъ висѣли.

— Благодарю тебя за твои милыя письма,—сказала она и пожала ему руку.

Онъ покраснѣлъ и ничего не отвѣтилъ; потомъ они повернули и пошли къ гостиницѣ. Дорогою онъ рассказывалъ о своемъ путешествіи.

Онъ велѣлъ накрыть столъ въ большой залѣ, гдѣ они

раньше всегда сидѣли. И вотъ опять сидѣли они вдвоемъ, онъ взялъ корзину съ хлѣбомъ и предложилъ ей, она улыбнулась. Къ такой внимательности она не была приучена. Но это было такъ прелестно обѣдать не дома, — и оживленный разговоръ не заставилъ себя ждать, онъ шелъ, какъ дуэтъ, въ которомъ то одинъ, то другой ведетъ мелодію; они совершенно углубились въ воспоминанія, взоры ихъ блеснули и маленькія шереховатости прошлаго сгладились совершенно, оно представлялось лучезарнымъ и прекраснымъ. О, золотое, розовое время, которое переживаешь лишь однажды, если оно вообще суждено, а вѣдь многіе, очень многіе не знаютъ его совершенно.

За десертомъ онъ что-то шепнулъ кельнеру и тотъ вскорѣ появился съ бутылкою шампанскаго.

— Но, милый Аксель, что съ тобою? — сказала жена тономъ, звучащимъ почти какъ упрекъ.

— За весну, которая прошла, но опять вернулась! — Но въ душѣ онъ чувствовалъ нѣкоторую неискренность этого госта, съ упрекомъ жены вспомнилась ему невеселая картина ихъ настоящей жизни и отняла у него возможность насладиться моментомъ, какъ будто между ними пробѣжала кошка, но хорошее настроеніе возвратилось, такъ какъ вино заставляло переживать милыя старыя времена, и оба снова устремились въ потокъ воспоминаній. Онъ сидѣлъ, положивъ руки на столъ и загородивъ глаза рукой, какъ бы ища защиты отъ будущаго, которое онъ только-что искалъ. Часы проходили... Они встали и перешли въ маленькую гостиную съ піанино, чтобы выпить кофе.

— Какъ-то теперь себя чувствуетъ мой маленькій? — вдругъ сказала она, какъ-бы проснувшись отъ сна.

— Сядь и спой что-нибудь, — попросилъ онъ и открылъ инструментъ.

— Что же мнѣ спѣть? Ты знаешь, какъ давно я не пѣла.

Онъ это зналъ, но это не имѣло значенія. Она сѣла къ піанино и попробовала клавиши. Это было плохонькое отельное піанино, нѣкоторые звуки котораго напоминали скрипъ зубовъ.

— Ну, что же спѣть? — спросила она и повернулась къ нему на стулѣ.

— Ты знаешь, Лили! — отвѣтилъ онъ, не отваживаясь встрѣтиться съ нею глазами.

— Твою пѣсню? Да? Только помню ли я ее?

И она запѣла: «Какъ называется та страна, гдѣ живетъ моя возлюбленная?» Но голосъ былъ жидокъ и рѣзокъ, и ему не хватало выразительности; иногда онъ звучалъ, какъ крикъ изъ глубины души, которая чувствуетъ, что полдень ушелъ далеко и наступилъ неумолимый вечеръ. Пальцы, дѣлавшіе ежедневную тяжелую домашнюю работу, уже не такъ легки, какъ прежде, и иногда попадаютъ на невѣрные тоны; піанино разстроено, сукно стерлось съ молоточковъ, и глое дерево стучитъ по металлическимъ струнамъ.

Когда пѣсня была окончена, она сидѣла нѣкоторое время молча, не двигаясь, какъ будто дожидаясь, что онъ подойдетъ и скажетъ ей что-нибудь.

Но онъ не подходилъ, и все было тихо; когда она повернулась, онъ сидѣлъ въ углу дивана и плакалъ; она хотѣла вскочить, взять въ руки его голову и поцѣловать, какъ прежде, но осталась неподвижно сидѣть, устремивъ взоры на полъ. Онъ держалъ въ рукахъ незажженную сигару; услышавъ, что она кончила пѣть, обрѣзалъ кончикъ и зажегъ спичку.

— Спасибо, Лили! — сказалъ онъ и покраснѣлъ, — не хочешь ли кофе?

Они пили кофе и говорили о лѣтѣ, о дачѣ на будущій годъ, но разговоръ не клеился, и они часто повторялись. Наконецъ, онъ сказалъ, еле скрывая зѣвокъ:

— Я пойду спать.

— Я тоже, — сказала она, — но иди впередъ. Я хочу на минуточку выйти на балконъ.

Онъ ушелъ въ спальню. Жена постояла немного въ столовой и поболтала съ хозяйкой о маринованномъ луѣ; потомъ разговоръ перешелъ на шерстяное бѣлье, и изъ минутки вышло полчаса. Она пошла къ спальнѣ и послушала; внутри было тихо и ботинки стояли у двери. Она постучала, никто не отвѣтилъ. Тогда она отворила дверь и вошла.

Онъ спалъ!

На слѣдующее утро оба сидѣли за кофейнымъ столомъ; у мужа болѣла голова. У жены былъ какой-то безпокойный видъ.

— Фу, какой кофе! — сказалъ онъ съ гримасой.

— Это бразильскій, — отвѣтила она.

— Ну, что же мы сегодня предпримемъ? — сказалъ онъ и вынулъ часы.

— Спроси себѣ бутербродъ вмѣсто того, чтобы ворчать на кофе, — замѣтила она.

— Да, я это и хочу сдѣлать, и къ нему немного водки. Это отъ вчерашняго шампанскаго. Брр!..

Ему подали ликеръ и бутербродъ, и самочувствіе его нѣсколько улучшилось.

— Теперь мы пойдемъ на Лотсбергъ и посмотримъ на видъ оттуда.

Они встали и пошли. Погода была прекрасная, и небольшая прогулка доставила удовольствіе, но когда они стали подниматься на гору, ей не хватало дыханія и колѣна ея плохо сгибались. Съ тѣмъ, что было прежде, нельзя было даже и сравнивать. Потомъ они шли по лѣсной полянѣ. Трава была давно скошена и убрана, цвѣтовъ нигдѣ не было видно. Онъ сталъ говорить о тюремной

инспекціи, она — о дѣтяхъ. Они прошли еще немного, молча; онъ вынулъ часы:

— До обѣда остается еще три часа, — сказалъ онъ и подумалъ про себя: «Что же мы будемъ дѣлать все это время?»

Они вернулись въ отель, и онъ взялся за газету. Она улыбалась и тихо сидѣла рядомъ съ нимъ. Обѣдъ прошелъ въ молчаніи. Въ концѣ она завела разговоръ про прислугу.

— Ахъ! Ради Бога, оставь меня съ этой горничной въ покоѣ.

— Мы сюда пріѣхали не затѣмъ, чтобы браниться.

— Браниться? Да развѣ я бранился?

— Ну, и я тоже нѣтъ!

И опять наступила опасная пауза — какъ бы сейчасъ приятно было присутствіе третьяго лица: дѣтей, напримѣръ. Этотъ tête à tête становился неуютнымъ. Онъ чувствовалъ уколъ въ сердцѣ, когда думалъ о милыхъ часахъ вчерашняго дня.

— Пойдемъ на дубовую горку, гдѣ растетъ земляника, — предложила она.

— Ну, землянику — то мы врядъ ли найдемъ — вѣдь осень.

— Это ничего, пойдемъ.

И они отправились, но разговоръ не клеился. Она пыталась найти предметъ для разговора. Но внутри все заглохло, тема не находилась. Она знала всѣ его взгляды и не соглашалась съ многими изъ нихъ. Кромѣ того, она скучала по дому, хотѣла къ дѣтямъ. Вѣдь это-жъ нелѣпо бѣгать здѣсь всѣмъ на смѣхъ и къ тому же еще браниться. Наконецъ, они остановились. Жена устала. Онъ оперся о палку, дожидаясь возможности высказаться.

— О чемъ ты думаешь? — спросила она, наконецъ.

— Я? — онъ почувствовалъ, что гора свалилась у него

съ плечь.—Я думалъ о томъ, что мы уже стары, мамочка, мы уже сыграли нашу роль и должны быть довольны тѣмъ, что было. Если и ты думаешь такъ, какъ я, то поѣдемъ сегодня съ вечернимъ пароходомъ домой. Хорошо?

— Я объ этомъ думала все время, мой хорошій, и ты можешь поступить, какъ хочешь.

— Итакъ, рѣшено, мы ѣдемъ домой. Вѣдь теперь не лѣто, а осень...

— Да... уже осень!

И съ легкимъ сердцемъ они пошли назадъ. Однако же онъ чувствовалъ себя уязвленнымъ такимъ прозаическимъ оборотомъ дѣла, и искалъ удовлетворенія, подыскивая психологически-философское разъясненіе всему этому.

— Видишь ли, мамочка, — сказалъ онъ: — моя любовь (слово было слишкомъ сильно сказано), моя привязанность къ тебѣ съ теченіемъ времени продѣлала извѣстную эволюцію. Она развилась, такъ сказать, усложнилась, такъ что цѣлью ея сталъ не одинъ индивидуумъ, какъ въ началѣ, но уже цѣлая семья — коллективное цѣлое. Она касается не только тебя одной, и не однихъ только дѣтей, но всѣхъ васъ вмѣстѣ.

— Или, какъ всегда говоритъ дядя: дѣти — это громоотводъ.

Послѣ этого небольшого философскаго вывода онъ опять почувствовалъ себя самимъ собой.

Ему было пріятно снять сюртукъ и облечься въ старый халатъ. И когда они вернулись въ отель, то принялись дѣятельно за упаковку дорожнаго сундука. Она была вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Войдя на пароходъ, они прошли въ столовую; онъ предложилъ ей посмотреть заходъ солнца, она отклонила. За ужиномъ она спрашивала буфетчицу, сколько стоитъ хлѣбъ. Когда онъ насытился и поднесъ къ губамъ стаканъ портера, онъ не могъ удер-

жаться, чтобы не высказать мысль, которая давно его занимала.

— Я — старый дуракъ? Неправда ли? — сказалъ онъ и улыбнулся женѣ, которая, не переставая ѣсть, взглянула на него.

Но она не смѣялась, глядя на его лоснящееся лицо, и глаза ея приняли такое грустное выраженіе, что онъ смутился.

И очарованіе пропало, послѣдній слѣдъ влюбленности исчезъ. Рядомъ съ нимъ была мать его дѣтей; и онъ чувствовалъ себя угнетеннымъ.

— Ты не долженъ меня меньше уважать за то, что я была легкомысленна, — сказала она серьезно. — Но въ чувствѣ мужчины заключается порядочная доза презрѣнія. Это очень странно.

— А у женщины?

— Еще гораздо больше — это вѣрно; но у нея и поводовъ больше.

— Боже мой, въ концѣ концовъ выйдетъ тоже на тоже; во всякомъ случаѣ, неправы оба. Но обыкновенно перестаютъ цѣнить то, что достигалось съ трудомъ, и потому раньше оцѣнивалось слишкомъ высоко.

— Почему слишкомъ высоко?

— Потому что трудно давалось.

Свистокъ парохода прервалъ ихъ разговоръ; они пріѣхали.

Когда они вошли въ домъ, и онъ увидѣлъ ее среди дѣтей, онъ замѣтилъ, что его любовь къ ней пережила превращеніе, и что ея чувство къ нему раздѣлено и перенесено на всѣ эти кричащія глотки. Можетъ быть, онъ обладалъ ея расположеніемъ лишь какъ средствомъ для достиженія цѣли? Онъ игралъ только преходящую роль и теперь чувствовалъ себя устраненнымъ. Если бы въ немъ не нуждались, какъ въ кормилицѣ, онъ, вѣроятно, остался бы въ сторонѣ.

Онъ прошелъ въ кабинетъ, надѣлъ халатъ и туфли и почувствовалъ себя опять по-домашнему. Въ окна стучалъ дождь, и вѣтеръ свистѣлъ въ печной трубѣ. Жена, устроивъ дѣтей, вошла къ нему.

— Правда, неподходящая погода для собиранія земляники?

— Нѣтъ, моя милая; лѣто кончилось; настала осень.

— Да, осень,— отвѣтила она;— но еще не зима— все-таки утѣшеніе.

— Хорошее утѣшеніе, когда живешь только разъ.

— Живутъ дважды, когда имѣютъ дѣтей, и трижды, когда доживаютъ до внуковъ.

— Да, но тогда уже настоящій конецъ.

— Да, если потомъ нѣтъ жизни.

— Что знаемъ мы объ этомъ? Ничего! Я вѣрю, но вѣра еще не доказательство.

— Да, это вѣрно, но такъ хорошо вѣрить! Мы будемъ вѣрить! Да? Мы будемъ надѣяться, что весна придетъ и для насъ; будемъ?

— Да, мы будемъ вѣрить, — сказалъ онъ медленно и обнялъ ее за плечи.

Хлѣбъ.

Онъ былъ клеркомъ въ торговомъ бюро, получалъ 1200 кронъ содержанія и женился на молоденькой дѣвушкѣ безъ состоянія, по любви, — какъ онъ самъ рассказывалъ; чтобы не таскаться по баламъ и по улицамъ, — какъ думали его товарищи.

Но какъ бы то ни было, а во всякомъ случаѣ жили они сначала очень счастливо. «И какъ дешево живетъ, когда женишься!» — воскликнулъ онъ однажды вскорѣ послѣ свадьбы: — та же самая сумма, на которую онъ холостякомъ скудно существовалъ, хватала имъ вполнѣ на двоихъ. Это такое чудное учрежденіе — бракъ, все имѣешь готовымъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ, мѣсто для спанья, развлеченіе, ресторанъ — все. Нѣтъ больше кельнерскихъ счетовъ, «чаевъ», любопытнаго взгляда портъе, когда рано утромъ выходишь подъ руку съ «женщиной».

Жизнь ему улыбалась, онъ чувствовалъ ростъ силъ и работалъ за троихъ; никогда раньше не бывалъ онъ въ такомъ отлѣнномъ настроеніи, по утрамъ онъ однимъ скачкомъ выпрыгивалъ изъ постели, расположеніе духа прекрасное, и самъ онъ какъ бы помолодѣлъ.

Черезъ два мѣсяца, раньше чѣмъ успѣла прокрасться скука, его жена сдѣлала ему нѣкоторое довѣрчивое признаніе. Новая радость, новая забота, и все это переносилось такъ легко! Было необходимо нѣсколько увеличить доходы,

чтобы встрѣтить достойнымъ образомъ новаго гражданина. Онъ досталъ себѣ переводы. Въ квартирѣ появились маленькіе нѣжные кусочки ткани, она лежала всюду на мебели; колыбель уже ждала своего постояльца; и вотъ въ одинъ прекрасный день онъ явился въ этотъ міръ заботъ — свѣжій и бодрый.

Отецъ былъ въ восторгѣ, несмотря на то, что не могъ уже избѣгнуть нѣкотораго ощущенія страха при мысли о будущемъ. Расходъ и приходъ уже не могли такъ хорошо согласоваться другъ съ другомъ, какъ прежде, и стало необходимо стѣснять себя въ своемъ туалетѣ. Черный сюртукъ уже началъ блескѣть и рубашки нужно было прятать подъ большой галстухъ. Брюки внизу нѣсколько обтрепались, что, морща носъ, отмѣтили его товарищи.

И свой рабочій день долженъ былъ онъ удлинить.

«Теперь, пока, не нужно, чтобы еще появлялись дѣти», — думалъ онъ про себя. Но какъ съ этимъ быть?—Этого онъ не зналъ.

Спустя три мѣсяца жена сообщила ему, что его отеческая радость должна удвоиться. Онъ не особенно обрадовался этой новости, но это дѣла не мѣняло, надо было приспособляться къ обстоятельствамъ, т. к. женитьба оказалась уже не такимъ дешевымъ предпріятіемъ.

«Но младшій наследуетъ рубашечки и пеленки старшаго, не правда ли? Это будетъ недорого стоить и, въ концѣ концовъ, должны же они жить, какъ одинъ, такъ и другой?»

Такъ думалъ онъ — и повеселѣлъ.

И вотъ онъ сдѣлался отцомъ во второй разъ.

— Однако, у тебя дѣло идетъ на всѣхъ парахъ, — сказалъ ему одинъ изъ его товарищей, который былъ давно женатъ и имѣлъ лишь одного ребенка.

— Да, чортъ возьми, но что же тутъ подѣлаешь?

— Нужно быть благоразумнымъ!

— Благоразумнымъ? Послушай, милый, вѣдь женятся не для того, чтобы... я думаю, не для того, чтобы быть одному, ну, однимъ словомъ, разъ мы женаты, я думаю это ужъ ясно!..

— Не совсѣмъ, можно взглянуть и съ другой точки зрѣнія; такъ, если ты хочешь преуспѣвать въ жизни, ты долженъ заботиться, чтобы у тебя была хорошая крахмаль-ная сорочка и панталоны не были бы отрепаны внизу.

И другъ шепнулъ ему на ухо пару словъ.

И бѣдному мужу пришлось во всемъ сильно сократить себя, но нужда началась.

Прежде всего пришлось имѣть дѣло съ нервнымъ расстройствомъ, бессонными ночами, усталостью, неспособностью къ работѣ. И потомъ на сцену появился докторъ, три кроны за каждый рецептъ, и какой рецептъ, о Боже! Онъ не долженъ утомлять себя, онъ работалъ слишкомъ много, — сердце устало. Но ничего не дѣлать — это было равносильно полному упадку семьи. А работать, — это тоже былъ упадокъ, но его самого.

И онъ работалъ!

Однажды, когда онъ сидѣлъ въ бюро, согнувшись надъ безконечными колоннами цифръ, у него сильно закружилась голова, и онъ упалъ. Визитъ къ специалисту, — восемнадцать кронъ. Новыя предписанія: взять по болѣзни отпускъ, каждое утро хорошая прогулка верхомъ и на завтракъ бифштексъ со стаканомъ хорошаго портвейна.

Бздить верхомъ и пить портвейнъ!

Но, что хуже всего, онъ сталъ замѣчать въ себѣ прокрадывающуюся холодность къ любимой женщинѣ. Онъ боялся подойти къ ней близко и томился по ней; онъ любилъ ее, любилъ, какъ и раньше, но это чувство уже перемѣшалось съ горечью.

— Ты худѣешь, — говорили ему его товарищи.

— Да, мнѣ тоже это кажется, — отвѣчалъ бѣдный мужъ.

— Я тебѣ давно хотѣлъ сказать, мой другъ, — говорилъ другой, — ты затѣялъ опасную игру.

— Я не понимаю ни слова.

— Да, — такія исторіи... когда женишься, я хочу только предостеречь тебя.

— Честное слово, я все еще не понимаю тебя!

— Долго съ вѣтромъ бороться нельзя, взмахни свободно веслами и ты увидишь, какъ ты поздоровѣешь! Повѣрь мнѣ, я это знаю, вѣдь ты меня понимаешь?

Ассессоръ понялъ благой совѣтъ, но онъ зналъ, что если онъ ему послѣдуетъ, то это повлечетъ за собою увеличеніе числа дѣтей. Во всякомъ случаѣ онъ теперь былъ убѣжденъ, что именно въ этомъ была причина его болѣзни.

Между тѣмъ настало лѣто. Семья переѣхала въ деревню. Однажды въ прекрасный вечеръ супруги гуляли вдвоёмъ по шtrandу, по тѣнистой дорогѣ. Тихіе и безмолвные сидѣли они на травѣ, мрачныя мысли шевелились въ его измученномъ мозгу. Жизнь представлялась пучиной, которая разверзается, чтобы поглотить все, что любишь. Они стали говорить о томъ, что онъ скоро потеряетъ мѣсто, начальству очень не нравилось, что онъ снова былъ принужденъ просить отпускъ, онъ жаловался на поведеніе своихъ коллегъ, чувствовалъ себя покинутымъ всѣми и страдалъ отъ мысли, что даже ей онъ не нуженъ. Но нѣтъ, нѣтъ, она любитъ его такъ же, какъ въ первые счастливые дни ея молодого замужества. Неужели онъ можетъ въ этомъ сомнѣваться?..

Нѣтъ, этого нѣтъ, но онъ такъ много страдалъ, онъ больше не чувствуетъ себя господиномъ своихъ мыслей. Онъ спряталъ свое горящее лицо у нея на плечѣ, крѣпко ее обнялъ и покрылъ горячими поцѣлуями ея глаза.

Комары большими роями танцовали вокруг березы свой свадебный танецъ, не заботясь о своемъ потомствѣ, которому они въ эти счастливыя минуты давали жизнь. Въ водѣ играли беззаботныя рыбы, и ласточки въ воздухѣ цѣловались на лету, не боясь послѣдствій своихъ нелегальныхъ связей.

Вдругъ онъ вскочилъ, какъ бы пробуждаясь отъ тяжелого сна, полного злыхъ сновидѣній, вдыхая глубокими вздохами свѣжій воздухъ.

— Что съ тобой? — спросила его жена, густо покраснѣвъ.

— Я не знаю, — я знаю только, что я снова живу, снова дышу!

И, сіяющій, съ прояснившимся лицомъ, съ блестящими глазами, протянулъ онъ ей руку, поднялъ ее, какъ ребенка, и поцѣловалъ въ лобъ. Его мускулы трепетали, какъ у античнаго бога, его тѣло гордо выпрямлялось и, полный счастья и радости жизни, несъ онъ свою милую ношу къ пѣшеходной дорожкѣ, на которой поставилъ ее на землю.

— Ты устанешь, милый, — говорила она, стараясь высвободиться изъ его объятій.

— Боже сохрани, я могъ бы нести тебя до конца свѣта, и я хочу всѣхъ васъ нести на своихъ рукахъ, сколько есть и больше, — сколько васъ будетъ, — прибавилъ онъ.

И полные радости, рука съ рукой, возвратились они домой.

— Если все къ этому сводится, милая, нужно сознаться, что не трудно перескочить черезъ пропасть, разъединяющую тѣло и душу.

— Ахъ, какъ ты говоришь!

— Если бы я это зналъ раньше, я не былъ бы такъ несчастенъ. Охъ ужъ эти идеалисты!

И они пришли домой. Хорошія старыя времена вос-

кресли, и на этотъ разъ, казалось, надолго. Мужъ посѣщалъ свое бюро и радость, не покидала ихъ. Больше не нужно было докторовъ, и у него было всегда хорошее самочувствіе.

Но послѣ третьяго крещенія опять началась старая исторія съ опасной игрой и опять съ тѣми же послѣдствіями — докторъ, отпускъ, ѣзда верхомъ, портвейнъ. Нужно было положить этому конецъ, дефицитъ оказывался слишкомъ чувствительнымъ.

Совершенно истощенный съ совершенно испорченной нервной системой, онъ, наконецъ, увидѣлъ себя принужденнымъ уступить природѣ, и снова выросли расходы и понизились доходы.

— Сказать по правдѣ, милое дитя, съ нами повторяется та же исторія, что и прежде, — сказалъ онъ.

— До извѣстной степени да, милый, — сказала бѣдная женщина, на которую долгъ матери накладывалъ большую часть домашней работы. Послѣ четвертаго ребенка ей стало такъ тяжело, что пришлось нанять няньку.

— Теперь довольно, — сказалъ несчастный мужъ, — теперь мы проведемъ черту!

Главная опора дома покачнулася, и приблизилась бѣдность.

И въ 30 лѣтъ, въ это прекрасное время полного расцвѣта, когда всѣ цвѣты требуютъ оплодотворенія, несчастные супруги увидѣли себя осужденными на печальную безбрачную жизнь!

У мужа всегда были разстроены нервы, цвѣтъ лица его сдѣлался тусклымъ, и глаза потухли.

Пышная красота жены поблекла, ея сильная грудь увяла, и къ тому же она несла всѣ страданія матери, которая видитъ своихъ дѣтей плохо накормленными и плохо одѣтыми.

Однажды она стояла у плиты и жарила селедку, когда вошла къ ней сосѣдка, чтобы немного поболтать.

— Какъ живете? — спросила она.

— Спасибо, такъ себѣ, а вы?

— Ахъ, мнѣ трудно; не очень сладко быть замужемъ, когда приходится биться, какъ рыба объ ледъ.

— Вы думаете, что вамъ одной такъ?

— Ахъ!..

— Знаете, что сказалъ онъ мнѣ однажды? Надо шадить домашнихъ животныхъ, — сказалъ онъ, — а я вотъ страдаю, и меня никто не шадить, повѣрьте мнѣ. Все хорошее, что есть въ супружествѣ, долженъ знать только одинъ изъ двухъ, и это сказывается на одномъ, на немъ или на ней.

— Или на обоихъ.

— Но, кажется, ничѣмъ нельзя помочь!

— И объ чемъ думаютъ ученые?

— Да ученые, они должны и объ другомъ подумать, и къ тому же не принято писать о такихъ вещахъ, вѣдь этого нельзя вслухъ прочесть!

И объ женщины начали рассказывать другъ другу свои печальныя обстоятельства.

На слѣдующее лѣто они были принуждены остаться въ городѣ. Ихъ квартира находилась въ нижнемъ этажѣ, въ узкой улицѣ, окна выходили прямо на мостовую, отъ которой такъ отвратительно пахло, что едва можно было дышать. Жена сидѣла и шила въ той же комнатѣ, гдѣ играли дѣти, мужъ, который потерялъ свое прежнее мѣсто, сидѣлъ за своей перепиской и ворчалъ на шумъ, поднятый дѣтьми. И съ его губъ срывались горькія слова.

Троицынъ день. Послѣобѣденное время. Мужъ лежитъ на старомъ кожаномъ диванѣ и черезъ стекла оконъ разсматриваетъ противоположный домъ. У окна стоитъ молодая дѣвушка, скомпрометтировавшая себя дурнымъ поведениемъ, и наряжается для вечерней прогулки; на ея туалетномъ столѣ стоитъ вѣтка сирени, и лежатъ два апель-

сина. Не обращая вниманія на любопытные взгляды, она шнуруетъ свой корсетъ.

— Это вовсе ужъ не такая дурная жизнь,—подумалъ онъ, вспоминая о своей безбрачной участи,—вѣдь живутъ же съ этимъ.

Его жена, вошедшая въ эту минуту въ комнату, угадала направленіе его взглядовъ. Въ ея глазахъ вспыхнула послѣдняя искра ея выжженной любви, и изъ подъ пепла вырвалось чувство ревности.

— Ты не находишь, что намъ надо погулять съ дѣтьми?— сказала она.

— Чтобы выставить напоказъ нашу нищету? Да? Покорно благодарю!

— Но здѣсь такъ жарко, я опущу гардины.

— Открой лучше окно.

Онъ отгадалъ мысль жены и всталъ, чтобы сдѣлать это самому. Снаружи, на узкомъ тротуарѣ сидѣли его четверо дѣтей у водосточной трубы и играли въ апельсинныя корки. Онъ почувствовалъ при видѣ этой картины уколъ въ сердцѣ, и рыданія сдавили ему горло. Но бѣдность притушила его, онъ остался стоять неподвижно.

Вдругъ изъ водосточной трубы вырвался на мостовую потокъ помой и залилъ ноги дѣтей, которыя, почти задыхаясь отъ отвратительнаго зловонія, подняли страшный крикъ.

— Одѣнь поскорѣе дѣтей на прогулку,—кричалъ онъ рѣзко женѣ, которая кинула ему взглядъ, полный страданія.

Отецъ катилъ колясочку съ меньшимъ, а мать вела двоихъ за руки. Они отправились въ обыкновенное мѣсто своей прогулки, къ церкви св. Клары, гдѣ росло много тѣнистыхъ липъ.

Бѣдныя учительницы шли къ церковной службѣ и садились на свободныя скамейки богатыхъ, которые уже

позаботились за главной службой о спасеніи своихъ душъ и теперь покачивались на резиновыхъ шинахъ въ аллеяхъ парка.

Супруги усѣлись на одной скамейкѣ, рядомъ стояла колясочка, гдѣ малышъ сосалъ свою бутылочку, другія дѣти сидѣли на большихъ надгробныхъ камняхъ, украшенныхъ гербами и надписями; около нихъ съ лаемъ носились двѣ собаки.

Молодая элегантно одѣтая супружеская чета прошла мимо, ведя за руку маленькую дѣвочку, одѣтую въ шелкъ и кружева. Бѣдный переписчикъ узналъ своего прежняго товарища по торговому бюро. Тотъ сдѣлалъ видъ, что не узналъ его. Чувство зависти такъ остро шевельнулось въ бѣдномъ человѣкѣ, что причинило ему еще большее огорченіе, чѣмъ само его бѣдственное положеніе: онъ такъ охотно очутился бы на мѣстѣ своего бывшаго товарища. Теперь онъ былъ членомъ другого слоя общества, болѣе низкаго, и естественно, что болѣе счастливый возбуждалъ его зависть. Вѣроятно, и тѣ грязныя старухи, что сидятъ тамъ на паперти, завидуютъ его женѣ и, вѣроятно, тѣ богачи, которые лежатъ здѣсь подъ красивыми памятниками, завидовали бы тому, что у него дѣти, такъ какъ они покинули этотъ міръ, оставивъ безъ наслѣдниковъ свои майораты. Въ каждой жизни есть свои недочеты, но почему всегда случается такъ, что въ жизни преуспѣваютъ тѣ, кому и такъ хорошо живется? Добрый, справедливый Господь, почему такъ неравно распредѣлилъ Онъ свои дары? И не лучше ли было бы жить всѣмъ безъ Бога, повѣривъ разъ навсегда, «что вѣтеръ дуетъ откуда ему вздумается и мало заботится о нашихъ обстоятельствахъ». Но безъ церкви нѣтъ утѣшенія, а зачѣмъ оно, это утѣшеніе? И не лучше ли было бы устроиться такъ, чтобы не нуждаться ни въ какомъ утѣшеніи. Эти мысли прервала старшая дочь, прося сорвать липовый листочекъ и

сдѣлать изъ него зонтикъ для куклы. И едва онъ влѣзъ на скамейку, чтобы сорвать листь, какъ появился полицейскій и грубымъ голосомъ замѣтилъ, что листьа рвать запрещено. Новое униженіе!

И къ тому же полицейскій попросилъ запретить дѣтямъ сидѣть на памятникахъ, такъ какъ это тоже запрещено.

— Лучше всего — пойдете домой, — сказалъ съ возмущеніемъ несчастный мужъ, — какъ много заботятся о мертвыхъ и какъ мало о живыхъ!

И они пошли домой.

Мужъ сѣлъ за работу. Ему нужно было переписать рукопись академической лекціи, въ которой трактовалось о переростѣ населенія.

Онъ не могъ не заинтересоваться содержаніемъ и сталъ перелистывать тетрадь. Молодой авторъ, принадлежавшій къ этической школѣ, возставалъ противъ порока. «И что же такое этотъ порокъ? То, благодаря чему мы всѣ появились на свѣтъ Божій, то самое пожеланіе, которое возвѣщаетъ пасторъ новобрачнымъ, говоря: плодитесь и размножайтесь! А молодой авторъ писалъ: «кромѣ супружескихъ, всѣ сношенія половъ являются неизгладимымъ порокомъ, а въ бракѣ—первый долгъ дать волю своему расположенію и т. д.» И всѣ эти слова онъ долженъ былъ написать своею собственной рукой! Такая масса морали и ни одного слова разъясненія! Въ концѣ молодой философъ доказывалъ, что громадныя поля пшеницы показываютъ, что никакого перероста населенія нѣтъ и что теорія Мальтуса не только не вѣрна, но и безнравственна, какъ съ точки зрѣнія буржуазной морали, такъ и съ общечеловѣческой.

И несчастный отецъ семейства, который ужъ столько лѣтъ не пробовалъ хорошаго хлѣба, всталъ, чтобы итти хлебать грубую кашу со снятымъ молокомъ, наполнить свой желудокъ, но отнюдь не насытиться.

Ему было очень горько, но не то, что приходилось плохо питаться, составляло главную бѣду, а то, что волшебная фея веселаго настроенія духа уже совсѣмъ отучилась навѣщать его. Дѣти ему казались только обузой, а любимая женщина — самымъ злымъ врагомъ, презрѣннымъ и презирающимъ!

А источникъ этой печали? Недостатокъ хлѣба. О, этотъ мѣръ противорѣчій! И наука, занявшая мѣсто религій, не давала никакого отвѣта на всѣ сомнѣнія, она констатируетъ лишь факты и спокойно предоставляет умирать съ голоду и дѣтей и родителей!

Кукольный домъ.

Они были уже шесть лѣтъ женаты, но жили такъ же счастливо, какъ въ медовый мѣсяцъ. Онъ былъ флотскій капитанъ и каждое лѣто долженъ былъ уѣзжать изъ дома на многіе мѣсяцы. Два раза ужъ дѣлалъ онъ кругосвѣтное путешествіе. Эти небольшія путешествія были настоящимъ благословеніемъ. Если къ концу зимы появлялись въ отношеніяхъ супруговъ нѣкоторыя шероховатости, то лѣтнее путешествіе освѣжало до основанія ихъ совмѣстную жизнь.

Въ первое лѣто онъ ей писалъ настоящія любовныя письма, не пропускалъ ни одной стоянки, не опустивъ письма, и когда, наконецъ, увидѣлъ шведскій берегъ, то не могъ на него до сыта наглядѣться. Въ Ландсортѣ онъ получилъ отъ нея телеграмму, что она его встрѣтитъ въ Даларо, и когда его корветъ у Ютхольпа сталъ на якорь, и онъ увидѣлъ маленькій голубой носовой платокъ, которымъ махали съ веранды почтамта, то уже зналъ, что это предназначалось ему. Но у него еще было такъ много дѣла на пароходѣ, и до самаго вечера ему не удалось сойти на землю. Когда онъ подѣзжалъ въ шлюпкѣ и увидалъ ее, стоящей на пристани, молодую, свѣжую и прекрасную, то у него было такое чувство, какъ будто онъ переживаетъ снова день своей свадьбы. И какой пріятный маленькій ужинъ сумѣла она устроить въ двухъ большихъ ком-

наткахъ гостиницы! Какъ много было у нихъ разсказать другъ другу о путешествіи, о маленькомъ, о будущемъ. Вино сверкало въ бокалахъ, звучали поцѣлуи; снаружи слышались звуки вечерней зари, но это его не касалось, онъ могъ остаться еще на одинъ часъ.

— Какъ, онъ все-таки долженъ былъ уйти?

Да, собственно, онъ и совсѣмъ не долженъ бы былъ покидать корабля, но если онъ къ утренней зарѣ уже вернется, то это сойдетъ.

— А когда бываетъ утрення заря?

— Въ пять часовъ.

— Такъ рано!

Но гдѣ она будетъ спать эту ночь?

Этого онъ не долженъ былъ знать.

Но онъ непремѣнно хотѣлъ видѣть ея спальню; она стала передъ дверью и не пускала его, но онъ поцѣловалъ ее, взявъ на руки, какъ ребенка, и отворилъ дверь. Однако, какая громадная постель! Точно большой баркасъ! Гдѣ это она достала? О Господи, какъ она покраснѣла! Но изъ его письма она поняла, что они здѣсь будутъ ночевать!

Да, конечно, оба этого хотѣли, и если даже онъ утромъ опоздаетъ къ зарѣ, то и это ничему не повредитъ; нѣтъ, но какъ онъ теперь говорить!

И теперь имъ захотѣлось кофе и огня въ каминѣ, такъ какъ простыни на постели были нѣсколько влажны и жестки. Нѣтъ, но такая понятливая маленькая шельма, позаботилась о большой постели! Но какъ она ее достала? Но она вовсе ее не «доставала!»

Нѣтъ, конечно, нѣтъ, этому онъ охотно вѣрить!

Но, онъ былъ глупъ!

Какъ, онъ глупъ? И онъ схватилъ ее за талію. Нѣтъ, онъ долженъ быть благоразумнымъ! Благоразумнымъ, это легко сказать!

Вошла горничная съ дровами. Когда часы пробили два и востокъ освѣтлѣлъ, они сидѣли оба на открытомъ окнѣ. Казалось, будто она его возлюбленная, а онъ ея любовникъ. И развѣ это было не такъ? Ахъ, онъ долженъ былъ уходить! Но въ десять часовъ, къ завтраку, онъ хотѣлъ быть снова здѣсь, а потомъ они уйдутъ на парусахъ.

Онъ сварилъ кофе, которое они пили при восходѣ солнца, слушая крикъ чаекъ. Затѣмъ, поцѣловалъ ее въ послѣдній разъ, опоясался саблей и ушелъ. И когда онъ стоялъ внизу на пристани и кричалъ: «Лодку!»—она спряталась за гардины, какъ бы стыдясь. Но онъ посылалъ ей рукой воздушные поцѣлуи одинъ за другимъ даже тогда, когда подѣхали матросы съ лодкой. И потомъ еще послѣднее: «Желаю тебѣ спать хорошенько и увидѣть меня во снѣ», когда онъ уже отѣхалъ на нѣкоторое разстояние и обернулся къ ней съ биноклемъ передъ глазами и увидѣлъ въ окнѣ небольшую фигурку съ черными волосами; солнце освѣщало ее бѣлую одежду и голыя плечи, и она казалась русалкой.

Потомъ слышались звуки утренней зари. Тягучіе звуки сигнальныхъ рожковъ лились по зеленому острову, по зеркальной поверхности воды и отдавались эхомъ отъ еловаго лѣса. Потомъ, когда всѣ были уже на палубѣ—«Отче нашъ», «Господи благослови». Небольшой колоколъ Даларо отвѣчалъ тихимъ звономъ. Было воскресенье. И въ утреннемъ бризѣ показались различныя суда, развѣвались флаги, свистѣли свистки, на пристани мелькали свѣтлыя лѣтнія платья, пришелъ пассажирскій пароходъ, рыбаки вытащили свои сѣти, а надъ синей водой и зеленой землей ярко блестѣло золотое солнце.

Въ десять часовъ капитанъ пріѣхалъ опять на шестивесельной лодкѣ, и супруги опять были мѣстѣ. Когда они завтракали въ большой залѣ, другіе гости шептали: «Это

его жена?» Онъ говорилъ вполголоса, какъ влюбленный, а она опускала глаза внизъ и смѣялась или била его салфеткой по пальцамъ.

Лодка стояла у пристани уже готовая къ отплытію, она сѣла на руль, онъ управлялъ парусами. Но онъ не могъ отвести взора отъ ея фигуры; одѣтая въ свѣтлое лѣтнее платье, съ крѣпкой высокой грудью, съ серьезнымъ и милымъ лицомъ, съ твердымъ взглядомъ, крѣпко держалась она за ванту маленькой рукой въ перчаткѣ изъ оленьей кожи. Его безконечно забавляло, когда она ему сдѣлала выговоръ, точно юнгѣ.

— Почему, собственно, ты не привезла маленькаго?

— Какъ могла я знать, гдѣ придется мнѣ его помѣстить?

— Конечно въ огромномъ баркасѣ.

Она смѣялась, и ея манера смѣяться несказанно ему нравилась.

— Да, а что сказала хозяйка сегодня утромъ? — спросилъ онъ дальше.

— А что она должна была сказать?

— Спрашивала она, хорошо ли ты спала?

— А почему я должна была плохо спать?

— Почему я знаю, можетъ быть скреблись крысы, или скрипѣла оконная рама, да мало ли что можетъ потревожить сонъ такой старой дѣвы!

— Если ты сейчасъ же не станешь сидѣть смирно, то я натяну паруса и ты у меня нырнешь въ воду.

Они высадились на маленькомъ островѣ и позавтракали привезенной въ корзиночкѣ провизіей, потомъ охотились съ револьверомъ за козой, ловили рыбу, но т.-к. ничего не попадалось, то поплыли дальше. Въ фіордѣ, гдѣ бѣлыя гагары летѣли на югъ, гдѣ взадъ и впередъ скользили щуки—онъ безъ усталости смотрѣлъ на нее, говорилъ съ ней, цѣловалъ ее.

Такъ встрѣчались они подрядъ шесть лѣтъ въ Даваро и всегда были одинаково юны, одинаково влюблены и счастливы.

Зимою же сидѣли они въ своей маленькой квартирѣ въ Скепхольмѣ. Тамъ дѣлалъ онъ параклодики для мальчика или рассказывалъ ему свои приключенія въ Китаѣ, и жена сидѣла тутъ же и забавлялась этими дикими исторіями. И комната, въ которой они сидѣли, была самая лучшая, какая только бываетъ, не такая, какъ всякая другая. Тамъ висѣли японскіе зонтики и оружіе, остъ-индскія миниатюрныя пагоды, австралійское оружіе, луки и копья, негрскіе барабаны, засушенныя летучія рыбы, сахарный тростникъ и трубки для куренія опиума. И папѣ, который уже начиналъ плѣшивѣть, совсѣмъ уже переставало нравиться тамъ, снаружи. Онъ игралъ партію въ шахматы или въ карты съ аудиторомъ, — при этомъ всегда бывалъ грогъ. Сначала и жена принимала участіе въ игрѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ стало четверо дѣтей, у нея на это уже не оставалось времени, она только присаживалась около мужа и заглядывала къ нему въ карты, а онъ каждый разъ, какъ она приходила, бралъ ее за талію и спрашивалъ совѣта.

Корветъ долженъ былъ выйти въ море и остаться тамъ шесть мѣсяцевъ. Капитану это было очень не по душѣ, дѣти уже становились большими, женѣ одной было трудно съ ними справляться, и самъ капитанъ былъ уже не такъ юнъ и жизнерадостенъ. Но такъ должно было быть, и онъ уѣхалъ.

Изъ Кронберга онъ уже послалъ ей письмо, которое содержало въ себѣ слѣдующее:

«Мой милый маленькій цвѣточекъ! Вѣтеръ слабый SSO, къ 0 + 10° Цельсія. 6 склянокъ на Вахтѣ».

«Я не могу тебѣ описать, какъ мнѣ горько безъ тебя. Когда мы у Кастельхольма снялись съ якоря (6 час. 30

мин. при сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ), мнѣ было такъ тяжело, какъ будто что-то давило мнѣ сердце. Говорятъ, что моряки имѣютъ предчувствія, когда съ ихъ близкими что-нибудь должно случиться. Я ничего не знаю объ этомъ, но я чувствую, что до тѣхъ поръ, пока я не получу твоего письма, я не найду себѣ покоя. На кораблѣ ничего не происходитъ по той простой причинѣ, что нечему происходить. Какъ живете вы, тамъ, дома? Получилъ-ли Бобъ, наконецъ, свои новыя ботинки и въ порули онѣ ему? Я плохой «писатель», какъ ты знаешь, и потому кончаю. Большой поцѣлуй въ этотъ крестъ.

«Твой старый Палль».

P.S. Ты должна, моя маленькая, искать себѣ общества (женскаго, конечно), и не забудь попросить хозяйку въ Даларо, чтобы она хорошенько сохранила большой баркасъ къ моему приходу. (Вѣтеръ крѣпнетъ, сегодня ночью будетъ дуть съ сѣвера!).

Въ Портсмутѣ капитанъ получилъ слѣдующее письмецо отъ своей жены:

«Милый старый Палль!

«Ты не повѣришь, до чего здѣсь отвратительно безъ тебя, маленькой Алисъ было плохо, когда прорѣзывался зубъ, но теперь, наконецъ, онъ прорѣзался. Докторъ говоритъ, что это необыкновенно рано и что это означаетъ, — но нѣтъ, этого тебѣ не надо знать! Бобу ботинки пришли очень хорошо, и онъ ими ужасно гордится. Ты пишешь въ своемъ письмѣ, что я должна искать женскаго общества; это я уже сдѣлала, или, скорѣе, она меня нашла. Ее зовутъ Оттилія Сандегренъ, она училась въ семинаріи; она очень серьезная, такъ что моему старому Паллю нечего бояться, что она собьетъ его цвѣточекъ съ правильной дороги. И къ тому же она очень религіозна. Да, да, мы уже рѣшили объ, какъ можно серьезнѣе относиться

къ религіи. Она великолѣпная дѣвушка. Ну, на сегодня достаточно, т.-к. сейчасъ придетъ за мной Оттилія. Она какъ разъ пришла и проситъ передать тебѣ поклонъ.

«Твоя вѣрная Гурли».

Капитанъ не очень былъ доволенъ этимъ письмомъ, оно было слишкомъ коротко и не такъ живо, какъ обыкновенно. — Семинарія, — религія, серьезность и Оттилія, дважды Оттилія! И эта подпись! Гурли, — почему не Гурмія, какъ всегда? Гм! — Черезъ недѣлю, когда они были въ Бордо, онъ получилъ опять письмо и съ нимъ книгу перевязанную крестъ на крестъ. «Милый Вильгельмъ!» Что! Вильгельмъ? Больше уже не Палль? «Жизнь есть борьба», чортъ возьми! что это значить? Какое намъ дѣло до жизни?.. «съ начала до конца». «Сладкая, какъ источникъ Кедрона» — Кедрона? Это ужъ не изъ Библии ли? «текла наша жизнь до сегодняшняго дня. Мы, какъ лунатики, подошли къ будкѣ, не видя ее». — О, семинарія, семинарія! — «Но существуетъ этическая сторона, которая цѣнна своей высшей силой». — Сила — это хорошо!

«Теперь, когда я пробуждаюсь отъ своего долгаго сна и спрашиваю себя, было ли наше супружество истиннымъ, я должна себѣ со стыдомъ и раскаяніемъ сказать: нѣтъ, этого не было! Любовь есть небесное начало. (Матѳ. XI, 122)».

Капитанъ принужденъ былъ подняться и выпить воды съ ромомъ, чтобы быть въ состояніи продолжать чтеніе письма. «Какъ земна и тѣлесна въ противоположность этому наша любовь. Жили ли наши души въ той гармоніи, о которой говоритъ Платонъ? (Федонъ, книга IV, глава II, § 9). Нѣтъ! Чѣмъ была я для тебя? Твоя экономка и — о, стыдъ — твоя любовница! Понимали ли наши души другъ друга? Нѣтъ, должны мы отвѣтить!» Къ чорту всѣ Оттиліи и семинаріи! Она была моею экономкой! Она

моя жена и мать моихъ дѣтей! «Прочти книгу, которую я тебѣ посылаю. Она дастъ тебѣ отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Она высказываетъ то, что въ продолженіе столѣтій дремало въ женскихъ сердцахъ. Прочти это и потомъ скажи мнѣ, былъ ли истиннымъ нашъ супружескій союзъ?»

«Твоя вѣрная Гурли».

Итакъ, его дурное предчувствіе оправдалось!

Капитанъ былъ внѣ себя и не могъ себѣ представить, что сдѣлалось съ его женой. Это было безумнѣе, чѣмъ какая-нибудь проповѣдь!

Онъ разорвалъ крестообразную повязку на присланной книгѣ. «Кукольный домъ», Генрика Ибсена, прочелъ онъ на переплетѣ.

— «Кукольный домъ!» Еще что! Конечно, его домъ былъ милымъ, славнымъ кукольнымъ домомъ, его жена была его маленькая куколка, и онъ — ея большая кукла. Да, они играли въ жизнь, сдѣлали изъ нея гладкую, торную дорогу и были счастливы! Чего же имъ не хватало? Какое преступленіе они совершили? Онъ долженъ просмотрѣть книгу, тамъ должно быть все это. Черезъ три часа книга была прочтена, но его разсудокъ остался невозмутимымъ. Какъ это ихъ обоихъ могло касаться? Развѣ они выдали фальшивый вексель? Развѣ они не любили другъ друга? Ну! — Онъ заперся въ каютѣ и еще разъ перечелъ книгу. Многое подчеркнулъ тамъ краснымъ и синимъ, и когда стало разсвѣтать, онъ сѣлъ къ столу, чтобы написать своей женѣ. И онъ написалъ:

«Небольшое благонамѣренное разсужденіе о произведеніи «Кукольный домъ», посланное старымъ Паллемъ съ корвета Ванадисъ изъ Атлантическаго океана и Бордо (45° сѣв.-вост., 16° L.)».

§ 1. Она вышла за него замужъ, потому что онъ ее любилъ, и поступила совершенно правильно, такъ какъ

если бы она стала ждать, пока сама полюбитъ человѣка, то легко могло случиться такъ, что судьба захотѣла бы, чтобы онъ ее не любилъ, и тогда она осталась бы на мели, такъ какъ это очень рѣдко случается, чтобы оба были влюблены другъ въ друга.

§ 2. Она выдаетъ фальшивый вексель. Это было глупо съ ея стороны, но она не должна говорить, что сдѣлала это лишь ради него, такъ какъ она его не любила. Если бы она сказала, что сдѣлала это ради ихъ обоихъ и дѣтей, то это была бы правда. Развѣ это не ясно?

§ 3. То, что онъ влюбляется въ нее послѣ бала, доказываетъ, что онъ вообще въ нее былъ влюбленъ и въ этомъ нѣтъ ничего плохого, но то, что это представляется въ театрѣ — это плохо. Il y a des choses qui se font mais qui ne se disent pas, — не правда ли?

§ 4. То, что она, узнавши, что ея мужъ такой свинья, такъ какъ онъ дѣйствительно таковъ, потому что прощаетъ ее лишь тогда, когда убѣждается, что вся исторія не выйдетъ на свѣтъ; итакъ, то, что она при этомъ открытіи хочетъ уйти отъ своихъ дѣтей, считая себя недостойной ихъ воспитывать, это не что иное, какъ остроумное кокетство. Такъ какъ она глупая гусыня, — потому что вѣдь не надо же учиться въ семинаріи, чтобы знать, что фальшивые векселя недопустимы, — а онъ оселъ, то они великолѣпно подходятъ другъ къ другу. И, по крайней мѣрѣ, она не должна предоставлять воспитаніе своихъ дѣтей такому молодцу, котораго она презираетъ.

§ 5. Итакъ, Нора имѣетъ еще больше основаній остаться съ дѣтьми съ тѣхъ поръ, какъ узнала, каковъ молодчикъ ея супругъ.

§ 6. То, что мужъ не оцѣнилъ ее по-истинному съ самаго начала, въ этомъ онъ не виноватъ, такъ какъ только потомъ узналъ всю исторію.

§ 7. Нора прежде была очень глупенькой, что она и сама не отрицаетъ.

§ 8. Для однихъ ясны гарантіи лучшаго, чѣмъ прежде, обоюднаго соотношенія: онъ раскаивается и хочетъ исправиться, она тоже! Прекрасно! Въ этомъ все дѣло; теперь посмотримъ дальше. Равное и равное согласуется между собой очень хорошо. Ты была глупой гусыней, а я вель себя, какъ быкъ. Ты, маленькая Нора, была иною воспитана, я, старый осель, былъ въ этомъ отношеніи не лучше. Вини ихъ обоихъ. Закидывай гнилыми яйцами наше воспитаніе, но не раскапывай мнѣ черепа. Я, несмотря на то, что я мужчина, такъ же невиновенъ, какъ и ты, даже пожалуй больше, такъ какъ я на тебѣ женился по любви, а ты — изъ экономическихъ соображеній. Останемся же оба друзьями и общими силами научимъ нашихъ дѣтей тому, что намъ самимъ такъ трудно далось! Ясно? Справедливо? И все это написалъ капитанъ Палль со своимъ неповоротливымъ умомъ и своими негибкими пальцами.

«Ну, моя любимая куколка, вотъ я прочелъ твою книгу и высказалъ мое мнѣніе о ней. Но скажи мнѣ, чѣмъ собственно это насъ касается? Развѣ мы не любили другъ друга? Развѣ не любимъ теперь? Развѣ мы не воспитали другъ друга, не помогли другъ другу обойти острые углы, что въ началѣ, какъ ты, вѣроятно, помнишь, было вовсе не такъ легко? Что же это за фантазіи? Ну ихъ, всѣхъ Оттилій и семинаріи! Это очень противная книга, которую ты мнѣ прислала, это какъ плохо намѣченный фарватеръ, въ которомъ легко утонуть. Но я вооружился готовальней и хорошо намѣтилъ свой путь на картѣ, такъ какъ плыву свободно. Но больше я этого не сдѣлаю. Органы гнилые внутри тоже приходится щелкать, разъ ужъ ихъ получилъ, — это ужъ чортъ придумалъ.

«Ну, желаю тебѣ счастья, покоя и чтобы ты получила опять твой ясный разумъ. Что подѣлываютъ маленькіе?

Ты совсѣмъ позабыла написать о нихъ. Ты, вѣроятно, слишкомъ много думала о прелестныхъ дѣтяхъ Норы? (если вообще что-либо подобное существуетъ въ театрѣ). Плачетъ ли мой сынъ, играетъ ли маленькій, поетъ ли мой соловей и танцуетъ ли маленькая куколка? Это она должна дѣлать всегда, тогда ея старшій Палль будетъ доволенъ. А теперь пусть Господь тебя благословитъ, не допускай между нами никакихъ дурныхъ мыслей, мнѣ все это такъ печально и досадно, что я даже и сказать не могу. Я долженъ здѣсь сидѣть и писать эти разсужденія на эту пьесу. Благослови Богъ тебя и дѣтей, поцѣлуй ихъ отъ твоего вѣрнаго стараго

Палля».

Когда капитанъ кончилъ это письмо, онъ позвалъ доктора къ себѣ и приготовилъ грогъ.

— Гмъ,—сказалъ онъ,—знаешь ли ты запахъ старыхъ черныхъ штановъ? Мнѣ хочется мою душу вывѣсить высоко на мачту, чтобы она тамъ провѣтрилась хорошимъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ!

Но докторъ ничего изъ этого не понималъ.

— Оттилія, Оттилія!—это она сюда суется. Ей жизнь удѣлила скупую порцію!

— Но что собственно съ тобой происходитъ, мой старшій Палль? — спросилъ докторъ.

— Платонъ, Платонъ! Конечно! Когда пробудешь шесть мѣсяцевъ на морѣ, то о Платонѣ, конечно, можно думать, а! Сдѣлаешься моралистомъ! Я готовъ ручаться головой, что если бы Оттиліи хорошо жилось, то врядъ ли она стала бы говорить о Платонѣ!

— Но въ чемъ дѣло?

— Ахъ, ни въ чемъ, но слушай, ты—докторъ, скажи мнѣ, какъ собственно у женщинъ, не опасно ли для нихъ долго не выходить замужъ? Гмъ! Не дѣлаются ли онѣ,

такъ-сказать, — ну, ты понимаешь, немножечко нездоровыми? Тутъ, вверху? Что?

Докторъ высказалъ, что къ несчастью не всѣ самки могутъ получить оплодотвореніе, и это, конечно, достойно сожалѣнія. Въ природѣ, гдѣ почти всегда самецъ живетъ въ полигаміи (и это ничему не вредитъ, такъ какъ не вліяетъ на уменьшеніе корма для дѣтенышей), не наблюдается такого ненормального явленія, какъ неоплодотворенныя самки. Но въ культурной жизни такой выходъ можно считать почти исключительно счастливой случайностью, чаще же случается, что женскія особи превышаютъ своимъ количествомъ мужскія. Но надо быть снисходительнымъ къ старымъ дѣвамъ, такъ какъ у нихъ очень печальная доля.

— Нужно быть съ ними добрыми, — да это легко сказать, но если онѣ-то къ намъ недобры?

И тутъ онъ отвелъ свою душу и рассказалъ доктору все, даже и свои разсужденія о книгѣ.

— Ахъ, теперь пишутъ такъ много вздора, — сказалъ докторъ. — Во всякомъ случаѣ этими важными вопросами должна заняться наука и только наука!

Когда капитанъ послѣ шестимѣсячнаго отсутствія и скучной переписки со своей женой, которой показались обидными его разсужденія объ ибсеновской пьесѣ, высадился въ Даларо, то его тамъ встрѣтила его жена, всѣ дѣти, двѣ прислуги и Оттилія. Его жена была мила и добра, но недостаточно нѣжна, для привѣтственнаго поцѣлуя протянула она ему лишь лобъ. Оттилія была высока, какъ дерево, и носила стриженные волосы, которые на затылкѣ торчали, какъ амбарная метла. Ужинъ былъ довольно скудный, съ чаемъ. Баркасъ былъ наполненъ дѣтьми, и капитанъ принужденъ былъ лечь въ другой комнатѣ. О, раньше все это было совсѣмъ по другому! Капитанъ выглядѣлъ постарѣвшимъ и былъ совершенно

обезкураженъ. Это настоящій адъ, — думалъ онъ, — быть женатымъ и все-таки не имѣть жены!

На слѣдующее утро онъ хотѣлъ сдѣлать небольшую прогулку по морю на парусахъ, но Оттилія не переносила моря. При прїѣздѣ сюда ей уже было такъ плохо. И, кромѣ того, было воскресенье. — Воскресенье!

Вмѣсто этого капитанъ предложилъ хотъ пойти немного погулять — вѣдь имъ такъ обо многомъ надо было поговорить, — но только чтобы Оттиліи при этомъ не было!

И они пошли съ ней подъ руку, но говорили мало, и то, что сказали, было похоже скорѣе на попытку спрятать свои мысли. Она сѣла на камень, и онъ помѣстился у ея ногъ. «Теперь что-нибудь выйдетъ», подумалъ онъ, и дѣйствительно вышло.

— Думалъ ли ты о нашемъ супружествѣ? — начала она.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ, какъ будто уже приготовившись къ этому вопросу, — я только чувствовалъ, т.-к. я думаю, что любовь есть чувство. Когда при плаваніи знаютъ мѣстность изъ опыта, то всегда приходятъ въ гавань, а когда полагаются лишь на компасъ и карту, то тонуть!

— Да, но нашъ бракъ былъ ни чѣмъ инымъ, какъ кукольнымъ домомъ!

— Ложь, могу прямо сказать! Ты никогда не выдавала фальшиваго векселя, ты никогда не показывала своихъ чулокъ первому встрѣчному доктору, желая занять у него денегъ. Ты никогда не была такъ романтична, чтобы ожидать, что твой мужъ возьметъ на себя преступленіе, которое его жена совершила по глупости, и что разъ не будетъ доносчика, то не будетъ и преступленія; ты меня никогда не обманывала, я тоже всегда былъ честнымъ съ тобою, какъ и Гельмеръ со своей женой, когда считалъ ее подругой своего сердца. Итакъ, мы — истинные супруги какъ по старомоднымъ, такъ и по новомоднымъ понятіямъ.

— Да, но я была твоею домоуправительницею!

— Ложь, могу прямо сказать! Ты никогда и въ кухнѣ не бывала, ты никогда не получала отъ меня вознагражденія, ты никогда не отдавала отчета въ хозяйственныхъ деньгахъ и никогда не получала выговора, если что-нибудь было не такъ. И ты считаешь мою работу, управление кораблемъ, счетъ селедокъ, пробу супа, вѣшаніе гороха, изслѣдованіе муки, считаешь ты все это болѣе почетнымъ, чѣмъ смотрѣть за прислугой, ходить на рынокъ, производить дѣтей на свѣтъ Божій и ихъ воспитывать!

— Нѣтъ, но ты за это мнѣ платилъ, ты самостоятельный, ты мужчина, и все зависитъ отъ тебя.

— Мое милое дитя! Хочешь ты получать отъ меня вознагражденіе? Хочешь дѣйствительно быть моей эконожкой? То, что я мужчина, это простая случайность, это вообще опредѣляется лишь на седьмомъ мѣсяцѣ. Это печально, потому что по теперешнему времени быть мужчиной — преступленіе. Но пусть чортъ возьметъ того, кто подстрекаетъ другъ на друга двѣ половины рода человѣческаго. Онъ долженъ нести большую отвѣтственность. Ты говоришь, я властвую! Да властвую ли я? Развѣ мы не властвуемъ оба вмѣстѣ? Развѣ я рѣшаюсь на что-нибудь важное, не спрося твоего совѣта? Ты же, напротивъ, воспитываешь, напр., дѣтей совершенно по твоему усмотрѣнію. Вспомни о томъ, какъ я хотѣлъ уничтожить колыбель, т.-е. считалъ нездоровымъ такимъ образомъ усыплять дѣтей, какъ ты противъ этого возстала! Ты же поступила по своей волѣ. Одинъ разъ моя воля брала верхъ, другой разъ твоя! Средины здѣсь нѣтъ, какъ нѣтъ средины между качаньемъ и некачаньемъ ребенка. И такимъ образомъ до сегодняшняго дня все шло превосходно. Но теперь ты ко мнѣ измѣнилась благодаря твоей Оттиліи.

— Оттилія! всегда Оттилія! Развѣ ты самъ не совѣтывалъ мнѣ найти подругу?

— Вовсе не такую! Во всякомъ случаѣ, теперь она всѣмъ здѣсь руководить.

— Ты хочешь разлучить меня со всѣмъ, что я люблю.

— Развѣ Оттилія все? Впрочемъ, похоже на это.

— Но не могу же я ее просто отослать отсюда, вѣдь я же ее сама пригласила, чтобы приготовить дѣвочекъ къ гимназіи и заниматься съ ними латынью!

— Что, латынь? Господи Іисусе, неужели и онѣ должны сдѣлаться сумасшедшими?

— Да, онѣ должны знать столько же, какъ и всякій мужчина, чтобы ихъ бракъ, если онѣ выйдутъ замужъ, былъ истиннымъ бракомъ!

— Но, душа моя, развѣ всѣ мужчины знаютъ латынь? Я самъ изъ нея почти ни слова не знаю, и все-таки вѣдь были же мы счастливы, да? И вообще все идетъ къ тому, чтобы и мужчинъ освободить отъ латыни, какъ отъ совершенно бесполезной вещи. А вы непременно хотите настаивать на этой ерундѣ? Вы не можете съ насъ взять примѣръ? Развѣ недостаточно уже того, что этой глупостью испортили мужскую половину рода человѣческаго? Должны и женщины быть непременно испорченными? О, Оттилія Оттилія, что ты натворила!

— Не будемъ больше объ этомъ говорить! Но наша любовь, Вильгельмъ, не была такой, какой должна быть! Она была плотской!

— Сердце мое, но какъ же имѣли бы мы дѣтей, если бы наша любовь не была плотской! Но она была не исключительно плотской!

— Развѣ можетъ быть что-нибудь въ одно и то же время и бѣлымъ и чернымъ? Отвѣтъ мнѣ на это.

— Конечно, посмотри на свой зонтикъ, онъ сверху черный, а снизу бѣлый!

— Софистъ!

— Послушай, милое дитя, говори твоими собственными

устами и твоимъ разсудкомъ, а не фразами изъ книгъ Оттилии! Пробуди свой умъ и будь снова сама собой, моею собственной милой маленькой женкой.

— Да, твоей собственной, это именно и есть твоя собственность, которую ты покупаешь на деньги, заработанныя твоимъ трудомъ.

— Совершенно также, замѣть себѣ это, я твой мужъ, твой собственный мужъ, до котораго никакая другая женщина не можетъ коснуться, если у ней есть голова на плечахъ, и котораго ты получила въ подарокъ,—нѣтъ въ вознагражденіе за то, что онъ имѣетъ тебя. Развѣ это? Развѣ тутъ нѣтъ равенства?

— Но развѣ мы не истратили зря нашу жизнь, Вильгельмъ? Развѣ были у насъ высшіе интересы?

— Да, Гурли, у насъ были высшіе интересы, мы не только тратили нашу жизнь, и для насъ пришли серьезные часы. Мы имѣли высшіе интересы, т.-к. мы заботились о будущемъ поколѣніи, мы много мучились за нашихъ дѣтей, много трудились для нихъ — ты въ особенности. Развѣ ты не подвергалась для нихъ четыре раза смертельной опасности? Развѣ ты не жертвовала дневными удовольствіями и ночнымъ покоемъ, чтобы ходить за ними и ихъ оберегать! Развѣ мы не могли бы имѣть квартиру въ шесть комнатъ съ кухней на лучшей улицѣ вмѣсто нашего небольшого жилища, если бы у насъ не было дѣтей. Развѣ не могла бы моя возлюбленная носить шелковыя платья и жемчугъ, и не могъ бы твой мужъ ходить въ незаштопанныхъ брюкахъ, если бы не было малышей? Итакъ, развѣ ужъ мы такія куклы? Такіе эгоисты? Высшіе интересы! Да развѣ это высшіе интересы, когда носятъ съ латынью, одѣваются полуголыми съ благотворительною цѣлью и оставляютъ дома дѣтей лежать въ ихъ мокрыхъ пеленкахъ, и они заболѣваютъ! Я имѣю болѣе высокіе интересы, чѣмъ Оттилія, если я хочу имѣть здоровыхъ, веселыхъ и сильныхъ дѣтей,

которыя въ послѣдствіи выполнять то, на что мы не способны! Но для этого латынь не нужна! Будь здорова, Гурли! Я долженъ идти на вахту; пойдешь со мной?

Она осталась сидѣть и молчала. Онъ пошелъ одинъ, тяжелыми, тяжелыми шагами, и синій фіордъ казался ему туманнѣе, и солнце было безъ блеска.

— Палль, Палль, что выйдетъ изъ этого?—сказалъ онъ про себя, проходя мимо кладбища.—Я желалъ бы лежать тамъ, въ тѣни подъ корнями деревьевъ, но покоя я бы тамъ не нашелъ, если бы лежалъ тамъ одинъ! Гурли, Гурли!

* * *

— Теперь все идетъ шиворотъ-навыворотъ, мамаша,—говорилъ однажды осенью капитанъ, сидя въ гостяхъ у старой дамы.

— Въ чемъ же дѣло, милый Вильгельмъ?

Капитанъ рассказалъ свои затрудненія.

— Да, да, это трудный случай, милый Вилли, но мы все-же найдемъ исходъ. Это же невозможно, чтобы ты, взрослый мужчина, вертѣлся бы какъ какой-нибудь холостякъ!

— Да, я думаю то же самое!

— Я ей недавно сказала совершенно прямо, что если она будетъ продолжать вести себя такъ, то доведетъ своего мужа до того, что онъ уйдетъ къ дурнымъ дѣвушкамъ.

— Ну, и что она на это возразила?

— Она отвѣтила, что это онъ всегда можетъ; каждый воленъ надъ своимъ тѣломъ.

— Она также, конечно! Прекрасная теорія, долженъ сознаться! Я посѣдѣю, мамаша!

— Существуетъ одно старинное испытанное средство: это заставить ее ревновать. Это обыкновенно приводитъ

къ радикальному излѣченію, и если любовь еще есть, при этомъ средствѣ она навѣрное обнаружится.

— О, конечно, она есть!

— Конечно, любовь не умираетъ такъ внезапно, только съ годами она можетъ ослабѣть, если это вообще возможно. Знаешь что, — поухаживай за Оттиліей!

— Ухаживать? за ней?

— Попробуй! Ты навѣрно знаешь, что ее интересуешь.

— Ну, — надо подумать! Сейчасъ она занята статистикой! Падшія дѣвушки, заразительныя болѣзни. Фу! Можетъ быть, можно воспользоваться математикой, въ ней я кое-что смыслю.

— Ну, видишь! Начни съ математики, потомъ иди дальше, воспользуйся возможностью завязать ей шаль, застегнуть ботинки. Вечеромъ провожай ее домой — выпей, немножечко съ ней, поцѣлуй такъ, чтобы это видѣла Гурли. Если понадобится, будь настойчивымъ, и она не будетъ на это сердиться, ужъ повѣрь мнѣ. И главное какъ можно больше математики, по возможности такъ, чтобы Гурли, ничего въ ней не понимая, молча сидѣла около. И черезъ недѣлю приходи ко мнѣ и расскажи, какъ все это пойдет!

Капитанъ пошелъ домой, прочелъ поскорѣе послѣднія брошюры о безнравственности и приступилъ къ дѣлу.

Черезъ недѣлю онъ довольный сидѣлъ у своей тещи и пилъ хорошей черри.

— Ну, рассказывай, рассказывай, — говорила старая дама и подняла очки на лобъ!

— Ну, видишь ли, сначала дѣло шло не легко, — она была очень недовѣрчива, думала, что я хочу посмѣяться надъ ней. Но я началъ съ того, что заговорилъ о колоссальномъ влияніи, которое оказала въ Америкѣ теорія вѣроятности на статистику нравственности, это сдѣлало почти эпоху! Да! Этого она не знала, и это ее привело въ вос-

торгъ. Я привелъ примѣръ и доказалъ ей цифрами и числами, что можно съ большою вѣроятностью сказать впередъ, сколько дѣвушекъ падеть въ извѣстный періодъ времени. Это ее очень удивило. Я увидалъ, что заинтересовалъ ее, и хотѣлъ приготовить себѣ къ слѣдующей встрѣчѣ триумфъ. Гурли была страшно рада, что мы подружились, и прямо побуждала насъ сама быть вмѣстѣ. Она водворила насъ въ мою комнату, затворила за нами дверь, и мы сидѣли тамъ цѣлый день и считали.

Сама она, этотъ старый ящикъ, была совершенно счастлива, видя меня, наконецъ, побѣжденнымъ, и черезъ три часа мы были уже друзьями. За ужиномъ жена нашла, что такіе друзья должны говорить другъ другу ты. Я ради такого большого событія досталъ мой прекрасный старый черри — и затѣмъ поцѣловалъ Оттилію прямо въ губы.

Да проститъ мнѣ Богъ мой грѣхъ! Гурли имѣла уже нѣсколько испуганный видъ, но не сердилась. Она была вся радость и счастье!

Но черри былъ крѣпкій, а Оттилія оказалась слабой.

Я помогъ ей надѣть манто и проводилъ ее домой. На Степхольскомъ мосту пожалъ ей руку, объяснилъ ей всю небесную карту. Она была въ восхищеніи. Она такъ любила звѣзды, но никогда не знала ихъ названій!

Она прямо ликовала, и мы разстались наилучшими друзьями, словно уже давно-давно знали другъ друга,

На слѣдующій день еще больше математики. Мы за ней просидѣли до ужина. Гурли приходила и уходила, кивала намъ головой, а вечеромъ я опять провожалъ Оттилію домой. На набережной я встрѣтилъ капитана Берна и пошелъ съ нимъ въ Grand-Hôtel, чтобы выпить стаканъ пунша. Домой вернулся только въ часъ. Гурли еще не ложилась. — Гдѣ ты пропадалъ такъ долго, Вильгельмъ. — спросила она. Точно чортъ меня толкнулъ — я отвѣтилъ:

— Мы такъ долго болтали, Оттилія и я, что забыли о времени — оно летѣло такъ скоро, скажу я тебѣ!

— Я собственно не нахожу приличнымъ проводить ночи съ молодой дѣвушкой, — сказала она.

Я смутился и сказалъ, что когда имѣютъ многое сказать другъ другу, то легко забываютъ, что прилично и что нѣтъ.

— О чемъ вы говорили? — спросила Гурли и сдѣлала свою гримаску.

Я не сумѣлъ сразу найтись.

— Это прекрасно, мой милый, — прервала его старая дама, — ну, дальше, дальше!

На третій день Гурли взяла свою работу и сидѣла у насъ до конца математическихъ занятій. Ужинъ не былъ такимъ веселымъ, какъ тогда, но зато еще болѣе астрономическимъ. На послѣдокъ я помогалъ этому старому ящику надѣвать калоши, и это произвело сильно впечатлѣніе на Гурли, которая только подставила щеку, когда Оттилія потянулась къ ней съ поцѣлуемъ.

Нѣжное рукопожатіе дорогой и разговоръ о сродствѣ душъ и родинѣ звѣздъ и душъ.

Затѣмъ я пилъ опять пуншъ въ Grand-Hôtel'ѣ и вернулся домой въ два часа. Гурли еще не спала, я это хорошо видѣлъ, но я прямо прошелъ въ свою спальню — я живу теперь холостякомъ, какъ ты знаешь, и Гурли стыдилась войти ко мнѣ, чтобы спросить. На слѣдующій день — опять астрономія. Гурли заявила, что ей бы очень хотѣлось быть при этомъ, но Оттилія сказала, что мы уже много прошли — она хотѣла сначала дать Гурли основныя понятія. Гурли обидѣлась и ушла. За ужиномъ много черри. Послѣ ужина я схватилъ Оттилію за талію и поцѣловалъ. Гурли поблѣднѣла. При надѣваніи калошъ я ее неожиданно тихонько ущипнулъ... гм... гм...

— Не стѣсняйся, мой милый Вильмъ, — сказала теща, — я вѣдь старая женщина.

— Гм!.. за икру, впрочемъ вовсе не такую ужъ про-
тивную, правда, вовсе не дурную, гм!..

Но когда я хотѣлъ надѣвать пальто, я увидѣлъ, что
Лина стоитъ здѣсь одѣтая, чтобы проводить барышню:
Гурли находить для меня извиненіе, я въ прошлый вечеръ
простудился и не долженъ былъ выходить въ свѣжій ве-
черъ. Оттилія смотрѣла разъяренной и не поцѣловалась
съ Гурли.

На слѣдующій день я долженъ былъ показать Оттиліи
въ школѣ астрономическіе инструменты и объяснить ихъ
употребленіе. Она пришла, но казалась уязвленной, заго-
ворила о Гурли, которая была недружелюбна съ ней, и
она не могла понять причины этому. Когда я пришелъ къ
обѣду домой, я нашелъ Гурли совсѣмъ перемѣнившейся,
холодной и молчаливой какъ рыба. Она страдала, я это
видѣлъ, нужно было разрубить только узелъ.

— Что у тебя вышло съ Оттиліей? Она была такая
раздосадованная?—спросилъ я.

— Что у насъ вышло? Я ей сказала, что она кокетка—
вотъ что у насъ вышло!

— Какъ ты это могла сказать!—воскликнулъ я.—Ужъ
не ревнуешь ли ты?

— Я? ревную ее?

— Да, меня это тоже удивляетъ, такой интеллигент-
ной умной дѣвушкѣ никогда не придетъ въ голову допу-
стить до себя мужа другой!

— Нѣтъ (наконецъ-то наступило!), но мужу другой мо-
жетъ понравиться подойти къ такой дѣвушкѣ! Ха-ха-ха-ха!

Теперь готово.

Я защищаю Оттилію до тѣхъ поръ, пока Гурли не
приходитъ въ совершенное бѣшенство. Въ этотъ день
Оттилія не пришла. Она написала ядовитое письмо и
извинилась, что не можетъ быть,—она замѣтила, что
лишняя здѣсь. Я протестовалъ и сдѣлалъ видъ, что хочу

итти за Оттиліей, но тутъ Гурли вышла совершенно изъ себя! Она знала, что я влюбился въ Оттилію, и она, Гурли, для меня больше не существовала, она была недостаточно понятлива, ни на что не годилась, не могла постичь математику... ха-ха-ха-ха!

Да, она не могла ее постичь, это я видѣлъ ясно! Я заказалъ сани, и мы поѣхали въ Лидинаодро. Тамъ пили глинтвейнъ и ѣли прекрасный завтракъ — было такъ, какъ на свадьбѣ, — и затѣмъ мы поѣхали домой.

— А затѣмъ? — спросила старуха и взглянула черезъ очки.

— Затѣмъ? Гм!.. Да проститъ мнѣ Богъ мои грѣхи — я ее провелъ, прямо провелъ, передъ Богомъ и моей совѣстью! Что ты на это скажешь, мамаша?

— Ты очень хорошо сдѣлалъ! А теперь?

— А теперь все прекрасно — all right — мы говорили о воспитаніи дѣтей, объ освобожденіи женщины, о всякихъ глупостяхъ, о романтикѣ и т. д., но мы говорили вдвоемъ, и такъ понимаешь другъ друга лучше всего, не правда ли?

— Конечно, сердце мое. Ну, теперь и я къ вамъ приду и посмотрю на васъ.

— Сдѣлай это, мамочка, ты должна опять увидѣть, какъ танцуютъ куклы и поютъ и шепечутъ жаворонки и какъ всемо и хорошо у насъ, потому что никто не ждетъ «чуда», которое существуетъ лишь въ книгахъ, не правда ли? Ты тамъ увидишь настоящій кукольный домъ, я тебя увѣряю.

Д и т я.

Его отецъ умеръ рано, и онъ росъ подъ надзоромъ матери, двухъ сестеръ и множества тетокъ. Брата у него не было. Они жили въ своемъ имѣнїи въ глуши Зодерманланда; и кругомъ не было сосѣдей, съ которыми можно было бы вести знакомство. Когда ему минуло шесть лѣтъ, ему и сестрамъ наняли гувернантку, и въ это же время въ домъ была взята маленькая кузина.

Онъ спалъ въ одной комнатѣ съ сестрами, игралъ въ ихъ игрушки, купался съ ними вмѣстѣ, и никому не приходило въ голову, что онъ былъ другого пола, чѣмъ дѣвочки.

Старшія сестры тоже скоро наложили на него руку, сдѣлавшись его наставницами и тиранками.

Онъ былъ крѣпкимъ мальчикомъ, но, будучи постоянно окруженъ чрезмѣрной нѣжностью, онъ, сдѣлался со временемъ изнѣженнымъ и безпомощнымъ.

Однажды онъ сдѣлалъ попытку поиграть съ деревенскими дѣтьми. Они отправились въ лѣсъ, гдѣ лазили по деревьямъ, доставали гнѣзда, бросали камнями въ бѣлокъ. Фритіофъ былъ счастливъ, какъ выпущенный на волю плѣнникъ, и остался съ ними дольше обѣда. Мальчики собирали голубику и купались въ озерѣ — это былъ первый счастливый день въ жизни Фритіофа.

Когда подъ вечеръ онъ вернулся домой, весь домъ

былъ въ смятеніи. Мать чувствовала себя несчастной и огорченной и не скрывала своей радости снова его увидѣть. Тетка Агата, старая дѣва, которая собственно командовала всѣмъ домою, напротивъ, была въ ярости. Такое преступленіе должно было быть наказано. Фритіофъ не понималъ, въ чемъ собственно было преступленіе, но тетка настаивала на своемъ; непослушаніе есть преступленіе. Фритіофъ говорилъ, что ему никогда не запрещали играть съ деревенскими дѣтьми. Не запрещали, такъ какъ ничего подобнаго никому и въ голову не приходило. И тетка настояла на своемъ и на глазахъ матери потащила его въ свою комнату, чтобы тамъ выпоротъ. Ему было уже восемь лѣтъ, и онъ былъ сильный, рослый мальчикъ.

Когда тетка стала разстегивать его штаны, у него выступилъ потъ, дыханіе сперлось въ горлѣ, и его маленькое сердечко заколотилось. Онъ не кричалъ, но смотрѣлъ на старую дѣву возмущенными глазами, а она просила его почти льстивымъ голосомъ быть послушнымъ и не сопротивляться. Когда она обнажила его маленькое тѣлице, его охватило такое чувство стыда и раздраженія, что онъ вскочилъ и началъ все колотить вокругъ себя. Что-то нечистое, что-то неизяснимо отвратительное, казалось ему, исходило отъ старой дѣвы, противъ чего возмущалось его чувство стыда. Но тетка впала въ настоящее бѣшенство, бросилась на него, толкнула его на стулъ, сорвала рубашку и стала бить. Сначала онъ кричалъ отъ ярости, такъ какъ не чувствовалъ боли, судорожно колотилъ ногами, чтобы высвободиться, а потомъ вдругъ совершенно затихъ.

И когда старуха остановилась, онъ оставался лежать.

— Встань, — сказала она усталымъ, срывающимся голосомъ.

Онъ вскочилъ и посмотрѣлъ на нее. Половина ея лица была блѣдной, другая красная, глаза мрачно блестѣли и она дрожала всѣмъ тѣломъ. Мальчикъ смотрѣлъ на нее,

какъ смотреть на злое животное, и съ язвительной усмѣшкою, какъ бы чувствуя себя выше ея благодаря презрѣнію, которое она ему внушала, бросилъ онъ ей слово «дьяволъ», которое только что узналъ отъ деревенскихъ дѣтей. Потомъ сгрѣбъ свои вещи и побѣжалъ къ матери, которая, плача, сидѣла въ столовой. Онъ хотѣлъ ей пожаловаться, но она не отважилась его утѣшать; тогда онъ побѣжалъ въ кухню, гдѣ служанки накормили его изюмомъ изъ овощного шкапчика.

Съ этого дня онъ не спалъ въ одной комнатѣ съ сестрами, а былъ переведенъ въ спальню матери. Это ему показалось очень скучнымъ и непріятнымъ, и, когда мать, движимая своею нѣжностью къ нему, подходила къ его постели по нѣскольку разъ въ ночь, чтобы поправить одѣяло и подушки, она мѣшала ему спать, и на ея вопросы, хорошо ли ему, онъ отвѣчалъ съ досадой. Выходить изъ дома онъ долженъ былъ всегда тщательно укутаннымъ; у него было такъ много теплыхъ платковъ и галстуховъ, что даже трудно было выбирать. Если же ему удавалось ускользнуть незамѣченнымъ, то всегда сзади открывалось окно, и ему кричали, что онъ долженъ воротиться и надѣть еще что-нибудь. Игры съ сестрами ему начали надоедать. Бросаніе мячика изъ перьевъ было уже не для его сильныхъ рукъ, которымъ хотѣлось бросать камни. Игра въ несчастный крокетъ, которая не давала ему ни физическаго ни умственнаго удовольствія, его ужасно раздражала.

И потомъ вѣчное присутствіе гувернантки, которая говорила съ нимъ по-французски, тогда какъ онъ отвѣчалъ ей по-шведски.

Имъ начала овладѣвать глухая ненависть къ своему существованію и ко всему окружающему. Безцеремонное обращеніе, практиковавшееся всѣми женщинами въ домѣ относительно его, ему казалось презрѣніемъ, и въ немъ раз-

вивалось чувство отвращенія. Единственно кто считался съ нимъ, была его мать, которая велѣла поставить у его кровати большія ширмы. Въ концѣ концовъ комната дѣвочекъ сдѣлалась для него убѣжищемъ, гдѣ его всегда охотно принимали. Здѣсь ему приходилось слышать вещи, которыя могли бы возбудить любопытство мальчика, но для него уже не существовало тайнъ. Такъ однажды забрелъ онъ случайно въ купальню дѣвочекъ. Гувернантка закричала, но онъ не понялъ почему и началъ болтать съ дѣвочками, которыя голыя играли въ водѣ. Это не производило на него никакого впечатлѣнія.

Такъ росъ онъ и сдѣлался юношей. Нужно было взять къ нему учителя, чтобы учить его сельскому хозяйству, такъ какъ Фритіофъ долженъ былъ потомъ получить имѣніе въ свои руки. Пригласили стараго благочестиваго господина. Это было вовсе не интересное общество для молодого человѣка, но все-таки лучше въ сравненіи съ тѣмъ, что у него было до сихъ поръ. Но учитель ежедневно получалъ такъ много инструкцій отъ дамъ, что, въ концѣ концовъ, сдѣлался положительно слушательной трубкой. Въ шестнадцать лѣтъ Фритіофъ причащался, получилъ въ подарокъ золотыя часы и позволеніе ѣздить верхомъ; но ходить съ ребятами въ лѣсъ, о чемъ онъ мечталъ, ему все-таки не позволяли.

Его не пугали розги его смертельнаго врага, но оставали слезы матери. Онъ все-таки былъ еще ребенкомъ.

Но онъ росъ, и ему минуло двадцать лѣтъ. Однажды онъ стоялъ въ кухнѣ и смотрѣлъ, какъ кухарка чистила окуня. Она была красивая молодая дѣвушка съ правильными чертами лица. Онъ началъ съ ней шалить и вставилъ палецъ въ вырѣзъ на спинѣ ея платья.

— Господинъ Фритіофъ, будьте добры, — просила дѣвушка.

— Я же добрый, — сказалъ Фритіофъ и сталъ приставать еще настойчивѣе.

— Нѣтъ, Господи Иисусе, вдругъ войдетъ барыня!

Въ это мгновеніе мать Фритіофа прошла мимо кухонной двери, обернулась и пошла на дворъ.

Фритіофу сдѣлалось не по себѣ, и онъ исчезъ въ свою комнату.

Въ это время былъ нанятъ новый садовникъ. Опытныя дамы нарочно выбрали женатаго. Но по несчастному стеченію обстоятельствъ этотъ садовникъ былъ женатъ настолько давно, что имѣлъ уже созрѣвшій плодъ своего супружества въ видѣ милой, симпатичной дѣвушки.

Господинъ Фритіофъ скоро открылъ эту прелестную розу среди другихъ цвѣтовъ своего сада. Вся жившая въ немъ склонность къ женскому полу обратилась на молодую дѣвушку, которая была такъ красива и не лишена образованія. Онъ теперь часто ходилъ въ садъ и подолгу болталъ съ ней, когда она стояла на колѣняхъ передъ клумбой или ходила взадъ-впередъ по саду, разсаживая цвѣты. Но она держала себя съ нимъ очень гордо, и это только увеличивало его влюбленность.

Однажды онъ ѣхалъ черезъ лѣсъ и по обыкновенію грезилъ съ открытыми глазами о той, которая казалась ему совершенствомъ. Онъ тосковалъ о ней, ему хотѣлось увидѣть ее здѣсь въ уединеніи, безъ свидѣтелей, безъ страха вызвать чье-либо неудовольствіе. Эта мечта принимала въ немъ такіе размѣрѣ, что жизнь стала ему казаться безъ нея ненужной и безцѣнной. Лошадь шла по дорогѣ шагъ за шагомъ съ опущенными поводьями, а всадникъ сидѣлъ въ сѣдлѣ, глубоко погруженный въ свои мысли. Вдругъ между деревьевъ онъ увидалъ что-то свѣтлое, и дочь садовника вышла ему навстрѣчу. Онъ соскочилъ съ лошади, поклонился ей, и, болтая, пошли они оба по дорогѣ рядомъ съ лошадыю. Онъ въ различныхъ выраже-

ніяхъ говорилъ ей о своей любви, но она отклоняла эту тему.

— Зачѣмъ мы будемъ говорить о невозможномъ, — сказала она.

— Что невозможно? — воскликнулъ онъ.

— Для меня, бѣдной дѣвушки, невозможно сдѣлаться женою богатаго, знатнаго господина.

Фритіофъ нашелъ замѣчаніе справедливымъ и чувствовалъ себя сбитымъ съ позиціи. Его любовь была безгра-нична, но онъ хорошо видѣлъ, что не можетъ ее, любимую женщину, привести въ стаю, которая управляла всѣмъ его имѣніемъ и которая, безъ сомнѣнія, растерзала бы ее.

Послѣ этого разговора имъ овладѣло тихое мрачное отчаяніе.

Осенью садовникъ по неизвѣстнымъ причинамъ уѣхалъ. Господинъ Фритіофъ шесть недѣль казался неутѣшнымъ, онъ потерялъ свою первую и единственную любовь, онъ думалъ, что никогда больше не полюбитъ.

Такъ прошла осень.

Къ Рождеству въ эту мѣстность пріѣхалъ новый докторъ, и, такъ какъ тетки постоянно были больны и нуждались во врачѣ, то было завязано знакомство. Среди его дѣтей была взрослая дѣвушка, и недолгое время спустя Фритіофъ влюбился въ нее безъ ума. Сначала ему было стыдно, что онъ измѣнилъ своему первому увлеченію, но ради своего спокойствія онъ построилъ теорію, что любовь есть нѣчто независимое и можетъ мѣнять свой объектъ.

Какъ только эта склонность была замѣчена его страдниками, онъ былъ позванъ къ матери на объясненіе съ глазу на глазъ.

— Ты теперь уже въ такихъ годахъ, — начала она, — когда обыкновенно уже подумываютъ о женитьбѣ.

— Это я только что сдѣлалъ, милая мама, — возразилъ онъ.

— Я боюсь, что ты поспѣшилъ, милое дитя. Дѣвушка, на которую палъ твой выборъ, рѣшительно не обладаетъ моральными качествами, которыхъ можетъ желать любящій мужъ.

— Что? Нравственные достоинства Амеліи? Кто можетъ сказать что-либо противъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, я не говорю о ней ничего дурного, но ея отецъ, какъ ты знаешь, вольнодумецъ...

— Увѣряю тебя, что меня только радуетъ, быть близкимъ къ человѣку, который имѣетъ свободный образъ мыслей, безъ отношенія къ какимъ-либо интересамъ.

— Оставимъ его въ покоѣ, Фритіофъ, — но у тебя есть старыя связи.

— Что?.. Долженъ я...

— Ты игралъ сердцемъ Лизы?..

— Что, кузины Лизы?

— Да, Лизы. Развѣ вы не смотрѣли съ дѣтства другъ на друга, какъ на будущую пару, и развѣ ты не думаешь, что она всѣ свои надежды на будущее возлагала на тебя.

— Вы играли нами и насъ сосватали, но не я! — возразилъ онъ.

— Но подумай о своей старой матери и о своихъ сестрахъ, Фритіофъ! Ты хочешь въ этотъ домъ, который былъ всегда нашимъ старымъ гнѣздомъ, привести чужую дѣвушку, которая будетъ имѣть право все взять въ руки и распоряжаться всѣмъ по свосму желанію.

— Ахъ, такъ вотъ что! Лиза предназначена быть хозяйкой.

— Не предназначена, но мать всегда имѣетъ право выбрать будущую жену своего сына, и никто не сумѣетъ этого сдѣлать такъ, какъ она. Неужели ты сомнѣваешься въ моихъ лучшихъ намѣреніяхъ. Скажи, можешь ты думать, что твоя собственная мать хочетъ тебѣ повредить?

Нѣтъ, этого господинъ Фритіофъ не могъ думать. Но

вѣдь онъ не любилъ Лизы! Вѣдь ей достаточно, что онъ ее любитъ, какъ сестру, конечно? Ахъ, любовь, любовь — такая непостоянная вещь, на нее нельзя полагаться. Но дружба, однородность воззрѣній и привычекъ, общность интересовъ, основательное знакомство съ характеромъ — это все лучшія гарантіи счастливаго супружества. Лиза — трудолюбивая дѣвушка, домовитая и порядочная и, конечно, она сдѣлаетъ свой домъ настолько счастливымъ, насколько этого можно пожелать.

Фритіофъ не видалъ никакого другого исхода, кромѣ какъ попросить себѣ время подумать.

Вдругъ, удивительно быстро, всѣ тетки сдѣлались здоровыми, такъ что визиты доктора стали излишними.

Когда докторъ все-таки приходилъ, съ нимъ обращались какъ съ человѣкомъ, который явился все вывѣдать, чтобы совершить потомъ кражу со взломомъ.

Онъ былъ очень проникательный человѣкъ и сейчасъ же угадалъ положеніе вещей, и когда Фритіофъ дѣлалъ отвѣтный визитъ, съ нимъ обошлись, какъ съ измѣнникомъ. Этимъ кончились всякія сношенія.

Между тѣмъ, Фритіофъ сдѣлался совершеннолѣтнимъ. Тутъ началась форменная осада. Тетки передъ нимъ пресмыкались и доказывали всячески новому хозяину свою необходимость, обращаясь въ то же время съ нимъ, какъ съ непонимающимъ ребенкомъ. Сестры ухаживали за нимъ больше, чѣмъ раньше; кухня Лиза начала заботиться о своемъ туалетѣ; стала носить корсетъ и завивать волосы. Она вовсе не была некрасивой дѣвушкой, но у нея былъ холодный взглядъ и...

Для Фритіофа во всякомъ случаѣ она была безполымъ существомъ, къ которому онъ былъ совершенно равнодушенъ — до сихъ поръ онъ никогда въ ней не видѣлъ женщины.

Теперь, послѣ разговора съ матерью, онъ чувствовалъ

себя стѣсненнымъ въ присутствіи Лизы, особенно когда она становилась навязчивой. Онъ встрѣчалъ ее всюду, на лѣстницѣ, въ саду, даже въ конюшнѣ. Однажды утромъ, когда онъ лежалъ еще въ постели, она вошла къ нему и попросила башмачный крючокъ. Она была въ пеньюарѣ и сдѣлала видъ, что ей стыдно.

Благодаря всему этому, она стала ему дѣлаться противной, но въ то же время она занимала его думы.

Мать всячески старалась уговорить сына и дочерей, а тетки неуклонно дѣлали видъ, что свадьба приближается.

Жизнь для молодого человѣка сдѣлалась невыносимой. Онъ не видѣлъ никакого выхода изъ этихъ сѣтей. Лиза сдѣлалась для него чѣмъ-то другимъ, чѣмъ сестра и товарищъ, не ставши отъ этого болѣе любимой. Но благодаря мысли о возможности супружескаго соединенія съ ней, она сдѣлалась, наконецъ, женщиной въ его глазахъ, хотя и несимпатичной, но все-таки женщиной. Женитьба несла съ собою по крайней мѣрѣ перемѣну теперешняго состоянія; можетъ быть, это было спасеніемъ. Кромѣ нея онъ не видѣлъ другого женскаго существа, и въ концѣ концовъ она была, можетъ быть, такъ же хороша, какъ всякая другая.

Наконецъ, онъ отправился къ матери и сообщил свои условія на свадьбу съ Лизой: собственное хозяйство въ сосѣднемъ флигелѣ и собственный столъ; мать должна была вмѣсто него поговорить съ Лизой, такъ какъ самъ онъ не могъ.

Компромиссъ былъ принятъ, и Лиза предоставила себя объятію Фритіофа и его видимо холодному поцѣлюю. Они плакали оба и сами не знали о чемъ.

Впрочемъ, все осталось попрежнему, только опека со стороны тетокъ и сестеръ еще больше увеличилась. Онѣ исправили боковой флигель, разставили мебель, раздѣлили комнаты и распредѣлили все — Фритіофа ни о чемъ не

спрашивали. И начались приготовленія къ свадьбѣ. Были разысканы и приглашены старыя, полузабытыя родственники, и, наконецъ, наступила свадьба.

На другой день утромъ въ восемь часовъ Фритіофъ былъ уже на ногахъ. Онъ покинулъ спальню какъ можно скорѣе, отговариваясь важною работою въ полѣ. Лиза все еще дремала и ничего не имѣла противъ, она только напомнила, и это звучало какъ приказаніе:

— Не забудь, что въ одиннадцать часовъ завтракъ.

Онъ пошелъ въ свою комнату, надѣлъ большіе сапоги и охотничью куртку, взялъ ружье изъ шкафа и пошелъ въ лѣсъ. Былъ прекрасный октябрьскій день съ инеемъ.

Фритіофъ шелъ быстрыми шагами, какъ бы боясь, чтобы его не позвали назадъ, какъ бы желая отъ чего-то убѣжать. Свѣжій утренній воздухъ подѣйствовалъ на него какъ ванна. Онъ чувствовалъ себя свободнымъ и былъ счастливъ, что ему не мѣшали итти такъ съ ружьемъ. Но онъ былъ подавленъ. До сихъ поръ онъ имѣлъ свою спальню для себя, мысли дня и ночные сны были по крайней мѣрѣ его собственностью—теперь этого не было. Общая спальня казалась ему чѣмъ-то отвратительнымъ. Онъ никогда не предполагалъ, что лицемѣріе жизни такъ велико, никогда не думалъ, что вся мимозообразная женственность есть ничто иное, какъ страхъ передъ послѣдствіями. Да, если бы это была дочь доктора или садовника! Тогда совмѣстная жизнь съ ними было бы благословіемъ, а не какъ теперь — нѣчто угнетающее, некрасивое. Безъ цѣли шелъ онъ черезъ лѣсъ, не думая объ охотѣ, наконецъ, ему захотѣлось услышать звукъ своего ружья и увидѣть падающаго звѣря, но онъ не могъ ничего отыскать. Птицы уже улетѣли, только бѣлка поглядывала на него съ высокаго дерева своими черными глазками. Онъ взялъ ружье и взвелъ курокъ, но ловкое животное было уже давно на другой сторонѣ ствола. Выстрѣлъ подѣйствовалъ

на его нервы какъ успокоеніе. Онъ сошелъ съ дороги и пошелъ. Онъ былъ въ очень разстроенномъ состояніи, отвертывался отъ каждаго гриба и страстно желалъ увидѣть змѣю, разбить ей голову или застрѣлить ее изъ ружья.

Наконецъ, онъ вспомнилъ о томъ, что ему нужно домой и что сегодня его свадебное утро. При мысли о назойливыхъ взглядахъ, которые его встрѣтятъ по возвращеніи домой, ему сдѣлалось такъ тяжело, какъ будто его должны были наказать за какой-нибудь проступокъ, за проступокъ противъ нравственности и, что было хуже всего, противъ природы. Онъ хотѣлъ бы убѣжать отъ всего этого на край свѣта, но какъ могъ онъ это сдѣлать!

Наконецъ, онъ усталъ передумывать непрестанно тѣ же самыя мысли, онъ не получилъ отъ этого ничего, кромѣ сильнаго голода, и отправился домой завтракать.

Когда онъ вошелъ на дворъ, всѣ свадебные гости стояли на верандѣ и привѣтствовали его веселымъ крикомъ «ура!». Колеблющимися шагами прошелъ онъ черезъ дворъ и слушалъ съ дурно скрываемой досадой шуточные вопросы гостей о состояніи его здоровья. Онъ повернулся къ нимъ спиной и быстро пошелъ домой, не замѣчая, что его жена также стояла въ группѣ и ждала, чтобы онъ съ ней поздоровался.

Завтракъ, благодаря ироническимъ и язвительнымъ замѣчаніямъ гостей и нѣжности его молодой жены, сдѣлался для него пыткой, которую онъ никогда не могъ забыть. Этотъ день радости превратился для него въ самый отвратительный день, который онъ когда-либо переживалъ.

Черезъ два мѣсяца молодая женщина была взята подъ опеку сестеръ и тетокъ, настоящихъ хозяевъ дома. Фри-тюфъ какъ былъ, такъ и остался самымъ молодымъ и неразумнымъ. Его совѣта иногда спрашивали, но никогда согласно ему не поступали, и все попрежнему было предо-

ставлено ихъ заботамъ. Обѣды вдвоемъ скоро были признаны невозможными, онъ упрямо молчалъ, и Лиза, которая не могла этого переносить, прибѣгала къ помощи громоотвода, который явился въ видѣ одной изъ сестеръ, переселившейся во флигель молодой четы. Фритіофъ пытался сдѣлать различныя попытки эмансипироваться, но всѣ онъ пресѣкались высшею властью: ихъ было больше, и онъ говорили такъ много, что онъ убѣгалъ въ лѣсъ. Приближающійся вечеръ онъ теперь всегда встрѣчалъ съ возмущеніемъ. Онъ нанавидѣлъ спальню, куда входилъ какъ преступникъ на эшафотъ

Послѣ того какъ прошелъ годъ ихъ супружества безъ всякаго намека на заботы о потомствѣ, мать отвела его однажды въ сторону, чтобы поговорить наединѣ.

— Развѣ ты не радъ былъ бы имѣть сына? — спросила она.

— О, конечно, — отвѣтилъ онъ.

— Ты совсѣмъ не милъ съ своей женой, — сказала мать возможно мягкимъ тономъ.

Тутъ онъ вспыхнулъ.

— Такъ! Этого еще не доставало? Опять не такъ? Вы хотите, можетъ быть, напомнить мнѣ о моемъ долгѣ, да? Гм... впрочемъ Лиза совсѣмъ не такая, какъ вы думали—но кого это касается? Ну, хорошо, формулируйте вашу жалобу, тогда я на нее буду отвѣчать.

Нѣтъ, на это у матери не было никакой охоты.

Въ своемъ уединеніи Фритіофъ открылъ, что ихъ управляющій, молодой человекъ, охотно пилъ и игралъ въ карты. Онъ сошелся съ нимъ и проводилъ вечера съ нимъ въ своей комнатѣ, откуда онъ уходилъ какъ можно позднѣе.

Однажды вечеромъ его жена лежала, не спала и ждала его.

— Гдѣ ты былъ? — спросила она его рѣзко и отрывисто.

— Это тебя не касается, — возразилъ онъ.

— Можно сказать, хорошо быть замуженной, какъ я! — сказала она. — Если бы у насъ по крайней мѣрѣ былъ ребенокъ!

— Это не моя вина, — сказалъ онъ.

— Но вѣдь и не моя тоже?

И завязался споръ на эту тему, тянувшійся уже два года.

Лиза испытывала всѣ средства. Она кокетничала со своимъ мужемъ и этимъ возбуждала въ немъ отвращеніе, она хотѣла задѣть его гордость, и сдѣлалась ему совершенно невыносимой.

И такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не рѣшился обратиться за совѣтомъ къ кому-нибудь понимающему дѣло или спросить доктора, то случилось то, что бываетъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ: мужъ насмѣхался, а жена приходила въ полное отчаяніе.

Но господинъ Фритіофъ чувствовалъ ясно, что надъ его мрачной, нездоровой жизни тяготѣетъ проклятіе. Природа создала два пола, которые при извѣстныхъ обстоятельствахъ ищутъ другъ друга, но въ другихъ случаяхъ относятся другъ къ другу какъ смертельные враги. Онъ узналъ другой полъ, какъ своего врага и даже, какъ болѣе сильнаго противника.

Однажды, какъ-бы случайно, сестра спросила его, что значить слово «каплунъ».

Онъ не отвѣтилъ, посмотрѣлъ на нее внимательно и замѣтилъ, что она дѣйствительно не знала этого слова, но гдѣ-нибудь его подслушала, и ей было любопытно узнать. Его жизнь была отравлена, онъ былъ выставленъ на посмѣшище, и своеобразное недовѣріе наполнило его душу. Все, что онъ слышалъ и видѣлъ, ставилъ онъ въ связь съ этимъ обвиненіемъ, онъ былъ въ постоянномъ припадкѣ злости; онъ обольстилъ одну изъ служанокъ и съ же-

ланнымъ успѣхомъ: онъ слѣлался отцомъ! Лиза была мученицей! Но онъ объ этомъ не горевалъ, такъ какъ его честь была спасена.

Но съ этого времени въ Лизѣ проснулась ревность и— странно сказать— что - то въ родѣ любви къ мужу.

Эта любовь, была очень неудобна, такъ какъ проявлялась себя въ постоянномъ шпионствѣ и настойчивости и даже въ невыносимыхъ материнскихъ заботахъ. Она разсматривала его ружье, было ли оно въ исправности, когда онъ уходилъ изъ дому, она умоляла его на колѣняхъ надѣть что-нибудь теплое и т. д. и т. д.

При этомъ она была очень педантична, въ домѣ была масса всякихъ щетокъ и тряпокъ, выбивалокъ для пыли и вытиралокъ, и постоянно наводился порядокъ. Онъ никогда не имѣлъ покоя и никогда не былъ увѣренъ, что можетъ остаться одинъ въ комнатѣ.

Работа не отнимала у него много времени, такъ какъ имѣніе управлялось четырьмя женщинами. Онъ началъ изучать сельское хозяйство и хотѣлъ ввести много улучшеній, но это было невозможно, такъ какъ къ нему такъ долго приставали и терзали его, что онъ ото всего отказался. Наконецъ, все это его утомило. Онъ уже давно отвыкъ разговаривать, такъ какъ всегда былъ увѣренъ, что наткнется на возраженіе. Благодаря недостатку подходящаго мужского общества, страдалъ его умъ; его нервная система была въ конецъ разрушена, онъ пересталъ обращать вниманіе на свою наружность и сталъ пить. Его теперь никогда не бывало дома, зато почти всегда его можно было найти пьянымъ въ деревенскомъ кабацѣ или въ избѣ, такъ какъ онъ пилъ съ каждымъ, кого находилъ, и всегда до потери сознанія. Для него было потребностью заглушать алкогolemъ свой разумъ, и, кромѣ того, онъ тогда могъ свободно говорить; и вообще нельзя было сказать, для чего онъ пьетъ, — чтобы пить, или для того,

чтобы имѣть возможность говорить, не беспокоясь о возраженіяхъ.

Чтобы имѣть деньги, онъ сталъ продавать крестьянамъ рожь или свои права, такъ какъ касса была въ рукахъ у женщинъ. Наконецъ онъ забрался въ свой собственный денежный шкафъ и укралъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній управляющій былъ удаленъ за «пьянство», очень строго слѣдили за тѣмъ, чтобы на это мѣсто попалъ человѣкъ «благочестиваго образа мыслей». Когда съ помощью духовенства удалось удалить шинокъ изъ деревни, господинъ Фритіофъ началъ пьянствовать со своими собственными рабочими, и скандалъ слѣдовалъ за скандаломъ.

Въ концѣ концовъ онъ сдѣлался настоящимъ пьяницей, и съ нимъ стали случаться судорожные припадки, если долго не удавалось достать алкоголя. Пришлось помѣстить его въ лѣчебницу для алкоголиковъ и оставить больного тамъ, какъ неизлѣчимаго.

Въ часы просвѣтлѣнія; когда онъ думалъ о своей жизни, онъ чувствовалъ глубокое сожалѣніе ко всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, которыхъ не любя принуждаютъ выходить замужъ. Онъ могъ такъ живо сочувствовать, имъ, такъ какъ самъ испыталъ на себѣ проклятіе за такое насилуваніе природы. А онъ былъ мужчина!

Но причиной своего несчастія считалъ онъ также и семью, какъ экономическій институтъ, который препятствуетъ своевременному стремленію къ самостоятельной, индивидуальной жизни. На свою жену онъ никогда не жаловался, такъ какъ она была такъ же несчастлива, какъ и онъ, и была жертвою того же самаго несчастнаго обстоятельства.

Неудача.

— Ты можешь себѣ представить, какъ трудно прожить всю свою жизнь съ женщиною, если даже друзья обыкновенно выносятъ другъ друга лишь короткое время. А мужчины имѣютъ больше одинаковыхъ привычекъ и общихъ недостатковъ. Оглядишь хорошенько, прежде чѣмъ выберешь себѣ жену, совѣтую тебѣ, и постарайся твою невѣсту хорошенько узнать, прежде чѣмъ ты на ней женишься.

Такъ старый дядя имѣлъ обыкновеніе проповѣдывать своему племяннику; но чему это могло помочь? Мужчина вѣдь не выбираетъ свою «суженую»,— выборъ, т. е., «естественный подборъ» въ большинствѣ случаевъ происходитъ самъ собою.

И вотъ, наконецъ, нашелъ онъ свою судьбу! Это была красивая дѣвушка, 22-хъ лѣтъ, которая уже пять лѣтъ была дома и только и жаждала освободиться отъ постоянныхъ упрековъ матери и ругани сестеръ.

И пришелъ онъ, спаситель, рыцарь!

Онъ былъ оптовый торговецъ и получилъ въ наслѣдство хорошій старый торговый домъ.

Это былъ человѣкъ тихихъ покойныхъ привычекъ и мечталъ устроить свой домъ и въ немъ успокоиться. Безъ сомнѣнія, онъ былъ созданъ, чтобы быть прекраснымъ, любящимъ супругомъ.

И они поженились.

Онъ привелъ все въ порядокъ и такъ хорошо устроилъ,—они, конечно, будутъ счастливы.

На другой день послѣ свадьбы, конечно, и рѣчи не могло быть о работѣ, но черезъ день—онъ уже долженъ былъ въ девять часовъ итти въ контору.

— Итакъ, мы пьемъ кофе въ восемь часовъ,—сказалъ онъ своей женѣ.

Она отвѣчала: «да, да», такъ какъ она уже совсѣмъ спала.

На слѣдующее утро онъ поднялся въ половинѣ восьмого, посмотрѣлъ, хорошо ли накрытъ кофейный столъ, поставилъ букетикъ цвѣтовъ передъ ея приборомъ и зажегъ спиртъ подъ машинкой для варки яицъ. Затѣмъ онъ отправился въ спальню.

— Вставай, вставай, моя маленькая, кофе уже готовъ,—сказалъ онъ.

Но она повернулась на другой бокъ и сказала, что она хочетъ еще немножко поспать.

— Гм!.. ну, тогда онъ подождетъ до полчася девятаго.

Въ половинѣ девятаго онъ пришелъ опять.

— Это же странно, что ты не даешь мнѣ спать! Пей свой кофе, а я буду пить позднѣе.

Ему было грустно, но онъ рѣшилъ ждать. Это было неприятно, такъ какъ къ утренней почтѣ онъ долженъ былъ быть въ конторѣ.

Но когда она встанетъ, будетъ такъ прекрасно: маленькій tête à tête у кофейнаго стола входилъ въ программу семейнаго счастья.

Въ половинѣ десятаго онъ сдѣлалъ новую попытку, но она нашла очень страннымъ, что ей не даютъ спать. Она привыкла спать такъ долго, какъ хотѣла, и она надѣялась, что онъ не будетъ дѣлать попытокъ перевоспитать ее.

Почему онъ до сихъ поръ не выпилъ своего кофе? Что ему мѣшало? Она хотѣла, чтобы кофе принесли ей въ постель, но прежде всего она хотѣла выспаться.

Онъ сдѣлался еще печальнѣе, но ничего нельзя было передѣлать. Когда онъ сидѣлъ одиноко за своей чашкою кофе, ему казалось, что онъ опять холостякъ, какъ прежде; и совершенно неудовлетворенный отправился онъ въ контору.

Къ обѣду всѣ кушанья за столомъ оказались подправленными сахаромъ. Онъ ненавидѣлъ все сладкое, но не хотѣлъ ее огорчать упрекомъ. Онъ только осторожно спросилъ, сдѣлано ли это по ея желанію или по собственной инициативѣ кухарки?

Нѣтъ, по ея желанію, такъ какъ она къ этому привыкла еще дома. Салатъ былъ приготовленъ съ сахаромъ и сливками. Онъ ей задалъ еще одинъ вопросъ, не предпочитаетъ ли она салатъ съ масломъ? Нѣтъ, масла она не выносила! Но можно для него приготовить немного отдѣльно съ масломъ. Нѣтъ, нѣтъ, не хотѣлъ же онъ причинять такъ много безпокойства изъ-за такого пустяка. И все такъ и осталось.

Послѣ обѣда онъ имѣлъ обыкновеніе пить кофе, но ей докторъ запретилъ кофе, и ему пришлось сидѣть одному со своей чашкою. Не прочитать ли ей газету? Тамъ была интересная статья объ ирландскомъ движеніи.

Фу! нѣтъ! Она не хотѣла слышать ничего отвратительнаго!

Онъ зажегъ себѣ сигару, прекрасную гаванну, прямо изъ Бремена.

Ужасное возмущеніе! — Ты куришь?

— Конечно, — развѣ ты этого не знала?

— Нѣтъ, мой отецъ считаетъ куреніе неприличнымъ, и мнѣ дѣлается дурно отъ табачнаго дыма.

Онъ положилъ сигару на каминъ и съ огорченіемъ

смотрѣлъ, какъ она гасла и рассыпалась въ бѣлый какъ вата пепелъ.

Вечеромъ онъ хотѣлъ почитать вслухъ.

Что за книги? Диккенсъ! Нѣтъ, нѣтъ, она не выносить англійской литературы, не найдется ли чего-нибудь французскаго? Нѣтъ, онъ ненавидѣлъ все французское.

Жаль!

И онъ долженъ былъ постоянно покидать домъ, ѣздить на балы, ужины и обѣды, въ театръ.

Послѣднее было для него самымъ большимъ мученіемъ, такъ какъ онъ находилъ комедіи въ гостиной все-таки интереснѣе, чѣмъ на сценѣ, гдѣ, къ тому же, надо было тихо сидѣть, не имѣя возможности взять кого-нибудь за руку или поцѣловать.

Лѣто хотѣли они прожить въ деревнѣ, онъ намѣревался поѣхать на Мелерское озеро, такъ какъ онъ тамъ выросъ, но она не могла жить въ этой мѣстности, и они поѣхали на море. Онъ любилъ охоту и рыбную ловлю и владѣлъ даже парусной лодкой.

Это были его любимыя развлеченія, которымъ онъ имѣлъ обыкновеніе предаваться лѣтомъ для возобновленія силъ послѣ зимы.

Въ первое воскресенье, послѣ того какъ они перѣехали въ деревню, онъ всталъ въ пять часовъ утра, приготовилъ корзину съ провизіей, связалъ удочки и взялъ съ собою проводника; какъ прекрасно сидѣть въ лодкѣ, курить и вытаскивать окуня.

Сіяющій возвратился онъ въ полдень домой и поспѣшилъ поздороваться съ женою, но она оттолкнула его отъ себя. Отъ него пахло табакомъ и рыбою. Какъ можетъ образованный человѣкъ находить удовольствіе въ такомъ глупомъ занятіи!

А она такъ долго ждала его съ завтракомъ!

Кошка получила столько рыбы, сколько могла только

стѣсть, а остальное было выброшено вонъ. Послѣ обѣда онъ надѣялся, что она опять сдѣлается доброй, и приготовилъ ей сюрпризъ. Они пошли въ паркъ и подошли къ лодочной пристани. Тамъ стояла красивая лодка и около нея одѣтый матросомъ слуга, готовый плыть съ господами.

— Ты катаешься? Это твоя лодка?

— Конечно, мое сердце,— отвѣтилъ онъ гордо.

— И ты объ этомъ умолчалъ? Я никогда не позволю тебѣ кататься! Ты мнѣ долженъ поклясться, Эрнстъ, слышишь? Если ты меня любишь!

Передъ Эрнстомъ была альтернатива — или впасть въ немилость своей жены, или отказаться отъ своего любимого удовольствія, — и онъ обѣщалъ.

„Я потерпѣлъ неудачу“, думалъ онъ про себя; они шли черезъ паркъ и скучали. Но его жена на послѣобѣденное время разослала массу приглашеній, и явились разные лейтенанты, и референдаріи, которые сидѣли у нихъ на террасѣ и говорили о театрѣ и музыкѣ. И господинъ Эрнстъ долженъ былъ ходить кругомъ, предлагать сигары, зажигать спички, наполнять стаканы пуншемъ, такъ что къ вечеру усталъ отъ этого, какъ кельнеръ. Когда онъ вмѣшивался въ разговоръ, то получалъ такой отвѣтъ, на который не зналъ что возразить, такъ какъ эти молодые господа за словомъ въ карманъ не лѣзли, а онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ своемъ собственномъ домѣ.

Осенью осуществилась надежда семьи относительно молодой четы. Жена досадовала, сердилась на мужа и на себя.

Но она шнуровалась и выѣзжала до самой послѣдней возможности. Два послѣдніе мѣсяца она была совсѣмъ внѣ себя. Это никогда больше не должно съ ней случиться! По вечерамъ онъ долженъ былъ читать ей вслухъ французскіе романы и приводить пару хорошихъ знако-

мыхъ, чтобы ее развлекать, и домъ былъ постоянно полонъ гостями.

Наконецъ ребенокъ родился. Кормить сама она, конечно, не хотѣла, такъ какъ тогда ей нельзя было бы ходить декольтированной.

Когда она поправилась, она заговорила съ мужемъ о своемъ желаніи учиться верховой ѣздѣ. Онъ спросилъ доктора, и тотъ отсовѣтовалъ. На слѣдующій день жена побывала на консультаціи у одного «профессора», который ей прописалъ верховую ѣзду.— Прописалъ! слышишь?— Тутъ ужъ нечего было дѣлать.

Господинъ Эрнстъ имѣлъ непобѣдимое отвращеніе къ манежу. Какъ только тудаходишь, тебя сразу обдаетъ запахомъ пота и амміака. Сквозь плохо притворенныя двери видишь полураздѣтыхъ женщинъ въ сорочкахъ и панталонахъ. Ему было ужасно видѣть, какъ здоровый парень изъ конюховъ обхватывалъ его жену за талію и поправлялъ ея ноги на стремени. И потомъ всѣ эти кавалеры, которые слѣдили блестящими глазами за движеніемъ ея тѣла.

Развратъ висѣлъ здѣсь въ воздухѣ, и кто знаетъ, что происходило тутъ за кулисами, — но врачъ вѣдь «предписалъ это»!

— Ёзди вмѣстѣ со мной, — сказала она ему однажды, когда онъ говорилъ о своемъ неудовольствіи. Два раза онъ ѣздилъ — получилъ ушибъ бока, потерялъ шляпу, долженъ былъ терпѣть всяческія колкія замѣчанія. Надъ нимъ смѣялись.

Наконецъ, жена ему заявила, что уроки верховой ѣзды переносятся на вечеръ, они будутъ разучивать кадрили подъ музыку, онъ можетъ смотрѣть на нихъ съ хоръ.

Одинъ разъ онъ пошелъ туда, но больше этого не дѣлалъ. Въ антрактахъ онъ долженъ былъ играть роль служителя, откупоривать бутылки шампанскаго, сельтерской и т. д. и т. д.

Итакъ, онъ оставался дома съ ребенкомъ. Это было счастье, о которомъ онъ мечталъ!

Онъ невольно подумалъ о всѣхъ женщинахъ, которыя должны сидѣть дома въ то время, какъ ихъ мужья проводятъ время въ кабачкахъ.

Печему не встрѣтилъ онъ на своей жизненной дорогѣ такую несчастную женщину, — тогда бы они сидѣли дома вмѣстѣ. Бѣда! Бѣда!

Кадриль была наконецъ проведена и закончилась ужиномъ.

Однажды около полуночи кто-то сильно дернулъ за входной звонокъ. Господинъ Эрнстъ сидѣлъ по обыкновенію около дѣтской и читалъ Диккенса. Онъ вскочилъ, чтобы отпереть дверь; его жена стояла передъ нимъ, и внизу лѣстницы онъ услышалъ удаляющіеся шаги. Она чувствовала себя дурно. Онъ провелъ ее въ комнату; она дѣйствительно была очень блѣдна, съ черными кругами подъ глазами.

— Эрнстъ, — сказала она и разразилась вдругъ конвульсивнымъ смѣхомъ, который звучалъ какъ рыданіе, — ты меня любишь?

— Конечно, да!

— Ахъ, я такъ больна, такъ больна!

Черты лица сдѣлались вялыми, а на губахъ играла грустная улыбка.

— Ахъ, какъ я люблю тебя, Эрнстъ!

Господинъ Эрнстъ забеспокоился, — этихъ словъ онъ уже такъ давно не слышалъ.

— Ты сердить на меня? — спросила она.

Онъ? нѣтъ, конечно, нѣтъ, но онъ такъ былъ бы радъ, если бы она побольше бывала дома. — Да, конечно, она бываетъ слишкомъ много внѣ дома, — но если докторъ этъ предписалъ! Неужели его не заботить ея здоровье?

— Да, да, но маленькій?

Ребенокъ? Развѣ ему чего-нибудь не хватаетъ? Развѣ она хуже другихъ матерей, которыя ракетничаютъ со своими дѣтьми...

Она хотѣла подняться со стула, но чувствовала себя такой больной!

Онъ помогъ ей дойти до спальни и хотѣлъ позвать Кристину.

Нѣтъ, нѣтъ, этого совсѣмъ не надо, ей не нужно прислуги; ей хотѣлось бы только стаканъ воды. Она получила его и сѣла на софу.

Господинъ Эрнстъ поблѣднѣлъ: въ комнатѣ пахло табакомъ и коньякомъ.

— Такъ! А что ты здѣсь дѣлалъ все время, мой милый?— сказала она.— Ты, конечно, опять читалъ Диккенса! Но какъ мнѣ нехорошо!— Теперь она хотѣла пройти въ дѣтскую, чтобы поцѣловать ребенка, но мужъ всталъ передъ дверью.

— Туда ты не пойдешь!

— Да? Кто же мнѣ это запретить?

— Я! Потому что ты пьяна!

— Ха-ха-ха-ха! Тебѣ это даромъ не пройдетъ, подлый человѣкъ! Фуй! Фуй! Чортъ!

Она схватила книгу, чтобы бросить ему въ голову, но при этомъ упала сама.

Господинъ Эрнстъ разбудилъ Кристину и съ ея помощью перенесъ жену на кровать. Затѣмъ сдѣлалъ себѣ передъ дверью въ дѣтскую постель изъ одеяла и подушекъ и пролежалъ здѣсь всю ночь.

На другой день онъ ея не видалъ, но, когда онъ шелъ въ контору, онъ твердо рѣшилъ потребовать разводъ. Но какой поводъ? Изъ-за пьянства? Этотъ случай не былъ предусмотрѣнъ въ законѣ. И потомъ скандалъ! Общество! Но все-таки это должно произойти.

Онъ припомнилъ еще разъ ночную сцену. Какія слова

вырвались у нея! И такъ вдругъ, безъ подготовки! Но нѣтъ, все это уже давно подготовлялось въ тиши.

Все утро онъ былъ глубоко озабоченъ и смотрѣлъ на себя какъ на мертвого, потухшаго. Что еще могла ему дать жизнь! И дитя безъ матери... Тяжелыми шагами шелъ онъ домой къ обѣду. Что стало съ его домашнимъ очагомъ! Совсѣмъ близко отъ своего дома остановился онъ у окна маленькой лавочки и разглядывалъ выставленные товары.

Долженъ ли онъ идти къ себѣ въ домъ? Не лучше ли сразу положить конецъ страданію? Но ребенокъ, ребенокъ!

Когда онъ входилъ по лѣстницѣ, то услышалъ пѣніе и игру на рояли; при входѣ въ квартиру онъ увидѣлъ свою жену за роялемъ, она аккомпанировала своей подругѣ, которая пѣла. Она бросилась ему навстрѣчу, назвала его своимъ милымъ и поцѣловала. Онъ почувствовалъ себя такъ, какъ будто кто-нибудь въ это мгновеніе возвратилъ ему покой. Какъ прекрасна была она сегодня! И какъ описала она подругѣ свою болѣзнь прошлой ночи, не задѣвая никакихъ щекотливыхъ подробностей. И обѣдъ они провели очень уютно втроемъ. Потомъ подруга ушла, и они остались вдвоемъ. Ни слова о вчерашнемъ. Онъ лежалъ въ постели и смотрѣлъ, какъ она раздѣвается; онъ нашелъ ее менѣе стыдливой и нѣжной, чѣмъ раньше, но такой красивой, такой красивой! Онъ ее ненавидѣлъ, но тѣло его было въ цѣпяхъ, онъ не могъ больше жить безъ этой женщины!

И опять пошла та же самая жизнь.

Онъ сидѣлъ высоко на галлерей и откупоривалъ въ антрактахъ бутылки шампанскаго. Скучалъ цѣлыя ночи напролетъ на балахъ, такъ какъ не танцевалъ. Сидѣлъ съ ней въ театрѣ, носилъ за ней шаль, застегивалъ ей гамашы только для того, чтобы хоть одинъ моментъ подержать ея ногу въ рукахъ.

потомъ все это ему надоѣдало, и онъ опять сидѣлъ дома.

— Что за осель этотъ мужъ! — говорили мужчины.

— Какая непріятная женщина! — говорили многія женщины.

Однажды онъ прочелъ замѣтку въ газетахъ относительно одной «дамы изъ общества»; тамъ были ужасныя вещи. Ее видѣли въ темныхъ углахъ цѣлующейся съ мужчинами. Ужасное подозрѣніе пробудилось въ немъ. Доказательствъ у него не было, такъ какъ не бываетъ свидѣтелей подобныхъ приключеній, но покой свой онъ потерялъ. Онъ чувствовалъ себя обманутымъ и ничего не могъ сдѣлать.

Въ припадкѣ отчаянія и гнѣва онъ завелъ себѣ любовницу; она обманула его черезъ два мѣсяца. Онъ взялъ другую — съ такимъ же успѣхомъ. Онъ охотно хотѣлъ, чтобы это дошло до ушей его жены, но она ничего не знала или дѣлала видъ, что не знаетъ. Развестись? Этого онъ не могъ ради ребенка и потому, что онъ не могъ жить безъ нея!

Однажды, порядочно выпивши, онъ разсказалъ одному пріятелю, у котораго сидѣлъ, свою драму, которую тотъ и раньше зналъ.

— Ты не одинъ такой, милый другъ, — сказалъ тотъ. — Въ любви инициатива принадлежитъ мужчинамъ, но въ семейной жизни мужчина почти всегда находится въ роли раба, такъ какъ кто любить — тотъ и рабъ. Почти во всѣхъ бракахъ со стороны мужа сначала есть любовь, — ты видишь это и въ природѣ. Самцы нападаютъ, самки сидятъ и ждутъ. Кого? Да, конечно, того, кто первый придетъ. И повѣрь мнѣ, міромъ управляютъ женщины, несмотря на то, что права голоса онѣ и не имѣютъ. Онѣ выходятъ замужъ и уходятъ изъ родительскаго дома, — это дѣлаютъ всѣ женщины. Ты женишься, чтобы притти въ домъ. Порочна ли

она? Нѣтъ, такъ какъ рождена для полиандріи, тогда какъ ты требуешь моногаміи. Бѣда въ томъ, что вы встрѣтили именно другъ друга. Бѣда, бѣда, милый другъ!

Господинъ Эрнстъ нашелъ это объясненіе подходящимъ, но все-таки это его не утѣшило. Весь его бракъ былъ сплошной ошибкой, непоправимой ошибкой.

— Подходятъ ли люди другъ къ другу, это можно узнать только потомъ—а тогда уже слишкомъ поздно!—сказалъ другъ.

— Но что же дѣлать, что дѣлать?

— Въ концѣ концовъ надо поступить, какъ дѣлаютъ крестьяне, — шутливымъ тономъ сказалъ другъ.

— Да, но какъ дѣлаютъ крестьяне?

— Ну, они узнаютъ это раньше!

— О, эти крестьяне, — они хитрые!

Противъ платы.

Ея отецъ былъ генералъ, мать умерла рано, и съ ея смерти у нихъ въ домѣ бывали почти исключительно мужчины. Отецъ самъ занимался ея воспитаніемъ.

Она каталась съ нимъ верхомъ.

Такъ какъ отецъ занималъ самую высшую должность среди всѣхъ людей, въ средѣ которыхъ они врашались, то всѣ оказывали ему знаки почета и уваженія, а ей, какъ генеральской дочери, конечно, тоже перепадала часть этого вниманія. Она, такъ сказать, тоже занимала генеральскій рангъ, и она это знала.

Въ пріемной сидѣлъ постоянно дежурный адъютантъ, который съ шумомъ вставалъ всякій разъ, какъ она проходила мимо. На балахъ около нея были майоры; капитаны въ ея глазахъ не отличались отъ низшихъ слоевъ человѣческаго рода, а лейтенанты считались невоспитанными юношами. Поэтому она привыкла судить о людяхъ исключительно по табели о рангахъ. Штатскихъ она презрительно называла «рыбами», бѣдно одѣтыхъ—«оборванцами», а весь бѣдный людъ былъ для нея «сбродомъ».

Но внѣ этой табели о рангахъ стояли дамы. Ея отецъ, для котораго всѣ люди были ниже его и которому всегда оказывались всяческіе знаки вниманія, никогда не пропускалъ случая встать передъ дамой, все равно, была ли она

молода или стара, поцѣловать руку или оказать какую-либо рыцарскую услугу.

Благодаря всему этому въ ней развилось убѣжденіе въ превосходствѣ женскаго пола, и она смотрѣла на мужчинъ, какъ на низшія существа.

Когда она выѣзжала верхомъ, сзади нея всегда находился груммъ, который, каждый разъ какъ ей хотѣлось остановиться, долженъ былъ тоже стоять. Онъ былъ какъ бы ея тѣнью, но какъ онъ выглядѣлъ, былъ ли старъ или молодъ, объ этомъ она не имѣла понятія. Если бы ее кто спросилъ, какаго пола онъ былъ, она бы не могла этого сказать, такъ какъ ей никогда не приходило въ голову, что тѣнь тоже можетъ имѣть полъ; когда она садилась въ сѣдло и наступала на его руку своей маленькой ножкой, ей было это совершенно безразлично; или когда иногда ея платье взлетало выше, чѣмъ нужно, ей никогда не приходило въ голову обратить вниманіе на его присутствіе.

Эти представленія о рангахъ людей сказывались даже въ мелочахъ всей ея жизни. Съ дочерьми майора или капитана она не могла быть очень дружной, такъ какъ ихъ отцы вытягивались передъ ея отцомъ.

На одномъ изъ баловъ одинъ лейтенантъ имѣлъ смѣлость пригласить ее танцевать; чтобы наказать его дерзость, она не сказала съ нимъ ни слова, но потомъ, узнавъ, что это былъ одинъ изъ принцевъ, была неутѣшна. Она, которая знала такъ хорошо всѣ тонкія отличія, всѣ признаки въ каждомъ полку, она не узнала принца. Это было тяжкимъ ударомъ. Она была красива, но гордость дѣлала ее непрístupной, и это останавливало каждаго претендента. Она еще никогда не думала о замужествѣ, такъ какъ молодые къ ней не подходили по своему положенію, а старые, у которыхъ былъ соответствующій рангъ, были слишкомъ для нея стары. Если бы она вышла замужъ за капи-

тана, ей за столомъ пришлось бы сидѣть ниже майорской жены. Это ей-то, генеральской дочери! Это, конечно, было бы прямое разжалованіе. У нея не было никакой охоты представлять изъ себя привѣску или украшеніе салона мужа. Она привыкла къ тому, что она приказывала и ее слушались; она не умѣла повиноваться и, благодаря свободной жизни среди мужчинъ, она получила отвращеніе ко всѣмъ женскимъ занятіямъ. Она поздно получила понятіе о половой жизни. Ея немногочисленныя подружки находили ее холодной и равнодушной ко всему, что по ихъ понятіямъ тянуло два пола одинъ къ другому. Она сама обнаруживала всегда презрѣніе ко всему подобному, находя это грязнымъ и отвратительнымъ, и никогда не могла понять, какъ женщина по собственной волѣ можетъ отдаваться мужчинѣ. Для нея природа представлялась нечистой, и добродѣтель состояла въ безукоризненномъ бѣльѣ, крахмальныхъ нижнихъ юбкахъ и въ нештопанныхъ чулкахъ. Бѣдный, грязный и порочный — для нея это было равноцѣнно.

Лѣтніе мѣсяцы она регулярно проводила со своимъ отцомъ въ своемъ имѣннѣ. Она не любила деревенской жизни, въ лѣсу ей было не уютно, море внушало ей только страхъ, даже высокая трава луговъ могла представлять опасность. Крестьяне въ ея глазахъ являлись хитрыми, злыми звѣрями и такими грязными! Кромѣ того, у нихъ было столько дѣтей, и молодой народъ былъ такой безнравственный! По большимъ праздникамъ, какъ день лѣтняго солнцестоянія или день рожденія генерала, они приглашались на барскій дворъ, гдѣ должны были играть роль статистовъ, какъ въ театрѣ, кричать «ура» и танцовать.

Опять настала весна. Елена одна безъ провожатаго выѣхала на прогулку и заѣхала довольно далеко; она устала, сошла съ лошади и привязала ее къ березѣ, ко-

торая стояла около огороженного заборомъ выгона, и прошла немного далѣе, чтобы сорвать пару орхидей, которыя тутъ росли. Воздухъ былъ теплый, трава и березы были покрыты росой. Кругомъ, тутъ и тамъ, было слышно, какъ лягушки прыгали въ прудѣ.

Вдругъ лошадь заржала, и Елена увидѣла, что она протянула свою стройную шею черезъ загородку и стала нюхать воздухъ своими широко раскрытыми ноздрями.

— Ались, — крикнула она, — стой спокойно, милое животное!

И она пошла дальше, собирая цвѣты въ букетъ, эти нѣжныя блѣдныя орхидеи, которыя такъ заботливо сохраняли свои тайны за толстыми красивыми, какъ изъ затканной матеріи, лепестками. Но тутъ лошадь заржала опять. Изъ-за кустарника ей отвѣтило другое ржанье; земля затряслась, маленькіе камешки застучали подъ сильными ударами копытъ, — и вдругъ показался жеребецъ. Его голова была велика и сильна, натянутые мускулы виднѣлись какъ узлы на блестящей кожѣ; глаза его засверкали, когда онъ замѣтилъ кобылу. Сначала онъ остановился и вытянулъ шею, какъ будто къ чему-то прислушиваясь, потомъ поднялъ верхнюю губу, показалъ зубы и началъ галопировать вокругъ, все время приближаясь къ забору.

Елена подобрала платье и побѣжала, чтобы схватить поводья, но кобыла уже отвязалась и перескочила черезъ загородку. Тутъ началось сватовство.

Елена стояла снаружи, приманивала лошадь, кричала ей, но животное уже не слушало; дикая охота все развивалась, и положеніе становилось рискованнымъ.

Елена хотѣла убѣжать, такъ какъ вся эта сцена вызывала въ ней отвращеніе. Она никогда не видала разнузданнаго неистовства потребностей въ живыхъ существахъ и чувствовала себя до глубины души возмущенной этимъ

ничѣмъ неприкрытымъ животнымъ порывомъ. Она думала войти туда и увести свою кобылу, но боялась яростнаго жеребца; хотѣла бѣжать и звать на помощь, но это значило привести еще свидѣтеля этой картины. Домой она не могла итти — было слишкомъ далеко. Она повернулась къ лошадямъ спиной и рѣшила ждать.

Тутъ она услышала шумъ колесъ, и на шоссе показался экипажъ.

Она уже не могла убѣжать и оставаться здѣсь ей также было стыдно; было ужъ слишкомъ поздно, экипажъ медленно подѣзжалъ и, наконецъ, остановился совсемъ близко.

— Да, но это грандіозно! — сказала дама въ каретѣ и вынула золотой лорнетъ, чтобы лучше разсмотрѣть комедію, которая теперь была въ самомъ разгарѣ.

— Но зачѣмъ же, ради Бога, мы остановились! — закричала другая дама. — Поѣзжайте же дальше!

— Развѣ это не красиво? — спросила старшая дама, въ то время какъ кучеръ, усмѣхаясь себѣ въ бороду, опять тронулъ лошадей. — Ты слишкомъ щепетильна, милая Амалія, для меня это такое же наслажденіе, какъ наблюдать грозу или бурю на морѣ...

Больше Елена ничего не слышала, она была уничтожена досадой, стыдомъ и возмущеніемъ.

По дорогѣ шелъ крестьянскій парень. Елена поспѣшила ему навстрѣчу, чтобы помѣшать увидѣть что-либо и попросить у него помощи, но онъ уже подошелъ слишкомъ близко.

— Да! Это, вѣроятно, вороной жеребецъ мельника — сказалъ онъ съ задумчивымъ видомъ. — Самое лучшее пождать, пока это кончится, потому что съ нимъ не справишься. Если фрекенъ хочетъ итти домой, я потомъ приведу лошадь.

Радостная, что покончила съ этой исторіей, Елена поспѣшила домой.

Когда она пришла домой, она почувствовала себя больной; свою кобылу она больше не хотѣла допустить къ себѣ на глаза, — она была нечистая.

Это незначительное событіе имѣло большее вліяніе на жизнь Елены, чѣмъ можно было думать. Этотъ грубый порывъ природнаго инстинкта преслѣдовалъ ее какъ мысль о казни. Эти думы не оставляли ее ни ночью, ни днемъ; разливали въ ней возмущеніе передъ природой и заставили ее отказаться отъ верховой ѣзды.

Она оставалась дома и начала читать.

Въ господскомъ домѣ была библіотека, но къ несчастью никто со времени смерти отца генерала для нея ничего не сдѣлалъ.

Книги были старше ея на цѣлое поколѣніе, и такимъ образомъ у нея создались нѣсколько запыленные идеалы. «Коринна» г-жи де-Сталль впервые попала ей въ руки. Казалось, книга была читана, переплетъ зеленый съ золотомъ былъ порванъ, поля страницъ полны замѣтокъ карандашомъ умершей матери генерала; тутъ была выставлена цѣлая исторія души. Недовольство прозой жизни, грубость природы разгорячили ея фантазію, и она стала создавать себѣ міръ грезъ, гдѣ души жили безъ тѣлъ. Этотъ міръ былъ аристократиченъ, такъ какъ прежде всего необходима экономическая независимость, если хочешь посвятить всѣ свои мысли небесному; это было евангеліе богатыхъ — это стремленіе ввысь, называемое романтизмомъ, который кажется смѣшнымъ, когда проникаетъ въ низшіе слои.

«Коринна» сдѣлалась идеаломъ Елены.

Она начала удаляться отъ внѣшняго міра и задумываться о своемъ «я». Замѣтки на поляхъ книги умершей матери начали приносить плоды. Она отождествляла себя, въ концѣ концовъ, съ Коринной и со своею матерью и въ то же время стала предаваться раздумью надъ сво-

имъ призваніемъ. Она оттолкнула отъ себя всякую мысль о жизни для своего пола, о заботѣ о приростѣ населенія, объ обязанностяхъ, которыя налагаетъ природа; нѣтъ, нѣтъ, ея призваніе было — открывать челоуѣчеству его мысли и идеи, которыя тянутся къ свѣту. Она стала писать и однажды попробовала свои силы въ стихахъ; они ей удались, т.-е. строчки были одинаково длинны и концы ихъ приеменовались. Это было настоящее откровеніе: она рождена быть поэтессой. Ей не хватало только мыслей, и ихъ сейчасъ же доставляла ей книга г-жи де Сталль. И такъ создалось много стихотвореній; они должны были увидать свѣтъ, а это могло быть достигнуто лишь съ помощью печатнаго станка. Однажды она послала одно изъ своихъ произведеній, которое она назвала «Коринной», въ одинъ иллюстрированный журналъ. Съ бьющимся сердцемъ отнесла она конвертъ на почту и, когда опустила его въ ящикъ, то обратилась къ Богу съ тихой молитвой. Слѣдующіе 14 дней были ужасны, она не могла ни ѣсть, ни пить и возненавидѣла родъ челоуѣческій.

Въ слѣдующее воскресенье, когда пришелъ номеръ журнала, она дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и безсильно опустилась на стулъ, не увидѣвъ своего стихотворенія не только напечатаннымъ, но и не найдя въ почтовомъ ящикѣ ни слова упоминанія о немъ. Въ слѣдующее воскресенье она уже навѣрное ждала отвѣта и отправилась съ номеромъ въ лѣсъ. Далеко отъ дома, въ уединенномъ уголкѣ вынула она тетрадь, осторожно оглядѣлась по сторонамъ и начала быстро перевертывать страницы. Было помѣщено лишь одно стихотвореніе — чужое. Она посмотрѣла въ почтовый ящикъ, но послѣ перваго взгляда, брошеннаго на коротенькія строчки, она смяла листъ въ комокъ и отбросила его далеко отъ себя. Это было первое оскорбленіе, которое ей нанесли. Какой-то неизвѣстный газетный писакъ осмѣлился позволить себѣ то, чего еще никогда никто

себѣ не позволяяль, — сказать ей грубость: „Корита 1807 г. должна была бы варить кушанье и качать дѣтей, если бы она была жива въ 1870 г., — но вы не Корита“.

Тогда въ первый разъ мужчина предсталъ ей какъ наслѣдственный врагъ. Варить кушанье и качать дѣтей! Конечно, это было очень подходяще для нея!

Елена пошла домой. Она чувствовала себя совершенно разбитой. Но, сдѣлавши нѣсколько шаговъ, она быстро вернулась. Если кто-нибудь найдетъ журналъ! Она была бы предана. Она нашла палочку, разгладила ея листь, подняла пластъ мха и подъ нимъ схоронила злополучный журналъ, положивши еще сверху камень. Это была погребенная надежда.

Осенью умеръ ея отецъ; такъ какъ онъ много игралъ и часто терпѣль неудачи, то оставилъ послѣ себя много долговъ. Но такъ какъ онъ былъ генераль, то это ничего не значило. Елена не нуждалась въ мѣстѣ продавщицы сигаръ, — ее взяла къ себѣ тетка, о которой она раньше и не вспоминала.

Со смертью отца въ жизни Елены произошла значительная переменна. Всѣ почести прекратились сами собою. Офицеры полка стали дружелюбно съ ней раскланиваться, а на балахъ уже осмѣливались ея приглашать танцовать даже молодые лейтенанты. Теперь впервые она пришла къ тому, что ея положеніе не основывалось на ея собственномъ достоинствѣ, а было лишь на нее перенесено. Она почувствовала себя разжалованной, возымѣла необыкновенную симпатію къ субалтернамъ, а въ сердцѣ своемъ ощущала настоящую ненависть ко всѣмъ, кто принадлежалъ къ высшему рангу, гдѣ господствовала раньше и она.

Вмѣстѣ съ этимъ въ ней развилась потребность быть признанной за свои личныя достоинства. Она хотѣла отличиться, выдвинуться и царить. Ей предложили мѣсто дамы

при дворѣ, и она его приняла. Тутъ опять начался вихрь жизни и „ружья на караулъ“.

Еленина симпатія къ субалтернамъ значительно уменьшилась; но разумокъ такъ же не поддается условности какъ и счастье, и съ новыми условіями жизни у Елены сложились новыя понятія.

Въ одинъ прекрасный день она открыла и даже очень скоро, что она во дворцѣ не болѣе какъ служанка. Она сидѣла вмѣстѣ съ герцогиней, и обѣ были заняты вязаніемъ.

— Я нахожу глупыми всѣ синіе чулки, — сказала неожиданно герцогиня.

Елена поблѣднѣла и внимательно посмотрѣла на свою госпожу.

— Я этого не нахожу, — сказала она.

— Я не желаю знать, что вы думаете, — сказала герцогиня и уронила свою работу.

Елена дрожала всѣми членами, все ея будущее зависѣло отъ этого момента, и она наклонилась надъ вязаньемъ. Ея корсетъ трещалъ, багровый румянецъ выступилъ на щекахъ, когда она передала работу герцогинѣ, которая ее за это не поблагодарила.

— Вы сердитесь? — спросила герцогиня и посмотрѣла на свою жертву съ насмѣшливой улыбкой.

— Нѣтъ, ваше королевское высочество, — возразила Елена.

— Мнѣ сказали, что вы синій чулокъ, — продолжала герцогиня. — Это правда?

Елена не отвѣчала.

Вязанье опять упало. Елена сдѣлала видъ, что не видитъ этого, закусила губы, чтобы подавить слезы, вызванныя гнѣвомъ.

— Ахъ, поднимите же мою работу, — сказала герцогиня.

Елена поднялась, посмотрѣла своей тиранкѣ прямо въ лицо и сказала:

— Нѣтъ, я этого не хочу.

Затѣмъ она ушла, песокъ хрустѣлъ подъ ея ногами, а шлейфъ поднималъ небольшія облака пыли. Почти бѣгомъ поднялась она по лѣстницѣ и скрылась во дворцѣ.

Этимъ была окончена ея карьера при дворѣ; отъ этого въ сердцѣ осталась заноза, — Елена узнала, что значить впасть въ немилость, и еще яснѣе поняла, что значить потерять мѣсто. Общество не любитъ, когда люди мѣняютъ мѣста, и никто не могъ постичь, какъ могла она добровольно отказаться отъ солнечнаго блеска жизни при дворѣ. Конечно, она была „отставлена“. Это было настоящее слово: „отставлена“.

Когда она это узнала, то это было для нея величайшимъ униженіемъ. Ея родственники стали отъ нея отворачиваться, какъ бы боясь, чтобы высокая немилость не повредила и имъ. Она замѣтила, какъ холодны стали съ ней ея пріятельницы, какъ онѣ довели свои поклоны до минимума, но съ другой стороны она была принята съ трогательной довѣрчивостью всѣми, кто принадлежалъ къ среднему классу.

Сначала это было для нея ужаснѣе, чѣмъ холодность ея круга, но въ концѣ концовъ она убѣдилась, что было лучше играть здѣсь внизу первую роль, чѣмъ послѣднюю наверху; она стала заботиться о знакомствѣ съ обществомъ штатскихъ чиновниковъ и профессоровъ академіи, гдѣ она была принята съ распростертыми объятіями. Ей оказывали здѣсь большое вниманіе; здѣсь она сама была генераломъ, и скоро около нея образовался цѣлый штабъ молодыхъ ученыхъ, бывшихъ всегда къ ея услугамъ. Она вызвала къ жизни лекціи для женщинъ. Старый академическій хламъ былъ извлеченъ изъ тьмы, очищенъ отъ пыли, подновленъ и преподнесенъ какъ нѣчто совсѣмъ новое.

Въ столовой, изъ которой вынесли мебель, читалось о Платонѣ и Аристотелѣ передъ публикой, которой естественнымъ образомъ не хватало ключа къ этому священному кладу науки. Елена чувствовала себя высоко поднявшейся надъ невѣжественной аристократіей, не причастной къ тайнамъ науки, и это придавало ей импонирующій авторитетъ превосходства. Мужчины благоговѣли передъ ея красотой и неприступностью, но никогда не ощущали безпокойства въ ея присутствіи, она же принимала ихъ ухаживанія какъ необходимую дань и чувствовала мало благодарности за разныя услуги, которыя никогда не заставляли себя ждать.

Но ея положеніе незамужней дѣвушки было неудовлетворительнымъ на такое продолжительное время, и она съ завистью смотрѣла на замужнихъ женщинъ, которыя пользовались большой свободой. Онѣ могли однѣ ходить по улицамъ, разговаривать съ каждымъ мужчиною, котораго онѣ встрѣчали, по вечерамъ оставаться внѣ дома какъ угодно долго и заставлять своихъ мужей какъ лакеевъ пріѣзжать за собой. Кромѣ того замужняя женщина имѣетъ больше власти, больше престижа. Какъ свысока обращаются дамы съ дѣвушками! Но при мысли о замужествѣ въ ея памяти воскресалъ эпизодъ съ кобылой, и ее охватывало такое негодованіе, что она заболѣвала.

Въ это время въ кругу Елены появилось новое лицо: это была молодая красивая жена профессора изъ Упсалы. Еленина звѣзда начала меркнуть, всѣ ея поклонники скоро измѣнили ей и стали поклоняться новому солнцу. Елена не имѣла больше своего генеральскаго ранга, на который могла бы опереться какъ раньше, аромать двора и военщины испарился какъ духи съ платка — она чувствовала себя безпомощною и сбитой съ позиціи. Единственный, кто остался вѣренъ ей — былъ доцентъ этики, который раньше не осмѣливался приблизиться къ ней.

Теперь пришло его время. Съ этого времени его услуги милостиво принимались, и его этика стала ей внушать неограниченное довѣріе.

Однажды вечеромъ оба сидѣли въ качалкахъ въ пустой столовой, гдѣ передъ этимъ молодой доцентъ читалъ докладъ „объ этическомъ моментѣ въ супружеской жизни“.

— Итакъ, вы понимаете бракъ какъ соединеніе двухъ идентичныхъ «я»?

— Я думаю, — возразилъ онъ, — какъ я уже имѣлъ честь сообщить въ моемъ докладѣ, что только при условіи сходства двухъ соединяющихся индивидуальностей жизнь можетъ подняться до чего-нибудь болѣе высокаго и постояннаго.

— Что же это постоянное? — спросила Елена и покраснѣла.

— Дальнѣйшее существованіе двухъ проявленій жизни въ одномъ новомъ «я»?

— Какъ? вы думаете, что пробужденіе этого «я» должно воплотиться въ конкретное существо?

— Нѣтъ, фрекенъ, я только хотѣлъ сказать, пользуясь языкомъ профановъ, что бракъ долженъ при условіи сродства душъ создать новое духовное «я», которое не можетъ быть разсматриваемо какъ половое. Я думаю, что это новое существо, которое дастъ бракъ, должно быть конгломератомъ мужчины и женщины, новое существо, въ которомъ будетъ сущность обоихъ, единство ихъ разнообразій, вообще, пользуясь готовымъ выраженіемъ, можно сказать, что это будетъ феноменъ женщина-мужчина. Мужчина долженъ перестать быть мужчиной, женщина — женщиной.

— Итакъ, сродство душъ! — воскликнула Елена, радуясь тому, что удалось обойти всѣ подводные камни.

— Это гармонія душъ, о которой говорить Платонъ.

Это настоящій бракъ, о которомъ я всегда мечталъ, но который, къ несчастью, благодаря теперешнему состоянію общества, я никогда не надѣюсь реализовать.

Елена посмотрѣла на крючокъ на потолокъ и прошептала:

— Почему не можете вы осуществить вашу мечту?

— Почему? Потому что та, которая привлекла мою душу къ себѣ, — не думаетъ о любви.

— Дѣло вовсе не въ томъ, думаетъ ли она о любви или нѣтъ.

— И даже, если она это думаетъ, то все-таки всегда будетъ сомнѣваться въ искренности этого чувства; вообще нѣтъ такой женщины, которая бы могла меня любить!

— О, нѣтъ, — сказала Елена и посмотрѣла на его стеклянные глаза (у него дѣйствительно былъ одинъ стеклянный глазъ, который былъ артистически сдѣланъ).

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Да, — сказала Елена, — потому что вы не такой, какъ другіе мужчины; вы понимаете, что значитъ любовь душъ!

— И если даже найдется такая дѣвушка, то я все-таки не вступлю съ ней въ бракъ.

— Почему же?

— Жить въ одной комнатѣ! Нѣтъ!

— Это же не необходимо. Госпожа де Сталль имѣла одну квартиру со своимъ мужемъ, но комнаты у нихъ были отдѣльныя.

— Правда?

— Какимъ интереснымъ разговоромъ вы заняты? — спросила профессорша, которая въ эту минуту выходила изъ гостиной.

— Мы говоримъ о Лаокоонѣ, — отвѣтила Елена и встала, уязвленная пренебрежительнымъ тономъ молодой женщины.

И рѣшеніе было принято.

Черезъ недѣлю было объявлено о помолвкѣ Елены съ профессоромъ этики; осенью должна была состояться свадьба, и послѣ этого молодая чета собиралась отбыть въ Упсалу.

* * *

Свадебные гости разошлись, лакеи убрали столы, молодые остались одни. Елена была сравнительно спокойна, но зато онъ нервничалъ ужасно. Пока они были женихомъ и невѣстою, то проводили время въ серьезныхъ разговорахъ, никогда они не вели себя какъ другіе обрученные, никогда не обнимались и не цѣловались. При каждой такой попыткѣ онъ встрѣчалъ холодный взглядъ Елены. Но онъ ее любилъ, какъ любить мужчина женщину—и душой и тѣломъ. Они ходили взадъ и впередъ по ковру гостиной и искали темы для разговора, но молчаніе упорно возобновлялось. Свѣчи въ люстрѣ были наполовину потушены, въ комнатѣ еще стоялъ запахъ кушаній и вина; на подзеркальникѣ лежалъ букетъ Елены и распространялъ запахъ геліотропа и фіалокъ.

Наконецъ, онъ остановился передъ ней, простеръ къ ней руки и сказалъ принужденно-шутливымъ тономъ:

— Итакъ, ты моя жена!

— Что ты хочешь этимъ сказать? — спросила быстро Елена.

Онъ почувствовалъ себя обезоруженнымъ, опустилъ руки, но овладѣлъ собой и сказалъ со слабой улыбкой.

— Ну, я думаю, мы теперь мужъ и жена.

Елена смѣрила его такимъ взглядомъ, какъ будто передъ ней былъ пьяный.

— Объяснись, пожалуйста, — сказала она.

Это было именно то, чего онъ не могъ сдѣлать. Всѣ философскіе и этическіе мостики были подняты, и онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ холодной-неуютной дѣйствительностью.

«Гй стыдно, думалъ онъ, это ея полное право, но я долженъ не забывать и о своихъ правахъ».

— Ты меня не понялъ? — спросила Елена, и ея голосъ началъ дрожать.

— Нѣтъ, не совѣмъ, конечно, — но, но, моя милая, моя любимая, гм... — мы... гм...

— Что это за тонъ вообще? Моя милая? За кого ты меня считаешь и каковы твои намѣренія? — О, Альбертъ, Альбертъ, — продолжала она, не дожидаясь отвѣта на свой вопросъ. — Будь великъ, будь благороденъ и научись видѣть въ женщинѣ нѣчто высшее, чѣмъ просто самку, сдѣлай это и ты будешь великъ и счастливъ.

Альбертъ былъ побѣжденъ. Полный униженія и стыда сталъ онъ передъ нею на колѣни и пробормоталъ;

— Прости, Елена, ты благороднѣе, чѣмъ я, чище, лучше; ты должна поднимать меня до себя, когда я буду такъ опускаться въ пыль.

— Встань, Альбертъ, и будь силенъ, — сказала Елена пророческимъ голосомъ, — будь спокоенъ и докажи міру, что любовь есть нѣчто высшее, чѣмъ низкое животное побужденіе. Спокойной ночи!

Альбертъ поднялся и посмотрѣлъ вслѣдъ своей женѣ, которая прошла въ свою комнату и закрыла за собой дверь.

Преисполненный чистыми чувствами и благими намѣреніями, пошелъ также и Альбертъ въ свою комнату, сорвалъ съ себя фракъ и закурилъ папиросу.

Это была настоящая холостецкая комната, которую онъ себѣ устроилъ, — съ диваномъ для сна, письменнымъ столомъ, полкой для книгъ и комодомъ. Онъ раздѣлся, вымылся холодной водой, легъ на софу и схватилъ первую попавшуюся книгу, чтобы почитать. Скоро, однако, онъ опустилъ книгу и погрузился въ раздумье о своемъ положеніи.

Былъ ли онъ женатымъ человѣкомъ или холостякомъ?

Да, онъ былъ холостякомъ, съ той только разницей, что въ его квартирѣ появился пансіонеръ женскаго пола, который не платитъ за свое содержаніе. Это были не высокія мысли, но это была правда. Кухарка должна заботиться о кухнѣ, горничная поддерживать порядокъ въ комнатахъ, что же будетъ здѣсь дѣлать Елена? Развиваться. Ахъ, ерунда! Ему самому стало смѣшно: вѣдь это же чистѣйшая бессмыслица. Вдругъ ему пришло въ голову, не было ли все это обыкновеннымъ женскимъ жеманствомъ. Она не могла къ нему притти, онъ, конечно, долженъ итти къ ней... Если онъ не пойдетъ, она на другое утро его высмѣетъ и еще хуже — она будетъ обижена и задѣта... Да, да, женщины иногда бываютъ непонятны, и, во всякомъ случаѣ, надо сдѣлать опытъ.

Онъ вскочилъ, надѣлъ шлафрокъ и отправился въ гостиную. Онъ прислушался; колѣни его подгибались. Но въ ея комнатѣ все было тихо.

Онъ собралъ все свое мужество и подошелъ къ двери; передъ его глазами прыгали синіе огоньки, когда онъ постучался.

Никакого отвѣта. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, на спинѣ выступилъ холодный потъ.

Онъ постучалъ еще разъ и устало проговорилъ:
— Это я!

Никакого отвѣта. Ему сдѣлалось стыдно самого себя и, сконфуженный и уничтоженный, вернулся онъ въ свою комнату.

Итакъ, она говорила серьезно!

Онъ легъ опять и взялъ газету. Но не успѣлъ онъ улечься, какъ на улицѣ послышались шаги, которые постепенно приближались и, наконецъ, затихли. Затѣмъ онъ услышалъ музыку, и, наконецъ, нѣсколько голосовъ запѣли:

Integer vitae cebrisque purus!..

Онъ былъ тронутъ! Какъ это было прекрасно! *Purus!*

Онъ чувствовалъ себя въ приподнятомъ настроеніи. Даже въ духѣ времени звучало требованіе новаго пониманія брака. Молодое поколѣніе уже охвачено этической волной, которая шла въ это время.

Если бы Елена открыла дверь!

Онъ слѣдилъ за тактомъ музыки и почувствовалъ себя такимъ великимъ, какъ этого хотѣла Елена.

Не открыть ли окно и не поблагодарить ли эту студенческую молодежь.

Онъ поднялся.

Четырехкратный рѣзкій пѣтушій крикъ раздался у окна какъ разъ въ то время, когда Альбертъ хотѣлъ отдернуть занавѣску.

— Да, это такъ—смѣялись!—Яростный повернулся онъ и бросился къ письменному столу. Надъ нимъ смѣялись. Легкое чувство ненависти противъ виновницы этой унижительной сцены начало въ немъ подниматься, но его любовь побѣдила, и его гнѣвъ направился противъ этихъ дураковъ, этихъ шельмъ, на которыхъ онъ будетъ жаловаться въ консисторію—конечно! Но онъ опять возвращался мыслью къ своему положенію и не могъ себѣ простить, что позволилъ такъ провести себя за ночь. Онъ ходилъ по комнатѣ, бросился, наконецъ, на постель и заснулъ въ горькомъ раздумьѣ надъ окончаніемъ этого дня. Это былъ прекрасный день свадьбы, который долженъ быть самымъ хорошимъ днемъ жизни!

* * *

На другое утро онъ встрѣтился съ Еленой за кофе. Она была холодна и любезна какъ всегда. Альбертъ, конечно, не хотѣлъ упоминать о ночной серенадѣ. Елена развивала грандіозные планы на будущее, мечтала объ уничтоженіи проституціи. Альбертъ былъ съ нею согла-

сенъ и обѣщалъ съ своей стороны сдѣлать все возможное. Люди должны сдѣлаться цѣломудренными, нецѣломудренно живутъ только звѣри.

Загѣмъ онъ отправился въ коллѣджъ. Недовѣрчиво оглядывалъ онъ свою аудиторію, которая, казалось, приняла совсѣмъ особую мину, недоверчиво принялъ поздравленія товарищей, которыя ему показались настолько своеобразными, что онъ почувствовалъ себя уязвленнымъ.

Толстый, жирный, жизнерадостный адъюнктъ всталъ ему поперекъ дороги въ коридорѣ, схватилъ за бортъ сюртука и, улыбаясь во все лицо, спросилъ:

— Ну?

— Ерунда! — было единственное, что могъ отвѣтить новобранный, вырываясь изъ его рукъ и убѣгая.

Возвратясь домой, онъ нашелъ тамъ множество «приятельницъ». Альбертъ запутался ногами въ шлейфахъ и исчезъ, наконецъ, въ креслѣ, наполовину спрятанномъ дамскими юбками.

— Ну, вчера была вамъ серенада? — спросила молодая красивая профессорша.

Альбертъ поблѣднѣлъ, но Елена отвѣчала совершенно спокойно:

— Ахъ, это не зашло слишкомъ далеко! Но прежде всего участники должны были бы быть трезвыми, пьянство среди студенческой молодежи здѣсь прямо возмутительно!

— Что же они пѣли? — спросила профессорша.

— Ахъ, то, что они обыкновенно поютъ: «Жизнь подобна морской волнѣ» и что-то еще въ этомъ родѣ, — сказала Елена.

Альбертъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. День прошелъ въ различныхъ дискуссіяхъ, которыя утомили Альберта. Послѣ дня работы поговорить съ женщиной пару часовъ — довольно приятно, но здѣсь этого было слиш-

комъ много. И кромѣ того онъ долженъ былъ со всѣмъ соглашаться, такъ какъ, когда онъ дѣлалъ попытку противорѣчить, онъ оказывался побѣжденнымъ.

Такъ пришелъ вечеръ и время ложиться спать. Ему показалось, что онъ замѣтилъ въ глазахъ Елены ласковыя искорки, и онъ не былъ увѣренъ, что она не пожала ему тихонько руки. Онъ зажегъ сигару, взялъ газету, но скоро ее бросилъ и вскочилъ, накинулъ шлафрокъ и проскользнулъ въ гостиную.

Онъ услышалъ, что Елена еще двигалась въ своей комнатѣ.

Онъ постучался.

— Это вы, Луиза? — слышалось внутри.

— Нѣтъ, это я, — прошепталъ онъ тихо и почти задыхаясь.

— Что случилось, что тебѣ надо?

— Я долженъ еще разъ поговорить съ тобою, Елена, — возразилъ онъ, дрожа отъ волненія.

Ключъ повернулся въ замкѣ. Альбертъ едва вѣрилъ своимъ ушамъ — дверь отворилась.

Елена стояла совершенно одѣтая.

— Что ты хочешь? — спросила она. Но въ эту минуту она замѣтила, что онъ не одѣтъ и что его глаза блестятъ по-особенному.

Вытянутыми руками оттолкнула она его назадъ и хлопнула дверь.

Онъ слышалъ паденіе тѣла на полъ и громкое рыданіе.

Въ отчаяннѣи и пристыженный возвратился онъ въ свою комнату. Итакъ, все это было совсѣмъ серьезно. Но, конечно, это было нѣчто ненормальное.

Безсонная ночь, полная всевозможныхъ думъ, была результатомъ всего случившагося, и на другое утро онъ долженъ былъ завтракать въ одиночествѣ.

Когда онъ вернулся къ обѣду домой, Елена вышла ему навстрѣчу съ грустнымъ покорнымъ лицомъ.

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? — спросила она.

Онъ коротко попросилъ прощенія.

Лицо его было совсѣмъ сѣрое, глаза потухли, настроеніе неровное и часто подъ холодной внѣшностью онъ хоронилъ глухую ярость.

Елена нашла его измѣнившимся и деспотичнымъ, такъ какъ онъ началъ ей противорѣчить и уклоняться отъ устраиваемыхъ ею собраній, чтобы искать себѣ общества внѣ дома.

Въ одинъ прекрасный день ему сдѣлали предложеніе конкурировать на кафедре профессора; такъ какъ онъ считалъ своихъ конкурентовъ выше себя, то онъ хотѣлъ отказать отъ конкурса, но Елена уговаривала его до тѣхъ поръ, пока онъ не согласился на ея просьбу. Его выбрали, онъ не зналъ почему, но Елена это знала.

Въ это же время были выборы въ рейхстагъ. Новый профессоръ, никогда не думавшій до этого принимать участіе въ политикѣ, былъ почти испуганъ, прочтя свое имя на листѣ кандидатовъ, и еще испуганнѣе, когда онъ былъ дѣйствительно выбранъ. Онъ хотѣлъ отказать, но Елена такъ ярко изобразила разницу жизни въ провинціи и въ столицѣ, что онъ согласился.

Итакъ, они поѣхали въ Стокгольмъ.

* * *

Новый членъ рейхстага и профессоръ въ продолженіе шестимѣсячнаго супружества, которое, въ сущности, было для него холостой жизнью, пришелъ къ новымъ идеямъ, которыя состояли въ полномъ переустройствѣ моральныхъ и общественныхъ ученій и которыя должны были привести къ разрыву между нимъ и его «пансіонеркой».

Въ Стокгольмѣ онъ началъ устраивать себѣ новую жизнь согласно съ современными теченіями. Любовь къ женѣ остыла, онъ искалъ себѣ утѣшенія внѣ дома, не чувствуя себя невѣрнымъ по отношенію къ женѣ, такъ какъ въ ихъ отношеніяхъ не могло быть и мѣста чувству вѣрности.

Въ сношеніяхъ съ другимъ поломъ понялъ онъ впервые совершенно ясно свое унижительное положеніе.

Елена видѣла, какъ онъ становился все болѣе чужимъ ей, ихъ совмѣстная жизнь сдѣлалась невыносимой, и катастрофа казалась неизбежной.

День открытія рейхстага приближался. Елена выглядѣла неспокойной и, казалось, перемѣнила свое отношеніе къ мужу. Ея голосъ приобрѣлъ мягкость, и, казалось, она начала заботиться о томъ, чтобы все для мужа было хорошо устроено. Она стала слѣдить за слугами, смотрѣть за тѣмъ, чтобы все было въ порядкѣ и чтобы обѣды подавались во-время. Онъ наблюдалъ ее съ недоумѣніемъ и спокойно ожидалъ чего-то необычнаго.

Однажды за утреннимъ кофе Елена была очень озабочена, что вообще было не въ ея привычкахъ. Она тербила салфетку и наконецъ, набравшись мужества, высказала свое желаніе.

— Альбертъ, — начала она, — ты, конечно, исполнишь одну вещь, о которой я тебя попрошу, не правда ли?

— Что это за вещь? — спросилъ онъ коротко и сухо, такъ какъ онъ зналъ, что начинается нападеніе.

— Ты, конечно, сдѣлаешь что-нибудь для угнетенныхъ женщинъ, не правда ли?

— Кто эти угнетенныя женщины?

— Что? Ты измѣнилъ нашему дѣлу, нашему великому дѣлу?

— Что это за дѣло?

— Дѣло женщинъ!

— Я такого не знаю!

— Ты такого не знаешь? О! Ты! Да развѣ женщины нашего народа не находятся въ состояніи унижительнаго угнетенія?

— Нѣтъ, я не вижу, въ чемъ женщины больше угнетены чѣмъ мужчины изъ народа. Освободи его отъ его эксплуататоровъ, и его жена будетъ тоже освобождена.

— Но эти несчастныя, которыя должны себя продавать... и дурные мужчины...

— Которые настолько дурны, что платятъ, не правда ли? Видѣла ли ты, чтобы кто-нибудь платилъ за то, чѣмъ пользуются обѣ стороны?

— Объ этомъ нѣтъ рѣчи, вопросъ въ томъ, что законъ дѣйствуетъ неправильно, наказуя одну сторону, а другую оставляя ненаказанной.

— Это не неправильность. Одна сторона унижаетъ себя тѣмъ, что продается и дѣлается источникомъ отвратительной заразы. Государство обращается съ ней какъ съ бѣшеной собакой. Если ты найдешь мужчину, который бы унизилъ себя такъ глубоко,—хорошо, поставь его также подъ надзоръ полиціи. Ахъ, вы—чистые ангелы, вы, которые презираете мужчину, какъ грязное животное! Чего, собственно, хочешь ты отъ меня? Что я долженъ сдѣлать?

Только теперь онъ увидѣлъ, что у нея въ рукахъ былъ манускриптъ; онъ взялъ его у нея и началъ читать.

— Докладъ рейхстагу? Итакъ, я долженъ быть соломеннымъ мужемъ и эту вещь выдать за свою. Развѣ это возможно? Можешь ты за это ручаться своею совѣстью?

Елена встала, разрыдалась и бросилась на софу. Онъ подошелъ къ ней, взялъ за руку и пощупалъ пульсъ, нѣтъ ли у нея лихорадки; она ухватилась за его руку и прижала ее къ груди.

— Не оставляй меня,—шептала она,—останься со мной и дай вѣрить въ тебя.

Это было въ первый разъ, что она дала волю своимъ чувствамъ. И такъ, прекрасное тѣло, на которое онъ любовался и которое любилъ, могло ожить! И такъ, въ этихъ жилахъ текла горячая кровь, эти прекрасные глаза могли проливать слезы! Онъ гладилъ ея лобъ.

— Ахъ, — сказала она, — какъ мнѣ хорошо, когда ты меня гладишь! О, Альбертъ, такъ должно быть всегда!

— Да, и почему это не такъ — почему?!

Елена опустила глаза и тихо повторила:

— Почему?

Ея рука не спѣшила вырваться изъ его рукъ, и онъ чувствовалъ, какъ отъ нея исходила теплота и какъ опять воскресало все то, что онъ раньше чувствовалъ къ ней, — на этотъ разъ въ немъ была полная надежда.

Наконецъ, онъ поднялся.

— Не презирай меня, — сказала она, — слышишь, не презирай меня!

И она прошла въ свою комнату.

«Что это было, — спрашивалъ себя Альбертъ, выходя изъ дома. — Наступилъ ли въ ней кризисъ? Начинаясь ли ея жизнь женщины?»

Цѣлый день ему пришлось пробыть внѣ дома.

Когда онъ возвратился домой, то замѣтилъ свѣтъ въ комнатѣ Елены. Какъ можно тише прошелъ онъ мимо, — внутри онъ услышалъ тихій кашель. Онъ прошелъ къ себѣ въ комнату, взялъ газету и сигару и началъ читать. Вдругъ онъ услышалъ, что дверь комнаты Елены отворилась, послышались легкіе шаги въ гостиной. Онъ вскопятилъ, чтобы посмотреть, въ чемъ дѣло; его первая мысль была: пожаръ.

Въ гостиной стояла Елена въ ночномъ костюмѣ.

Увидавъ мужа, она коротко вскрикнула и бросилась назадъ въ свою комнату, гдѣ остановилась съ поднятой головой.

— Прости, Албертъ. Это ты? Я не знала, что ты уже дома, я думала, что это воры.

И закрыла опять свою дверь.

Что это значило? Проснулась ли въ ней любовь? Онъ остановился передъ зеркаломъ. Могла ли его любить женщина? Онъ былъ очень дурень собой. Но когда души соприкасаются... и вообще такъ много некрасивыхъ мужчинъ, у которыхъ красивыя жены. Но въ большинствѣ случаевъ эти мужчины были или богаты или занимали высокое положеніе.

Поняла ли Елена ложь своего и его положенія. Или она замѣтила, что онъ отъ нея отдалается, и захотѣла его вернуть къ себѣ?

Онъ не зналъ, что думать.

На другое утро, когда они встрѣтились за кофе, Елена была мягко настроена. Профессоръ замѣтилъ на ней новый капоть, отдѣланный кружевами, который такъ хорошо отдѣнялъ ея красоту.

Онъ потянулся за сахарницей и случайно дотронулся до ея руки.

— Прости, милый, — сказала она съ такимъ выраженіемъ лица, котораго онъ никогда не видалъ у нея и которое напоминало выраженіе совсѣмъ молодой дѣвушки.

Разговоръ вертѣлся на малозначащихъ вещахъ.

Въ этотъ день было открытіе рейхстага.

Елена оставалась все время уступчивой и любезной и съ каждымъ днемъ выглядѣла счастливѣе.

Однажды профессоръ вернулся изъ клуба въ необыкновенно веселомъ настроеніи. Какъ обыкновенно прошелъ онъ въ свою комнату и, взявши сигару и газету, легъ въ постель. Черезъ нѣсколько минутъ онъ услыхалъ, что дверь Елениной комнаты отворилась — потомъ тишина — вдругъ къ нему въ дверь постучались.

— Кто тамъ? — спросилъ онъ.

— Это я, Альбертъ; одѣнься пожалуйста и выйди, мнѣ необходимо поговорить съ тобой.

Онъ одѣлся и вышелъ въ гостиную.

Елена зажгла стѣнную лампу и сидѣла въ кружевномъ пеньюарѣ на софѣ.

— Прости меня, — сказала она, — но я не могла спать, у меня въ головѣ происходитъ что-то удивительное. Сядь ко мнѣ и давай поговоримъ.

— Ты нервничаешь, мое дитя, — сказалъ Альбертъ и взялъ ея руку. — Тебѣ надо выпить стаканъ вина.

Онъ пошелъ въ столовую, принесъ оттуда небольшой графинъ съ виномъ и два стакана.

— За твое здоровье Елена, — сказалъ онъ.

Елена выпила, и на щекахъ выступила краска.

— Ну, что съ тобой? — спросилъ онъ и положилъ руку ей на плечо. — Тебѣ нездоровится?

— Нѣтъ, я несчастна.

Ея слова звучали сухо и принужденно, но онъ не сомнѣвался въ томъ, что въ ней проснулась страсть.

— Знаешь ты, почему ты несчастна? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я сама себя хорошенько не понимаю. Но одно я теперь знаю: я тебя люблю.

Альбертъ обнялъ ее, прижалъ къ себѣ и поцѣловалъ въ лицо.

— Жена ли ты моя, или нѣтъ? — прошепталъ онъ.

— Да, я твоя жена, — тихо произнесла Елена, тѣло которой склонилось къ нему, будто лишенное мускуловъ.

— Совсѣмъ? — спросилъ онъ опять, почти душа ее своими поцѣлуями.

— Совсѣмъ, — отвѣтила она тихо. Тѣло ея содрогалось, какъ въ конвульси; она была какъ во снѣ и точно искала убѣжища отъ грозящей опасности.

Проснувшись на другое утро, Альбертъ почувствовалъ себя свѣжимъ, хорошо выспавшимся, въ ясномъ, свѣтломъ настроеніи. Его мысли были энергичны и опредѣленны, какъ послѣ хорошаго долгаго сна.

Пережитое за вчерашній вечеръ ясно стояло у него въ сознаниі. Настоящее положеніе вещей выступило предъ нимъ во всемъ своемъ хладнокровіи и опредѣленности.

Она себя продала.

Въ три часа утра онъ ей обѣщалъ — опьяненный, блѣдный, сумасшедшій, какимъ онъ былъ, — что онъ проведетъ ея докладъ въ рейхстагъ.

И вознагражденіе! Спокойная, холодная, неподвижная — отдалась она ему.

Какова была первая женщина, которая открыла, что можно барышничать своей благосклонностью? Кто пришелъ къ тому, что мужчина долженъ это покупать? Это были основатели брака и проституціи. И все-таки утверждаютъ, что Богъ благославляетъ бракъ.

Онъ видѣлъ такъ ясно свое и ея униженіе. Она хотѣла имѣть триумфъ передъ своими пріятельницами, быть первой, принявшей участіе въ законодательствѣ и для этого она продала себя. Но онъ хотѣлъ сорвать съ нея маску. Онъ хотѣлъ показать ей, кто она. Онъ хотѣлъ ей показать, что проституція никогда не прекратитъ своего существованія, если женщина будетъ имѣть охоту себя продавать.

Съ этимъ намѣреніемъ онъ одѣлся. Идя въ столовую, онъ долженъ былъ остановиться и дать себѣ время набраться мужества для предполагаемаго разговора.

Она пришла! Спокойная, улыбающаяся, торжествующая и прекраснѣе чѣмъ когда-либо.

Темный огонь горѣлъ въ ея глазахъ, и онъ, ожидавшій

ее съ уничтожающими взглядами, покраснѣлъ какъ новобрачный и почувствовалъ себя уничтоженнымъ. Это она была побѣдившимъ обольстителемъ, а онъ былъ несчастнымъ обольщеннымъ.

Ни одного слова изъ придуманнаго имъ не сорвалось съ его губъ. Побѣжденный, всталъ онъ ей навстрѣчу и поцѣловалъ ея руку.

Она разговаривала съ нимъ какъ обыкновенно, не давая чувствовать, что въ ихъ жизни насталъ новый моментъ.

Отправляясь въ рейхстагъ съ ея рукописью въ рукахъ, онъ внутренно возмущался собой, но мысль о будущемъ блаженствѣ его успокоила.

Вечеромъ, когда онъ постучался въ дверь Елены, она оказалась заперта, на другой день тоже, и такъ продолжалось три недѣли. Какъ собака былъ онъ ей послушенъ, слушался каждаго кивка головы, дѣлалъ все, что она хотѣла, и все напрасно! Наконецъ, имъ овладѣлъ гнѣвъ, и онъ ей все высказалъ. Она отвѣчала ему рѣзкими словами, но увидѣвъ, что зашла слишкомъ далеко, такъ какъ онъ грозилъ разорвать соединяющія изъ цѣпи, она сдалась!

И онъ влачилъ свою цѣпь, онъ рвался изъ нея, но она держала его крѣпко.

Она быстро усвоила себѣ, какъ надо натягивать эту цѣпь, а какъ только онъ угрожалъ разрывомъ, она отпускала ее.

«У него не было большаго желанія, какъ видѣть ее матерью, это, можетъ быть, сдѣлало бы ее женщиною, — думалъ онъ, — это пробудило бы въ ней здоровую природу». Но она не дѣлалась матерью.

Была ли это гордость или самолюбіе, которое уничтожило въ ней источникъ жизни?

Однажды она ему сообщила, что ѣдетъ на нѣсколько дней къ родственникамъ.

Когда вечеромъ послѣ ея отъѣзда Альбертъ возвра-

тился къ себѣ въ домъ и нашель его пустымъ, имъ овладѣло чувство безграничнаго одиночества и тоски. Теперь ему было ясно, что все его существо полно любовью къ ней.

Квартира ему показалась безнадежно пустой, какъ послѣ похоронъ.

Пустое мѣсто за столомъ противъ него его мучило, и онъ почти ничего не ѣлъ. Послѣ ужина онъ сѣлъ въ гостиной на мѣсто Елены и взялъ въ руки ея начатую работу: дѣтскую кофточку для какого-то чужого новорожденнаго ребенка. Иголка была воткнута здѣсь же. Онъ воткнулъ ее себѣ въ палець, какъ бы желая болью заглушить свое страданіе. Зажегъ свѣчку и пошелъ въ ея спальню. Онъ вздрогнулъ при входѣ, точно дѣлалъ что-то нечестное. Въ комнатѣ ничто не напоминало женщину. Узкая постель безъ занавѣсокъ, шкафъ, полка для книгъ, ночной столикъ и софа, все такъ же, какъ и у него. Ни туалета, ни зеркала. На стѣнѣ висѣла пара платьевъ, Шерстяная матерія еще сохранила формы ея тѣла. Онъ погладилъ матерію, прижался лицомъ къ воротнику и хотѣлъ обнять за талію, но платье сложилось въ комокъ. Подошелъ къ постели, какъ бы надѣясь увидѣть ее, дотрогиваясь до всего, до каждаго предмета, наконецъ, какъ бы въ бессознательномъ стремленіи найти разгадку, бросился онъ къ ящикамъ, но всѣ они были заперты. Онъ отодвинулъ ящикъ ночного столика, и его взглядъ упалъ на заглавіе брошюры...

Итакъ, вотъ оно — спасительное средство! «Произвольное безплодіе». Это было спасительнымъ средствомъ отъ нищеты и нужды для низшихъ классовъ, лишенныхъ средствъ существованія, а тутъ оно было лишь орудіемъ идеализма. Это дало ему возможность глубоко заглянуть въ испорченность и моральное разложеніе высшихъ классовъ, гдѣ рожденіе дѣтей внѣ брака считалось безнравственнымъ, а въ бракѣ унижительнымъ. Но онъ хотѣлъ имѣть дѣтей! Онъ имѣлъ

средства къ существованію и видѣлъ свой долгъ и даже наслажденіе въ продолженіи своего «я» въ другомъ существѣ. Это была природная дорога здороваго эгоизма къ альтруизму. Но она шла по другой дорогѣ — она шила кофточки для чужихъ дѣтей. И мотивы? Боязнь неудобства материнства.

Не было ли дешевле и удобнѣе сдѣлать на софѣ и шить кофточку, чѣмъ вести полную лишениій и труда жизнь матери?

Было стыдно сдѣлаться матерью, имѣть полъ, постоянно вспоминать о томъ, что ты «женщина».

Въ этомъ было дѣло. То, что она назвала дѣломъ для человѣчества, для неба, для высшихъ интересовъ, въ основѣ своей было не что иное, какъ суетность и гордость. И онъ жаловался на нее, хотѣлъ поставить ей на видъ ея неспособность быть матерью.

Онъ чувствовалъ, что ненавидитъ ея душу, — такъ какъ ненавидитъ ея мысли. И все-таки любитъ ли онъ ее? Что же любитъ онъ въ ней? «Вѣроятно, — подумалъ онъ, опять впадая невольно въ философствованіе, — вѣроятно, зародышъ новаго существа, которое она носитъ въ себѣ и хочетъ подавить».

И чѣмъ же это могло быть?

А что она любила въ немъ? Его титуль, его положеніе, его могущество.

И съ такими-то старыми людьми приходится работать надъ созданіемъ новыхъ общественныхъ формъ!

Онъ рѣшилъ при ея возвращеніи сказать ей все это и все-таки онъ хорошо зналъ, что никогда не будетъ въ состояніи этого сдѣлать. Онъ зналъ, что будетъ передъ нею унижаться, вымаливать ея благосклонность, что онъ рабъ ея, продающій ей свою душу, какъ она продаетъ свое тѣло.

Онъ зналъ, что это все будетъ такъ, потому что любилъ ее.

Единоборство.

Она была очень некрасива, и грубые люди не могли почувствовать красивую душу подъ непривлекательною внѣшностью. Но она была богата и понимала очень хорошо, что мужчины стремятся къ приданому дѣвушки. Какъ дочь богатыхъ родителей, она была знакома съ массою мужчинъ, но такъ какъ она относилась къ нимъ вообще очень недоувѣрчиво, то считалась разсудительною дѣвушкою.

Ей минуло 20 лѣтъ. Мать ея была жива, и ей не представлялось пріятнымъ пять лѣтъ дожидаться возможности распорядиться своимъ состояніемъ. Поэтому въ одинъ прекрасный день она всѣхъ удивила извѣстіемъ о своей помолвкѣ.

«Она выходитъ замужъ, чтобы имѣть мужа», — говорили одни.

«Она выходитъ замужъ, чтобы быть свободной и использовать эту свободу», — говорили другіе.

«Быть такой глупой и выходить замужъ, — говорили третьи. — Она даже не понимаетъ, что именно тогда она и будетъ безправной».

«Не беспокойтесь, — говорили другіе, — она ужъ сумѣетъ постоять за себя, выйдя замужъ».

Каковъ былъ онъ? Какъ выглядѣлъ? Гдѣ они познакомились?

Онъ былъ молодой кандидатъ правъ съ нѣскольکو женственною наружностью, съ высокими бедрами и съ блѣднымъ лицомъ.

Онъ былъ единственнымъ сыномъ своихъ родителей; воспитывали его мать и тетка.

До сихъ поръ онъ сторонился молодыхъ дѣвушекъ и ненавидѣлъ военныхъ, которымъ вездѣ оказывалось предпочтеніе. Таковъ былъ онъ.

Они встрѣтились въ одномъ изъ курортовъ, на вечерѣ.

Онъ пріѣхалъ поздно, и для него не осталось дамы.

Молодые дѣвушки на его приглашеніе бросали радостное «нѣтъ» и, гордясь, показывали свое заполненное танцевальное карне.

Оскорбленный и удрученный вышелъ онъ на террасу и закурилъ папиросу. Надъ липами парка сіялъ мѣсяцъ, и отъ цвѣтниковъ несся запахъ резеды. Черезъ окно онъ видѣлъ танцующія пары и подъ звуки веселаго вальса весь дрожалъ отъ досады и безсильной ярости.

— Господинъ кандидатъ правъ сидитъ здѣсь и мечтаетъ,—раздался вдругъ около него голосъ.—Развѣ вы не танцуете?

— А почему вы не танцуете, многоуважаемая френкенъ?—спросилъ онъ и посмотрѣлъ на нее.

— Потому что я дурна собой и никто меня не приглашаетъ,—возразила она.

Онъ оглядѣлъ ее. Они были старинные знакомые, но онъ никогда не принадлежалъ къ ея поклонникамъ. Она была необыкновенно красиво одѣта, и въ этотъ моментъ ея глаза выражали такую горечь отъ несправедливости природы, что въ немъ вспыхнула къ ней живая симпатія.

— Меня тоже никто не захотѣлъ,—сказала онъ.—Но военные правы: въ борьбѣ за существованіе выигрываютъ болѣе сильные, болѣе ловкіе, болѣе пестро одѣтые. Посмотрите на эти плечи и эпoletы...

— Фу! что вы говорите!

— Простите! Но такъ горько сознавать себя неравнымъ въ борьбѣ! Можетъ быть, вы хотите танцовать со мной?

— Вы предлагаете это изъ состраданія?

— Да, относительно себя самого.

И онъ бросилъ папироску.

— Знаете ли вы, что значитъ чувствовать себя отогнаннымъ, быть всегда послѣднимъ? — продолжалъ онъ горячо.

— Да, я это знаю! — воскликнула она, — но это вовсе не худшіе, которые попадаютъ въ такія обстоятельства, не правда ли, вѣдь существуютъ же другія добродѣтели, кромѣ красоты, онѣ имѣютъ свою цѣну.

— Какія качества цѣните вы въ мужчинѣ выше всего?

— Сердечную доброту, — отвѣтила она убѣжденно, — такъ какъ это качество рѣдко встрѣчается у мужчинъ.

— Доброта и слабость въ этомъ мірѣ обыкновенно идутъ рука объ руку, а женщины преклоняются передъ силой и крѣпостью.

— Какія женщины? Грубая сила имѣла свое время, и мы, стоящіе нѣсколько выше въ культурномъ отношеніи, мы должны понимать и не ставить голую мускульную силу выше доброты сердца.

— Мы должны! Конечно! Но посмотрите же въ эти окна!

— Для меня человѣчность — это благородство чувства и отзывчивость сердца.

— И вы можете уважать человѣка, котораго всѣ считаютъ слабымъ и называютъ трусомъ?

— Что мнѣ до свѣта и его приговоровъ?

— Знаете, вы необыкновенная дѣвушка! — сказалъ онъ съ возрастающимъ интересомъ.

— Совсѣмъ не особенная! — Но вы всѣ мужчины привыкли смотрѣть на женщинъ, какъ на родъ игрушки.

— Какіе мужчины? Я, милостивая государыня, съ дѣтства привыкъ относиться къ женщинѣ, какъ къ существу высшему, и съ того дня, какъ меня полюбитъ какая-нибудь дѣвушка, я сдѣлаюсь ея рабомъ.

Адель задумчиво посмотрѣла на него и сказала:

— Но вы — вы необыкновенный мужчина!

Объявивъ другъ друга необыкновенными представителями несчастнаго рода человѣческаго, они подвергли ѣдкой критикѣ такое суетное удовольствіе, какъ танцы, поговорили о меланхоличности луны и отправились въ залъ искать себѣ *vis à vis* для кадрили.

Адель танцевала прекрасно, а молодой юристъ совершенно покорилъ ея сердце тѣмъ, что танцевалъ, какъ „невинная дѣвушка“.

Послѣ кадрили они опять сѣли на террасѣ.

— Что такое любовь?—спросила Адель и посмотрѣла на луну, какъ бы желая съ неба получить отвѣтъ на свой вопросъ.

— Симпатія душъ,—прошепталъ молодой человѣкъ.

— Но симпатія легко переходитъ въ антипатію — это случается такъ часто, — сказала Адель.

— Въ такомъ случаѣ это не настоящая симпатія. Многіе матеріалисты утверждаютъ, что любовь существуетъ исключительно между двумя разными полами, и имѣютъ смѣлость настаивать, что любовь чувственная болѣе постоянна, чѣмъ другая. Развѣ можно себѣ представить что-нибудь болѣе унизительное, болѣе животное, чѣмъ такая любовь, гдѣ въ возлюбленной видятъ лишь другой полъ?

— Ахъ, не говорите о матеріалистахъ.

— Нѣтъ, я долженъ говорить о матеріалистахъ, чтобы вамъ объяснить, какъ высоко я ставлю любовь къ женщинѣ, если мнѣ суждено когда-нибудь полюбить. Она не нуждается въ красотѣ, красота вещь преходящая. Я буду

видѣть въ ней добраго товарища, друга, я не буду съ ней смущаться и отъ нея отворачиваться, какъ отъ другихъ дѣвушекъ. Нѣтъ, я спокойно пойду ей навстрѣчу, какъ я сейчасъ подхожу къ вамъ, и спрошу: хочешь ли ты быть моимъ другомъ на всю жизнь?

Адель съ благоговѣніемъ смотрѣла на молодого человѣка, который схватилъ ее за руку.

— Вы—идеальная натура, — сказала она, — вы говорили отъ сердца со мною, вы просили, если я вѣрно поняла, моей дружбы. Вы должны ее получить, но сначала—маленькій опытъ. Докажите мнѣ, что ради дружбы вы готовы снести униженіе.

— Въ чемъ долженъ состоять опытъ? Я все сдѣлаю!

Адель отстегнула свой браслетъ съ висящимъ на немъ медальономъ.

— Носите это какъ залогъ нашей дружбы.

— Я буду это носить, — возразилъ молодой человѣкъ неувѣренно, — но вѣдь это будетъ значить, что мы помолвлены.

— Вы этого боитесь?

— Во всякомъ случаѣ нѣтъ, если ты этого хочешь! Хочешь?

— Да, Аксель, я хочу, такъ какъ свѣтъ не терпитъ иного дружескаго союза между мужчиною и женщиною, свѣтъ такъ дурень, что не вѣритъ въ чистоту отношеній между лицами разнаго пола.

И онъ сталъ носить ея цѣпь. И свѣтъ рѣшилъ, какъ и ея подруги, что она выходитъ замужъ, чтобы получить мужа, а онъ — чтобы имѣть жену. Было даже сдѣлано нѣсколько гнусныхъ предположеній, что онъ женится на ея деньгахъ, такъ какъ онъ самъ говорилъ, что любви другъ къ другу они не чувствуютъ и что дружба никого не принуждаетъ устраивать общую спальню, какъ это дѣлаютъ супруги.

И они поженились. Въ обществѣ было извѣстно, что они живутъ какъ братъ съ сестрой, и всѣ съ ироніей ждали исхода этого нововведенія въ супружеской жизни.

Молодые уѣхали за границу. Молодые возвратились домой. Молодая женщина была блѣдна и дурно настроена; она начала учиться верховой ѣздѣ. Свѣтъ насторожилъ уши и ждалъ.

Молодой кандидатъ правъ имѣлъ такой видъ, будто на его совѣсти лежалъ проступокъ, котораго онъ стыдился.

— Они живутъ какъ родные, — улыбаясь, говорили въ свѣтѣ. Вѣроятно, появится ребенокъ родныхъ?

— Безъ любви? Но что это въ самомъ дѣлѣ?

Фактъ оставался фактомъ, но симпатія душъ начала колебаться. Презрѣнная дѣйствительность коснулась и ихъ.

Кандидатъ правъ работалъ на своемъ поприщѣ, а работа по дому всецѣло лежала на прислугѣ. Свое призваніе матери молодая мать передала кормилицѣ, а сама поняла всю тяжесть бездѣлья. У нея было достаточно времени и возможности задумываться надъ своимъ положеніемъ. Она была мало удовлетворена. Что за существованіе для мыслящаго человѣка — сидѣть тутъ и ничего не дѣлать!

Ея мужъ отважился однажды сказать ей, что никто не заставляетъ ее бездѣльничать, но больше онъ на это не рѣшался.

Ея дѣло не была бы «дѣятельностью».

Почему же не кормить она свое дитя?

— Кормить? Нѣтъ, она хочетъ имѣть такую работу, чтобы зарабатывать деньги.

— Да развѣ она такъ жадна на деньги? Вѣдь у нея и такъ денегъ больше, чѣмъ она можетъ истратить — за чѣмъ же ей еще нужны деньги?

— Чтобы быть равноправной съ нимъ.

Равноправной она никогда не можетъ сдѣлаться, такъ какъ

природа дала ей возможность занимать такое положеніе, котораго никогда не достигнетъ мужчина — природа сдѣлала матерью женщину, а не мужчину.

— Ахъ, все это ерунда!

Могло бы быть и наоборотъ, — но вѣдь теперь это было такъ!

— Да, но эта жизнь невыносима, она не можетъ жить исключительно для семьи, она хочетъ приносить пользу человѣчеству.

— Но она можетъ начать эту работу на поприщѣ семьи и потомъ уже перейти къ болѣе обширному полю дѣятельности.

Такой разговоръ можетъ никогда не кончиться, онъ и такъ длился уже часъ. Кандидатъ правъ большую часть дня проводилъ внѣ дома, и на дому у него былъ только пріемъ кліентовъ.

Это приводило Адель въ отчаянье. Она видѣла, какъ онъ запирался въ кабинетъ съ другими женщинами, и тѣ ему довѣряли свои тайны, которыхъ ей онъ не передавалъ. Всегда между ними были секреты, и она на него сердилась.

Глухая ненависть къ неравенству ихъ положеній начала мало-по-малу овладѣвать ею, и она видѣла только одно средство измѣнить это положеніе: онъ долженъ оставить свою службу, чтобы сравняться съ нею положеніемъ.

Однажды она высказала свое намѣреніе устроить больницу. Онъ отказался помогать ей, такъ какъ у него и своего дѣла было достаточно, но потомъ онъ подумалъ, что это, пожалуй, займетъ ее и ему будетъ покойнѣе.

Она открыла больницу, и онъ помогалъ ей управлять ею. Послѣ полугодовой работы она почувствовала себя настолько освоившейся съ врачебнымъ искусствомъ, что начала сама давать совѣты.

„Это вовсе нетрудно“, — думала она.

Однажды она замѣтила небольшое упущеніе со стороны доктора и потеряла къ нему довѣріе. Слѣдствіемъ этого было то, что однажды, воспользовавшись его отсутствіемъ, она написала рецептъ.

Для больного это кончилось смертью.

Пришлось переѣзжать въ другой городъ, но равенство было уже нарушено и поколебалось еще сильнѣе, благодаря появленію на свѣтъ новаго гражданина. Молва послѣдовала за ними и въ новое мѣстожителство. Отношенія между супругами были печальны и не искренни, такъ какъ любви между ними не было никогда. Не было настоящего базиса для этой потребности природы, и ихъ совмѣстная жизнь была собственно не чѣмъ инымъ, какъ сожителствомъ, построеннымъ на непрочномъ основаніи эгоистической дружбы.

Но что же происходило въ ея мозгу, когда она въ поискахъ „высшаго“ открыла ошибку, о которой она не говорила, но о которой мужъ долженъ былъ знать. Она начала болѣть, потеряла аппетитъ и не хотѣла выходить изъ дома. Она видимо худѣла и начала кашлять. Мужъ водилъ ее къ докторамъ, но тѣ не могли опредѣлить ея болѣзни. Наконецъ, онъ привыкъ къ ея вѣчнымъ жалобамъ и не обращалъ на нихъ вниманія.

„Это такъ скучно, имѣть больную жену“, — думалъ онъ.

Онъ обходилъ это молчаніемъ, такъ какъ это не доставляло ему удовольствія, но если бы онъ ее любилъ, онъ сумѣлъ бы поставить дѣло по-другому.

Она слабѣла съ каждымъ днемъ, — и онъ рѣшилъ послать ее къ знаменитому профессору.

Адель поѣхала.

— Какъ давно вы больны? — спросилъ онъ,

— Я собственно никогда не была здорова, съ тѣхъ поръ какъ переѣхала въ городъ изъ деревни, гдѣ провела свою юность.

— И такъ, вы плохо переносите городской воздухъ?

— Плохо ли переношу? Но кто же заботится о томъ, что мнѣ полезно и что нѣтъ, — отвѣтила она съ мученическою улыбкою.

— Вы не думаете, что воздухъ деревни возстановить ваши силы? — спросилъ профессоръ.

— Я думаю, что только это можетъ меня спасти.

— Ну, такъ живите въ деревнѣ!

— Но карьера моего мужа не должна быть испорчена ради меня.

— Это пустяки, вѣдь вы богаты, а у насъ, право, достаточно адвокатовъ.

— Значитъ, вы думаете, что намъ необходимо перѣхать въ деревню?

— Да, если вы думаете, что это вамъ полезно! Я не нахожу у васъ никакой другой болѣзни, кромѣ нервно-сти, и я думаю, что деревенскій воздухъ вамъ принесетъ пользу.

Въ высшей степени угнетенная пріѣхала Адель домой.

— Ну?...

Профессоръ приговорилъ ее къ смерти, если она останется жить въ городѣ.

Юристъ былъ совершенно внѣ себя при мысли о необходимости отказаться отъ практики, и въ этомъ его жена увидѣла явное доказательство его нежеланія сдѣлать что-либо для нея. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что дѣло шло о ея жизни. Да, онъ думаетъ, что знаетъ лучше чѣмъ профессоръ? Онъ хочетъ, чтобы она умерла? Онъ этого не хотѣлъ и поэтому купилъ имѣніе. Имъ управлять долженъ былъ управляющій. Кандидатъ правъ освободился отъ своей должности. Дни потекли для него скучные и длинные, и его существованіе стало мрачнымъ. Бросивъ свое дѣло, онъ долженъ былъ жить на деньги жены. Первые полгода онъ много читалъ, потомъ бросилъ, такъ

какъ нашелъ, что изъ этого ничего не выходило. Потомъ онъ началъ вязать.

Жена же, напротивъ, горячо принялась за сельское хозяйство, ходила подобранная до колѣнъ по двору, приходила домой грязная, и отъ нея пахло коровникомъ. Она чувствовала себя въ своей сферѣ, командовала людьми, и это доставляло ей удовольствіе, такъ какъ она родилась въ деревнѣ и привыкла ко всему этому.

Когда кандидатъ правъ жаловался на бездѣлье, она говорила ему: „Займись же чѣмъ-нибудь, ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права сидѣть сложа руки и ничего не дѣлать“.

Онъ ѣлъ, спалъ и ходилъ гулять. Ежеминутно онъ становился кому-нибудь на дорогѣ и уже началъ получать отъ своей жены упреки на этотъ счетъ.

Однажды, когда онъ пришелъ пожаловаться женѣ, что нянька плохо смотритъ за дѣтьми, она сказала ему: „Смотри за ними ты, вѣдь все равно ты ничего не дѣлаешь“

Онъ посмотрѣлъ на нее, чтобы убѣдиться серьезно ли она говоритъ это.

— Да, конечно, почему же не позаботиться о своихъ собственныхъ дѣтяхъ? Развѣ ты находишь это страннымъ?

Онъ подумалъ одну минуту и дѣйствительно ничего страннаго въ этомъ не нашелъ.

И съ этихъ поръ регулярно каждый день онъ ходилъ гулять съ дѣтьми.

Однажды утромъ, когда онъ пришелъ за ними, они были еще не одѣты. Кандидатъ правъ, ужасно раздосадованный, пошелъ къ женѣ, такъ какъ самъ не рѣшался сдѣлать нянькѣ замѣчаніе.

— Почему дѣти не готовы? — спросилъ онъ.

— Потому что Марія занята. Одѣнь ихъ самъ, вѣдь у тебя нѣтъ дѣла. Развѣ это стыдно — одѣть своихъ собственныхъ дѣтей?

Онъ немного задумался и въ концѣ концовъ принужденъ былъ отдать ей должное: въ этомъ не было ничего стыднаго. Итакъ, онъ одѣлъ дѣтей самъ.

Однажды утромъ онъ ушелъ изъ дома одинъ съ ружьемъ за плечами.

Когда онъ возвратился домой, его встрѣтила жена и спросила въ довольно рѣзкомъ тонѣ:

— Почему ты не водилъ сегодня дѣтей гулять?

— Потому что мнѣ этого не хотѣлось.

— Не хотѣлось! Ты думаешь, что мнѣ хочется возиться цѣлый день въ грязи? Правда, мнѣ кажется, что взрослому человѣку должно быть стыдно валяться цѣлые дни по диванамъ и ничего не дѣлать.

Ему дѣйствительно было стыдно, и съ этого дня онъ сдѣлался настоящею нянькою и пунктуально исполнялъ эти обязанности.

Онъ не видѣлъ въ этомъ ничего несправедливаго, но страдалъ; положеніе вещей ему казалось до нѣкоторой степени ненормальнымъ, но жена умѣла заставлять его поступать согласно ея желаніямъ.

Она сидѣла въ конторѣ, совѣщалась съ управляющимъ или стояла въ амбарѣ и отвѣщивала рабочимъ продукты. Всѣ, кто приходилъ на господскій дворъ, спрашивали барыню, а не барина.

Однажды, гуляя съ дѣтьми, онъ завелъ ихъ на пастбище и, желая показать имъ одну корову, повелъ ихъ осторожно мимо стада. Вдругъ поднялась большая черная голова надъ спинами другихъ животныхъ и посмотрѣла на нихъ яростнымъ взглядомъ.

Отецъ взялъ дѣтей на руки и побѣждалъ какъ можно скорѣе къ саду; прибѣжавъ, онъ быстро перебросилъ дѣтей черезъ загородку и хотѣлъ перелѣзть самъ, но повисъ на своемъ пальто. Увидѣвъ на лугу двухъ женщинъ, онъ громко имъ закричалъ:

— Быкъ, быкъ!

Но женщины только засмѣялись, подошли къ нему и взяли дѣтей, которыя попрятались въ чашу.

— Развѣ вы не видите быка? — кричалъ онъ.

— Нѣтъ, никакого быка нѣтъ, его зарѣзали двѣ недѣли тому назадъ.

Въ досадѣ онъ пошелъ домой и пожаловался женѣ на женщинъ, но она только засмѣялась.

Послѣ обѣда, когда супруги сидѣли въ зачѣ, кто то постучалъ въ дверь.

— Войдите! — крикнула жена.

Одна изъ женщинъ, бывшихъ свидѣтельницами приключенія съ быкомъ, вошла въ комнату, держа въ рукахъ кашнѣ кандидата правъ.

— Это вѣроятно ваше, многоуважаемая барыня, — сказала она, улыбаясь.

Адель посмотрѣла на женщину, потомъ на мужа, который разсматривалъ свою цѣпочку.

— Нѣтъ, это принадлежитъ барину, — сказала она и взяла платокъ въ руки! — Спасибо тебѣ, баринъ дастъ тебѣ что-нибудь за находку.

Онъ же сидѣлъ блѣдный и неподвижный.

— Со мной нѣтъ денегъ, обратитесь къ многоуважаемой барынѣ, — сказалъ онъ и спряталъ платокъ.

Жена вынула крону изъ своего большого портмонѣ и дала ее дѣвушкѣ, которая ушла, не понимая ничего въ происшедшей сценѣ.

— Ты могла бы меня отъ этого избавить, — сказалъ онъ съ горечью.

— У тебя нѣтъ храбрости отвѣчать за свои дѣла и поступки? Ты стыдишься носить мой подарокъ, тогда какъ я ношу твой. Въ сущности говоря, ты безсильный человекъ! А хочешь быть мужчиной!

Адель должна была ѣхать на аукціонъ и остаться тамъ недѣлю. Въ ея отсутствіе мужу вмѣнялось въ обязанность смотрѣть за хозяйствомъ и вести книги.

Въ первый день пришла кухарка и попросила денегъ на сахаръ и кофе; онъ далъ ихъ ей. Черезъ три дня она опять пришла за деньгами для этой же цѣли. Онъ выразилъ свое удивленіе, что провизія такъ скоро вышла.

— Я не ѣмъ ее одна, — сказала грубо кухарка, — и многоуважаемая барыня никогда мнѣ ничего не говоритъ, когда я прихожу за деньгами.

Онъ далъ ей требуемую сумму, но это маленькое происшествіе заинтересовало его, онъ открылъ счетовую книгу и началъ ее просматривать. На эти двѣ статьи выходила удивительная сумма, обнаружилось, что въ мѣсяцъ выходило восемь кило. Онъ продолжалъ свои изслѣдованія— всюду то же самое. Онъ взялъ главную книгу и нашелъ прямо невѣроятныя цифры. Было ясно, что его жена не умѣла вести книгъ, а со стороны прислуги было организовано колоссальное воровство, которое, въ концѣ концовъ, могло разорить ихъ.

Адель пріѣхала домой, и кандидатъ правъ долженъ былъ выслушать отчетъ объ аукціонѣ.

Онъ откашлялся и хотѣлъ начать говорить, но жена пошла ему навстрѣчу и спросила:

— Ну, а какъ ты тутъ справился съ людьми, мой другъ?

— О, я справился съ ними очень хорошо, но они не честны, ты можешь мнѣ повѣрить.

— Что? они не честны?

— Нѣтъ, что значать, напримѣръ, эти громадныя порціи кофе и сахара?

— Откуда ты это знаешь?

— Я увидѣлъ это изъ счетовой книги.

— Итакъ, ты копался въ моихъ книгахъ?

— Копался? Меня заинтересовало прослѣдить досконально это явленіе.

— Но, собственно, тебя это не касается!

— И изъ этого я увидѣлъ, что ты ведешь книгу, не имѣя понятія объ этомъ дѣлѣ.

— Что? Я не могу вести книги?

— Нѣтъ, мое дитя, ты этого не можешь, и если это будетъ продолжаться, мы скоро придемъ къ разоренію. Все твое счетоводство есть ни что иное, какъ обманъ, мое дорогое дитя, и больше ничего!

— Но какое тебѣ, собственно, дѣло до моей книги?

— Да, но посмотри, пожалуйста, вѣдь и законъ требуетъ порядочнаго веденія книгъ.

— Ба, — законъ, что мнѣ законъ!

— Это я охотно допускаю, но меня это касается, и съ этого времени я буду смотрѣть за книгами.

— Мы можемъ взять конторщика.

— Это не нужно, вѣдь мнѣ и такъ нечего дѣлать.

И на этомъ они согласились.

Но съ тѣхъ поръ, какъ мужъ сталъ сидѣть за конторкой, и всѣ стали со своими дѣлами обращаться къ нему, Адель совершенно утратила интересъ къ хозяйству и къ жизни въ деревнѣ. Она очень перемѣнилась, перестала заботиться о коровахъ, телятахъ, оставалась все время въ комнатахъ и замышляла новые планы.

Мужъ ея, наоборотъ, пробудился для новой жизни и съ жаромъ набросился на сельское хозяйство. Снова пре-восходство было на его сторонѣ. Онъ распоряжался, обдумывалъ, приказывалъ и контролировалъ.

Однажды Адель пришла въ контору и попросила тысячу кронъ на покупку пианино.

— О чемъ ты думаешь! — сказалъ ей мужъ, — какъ

разъ теперь, когда нужно перестраивать дворъ! Это невозможно!

— Что это значитъ? Развѣ у насъ не хватитъ? Развѣ моихъ денегъ на это недостаточно?

— Твоихъ денегъ?

— Конечно, моихъ денегъ, которыя я получила въ приданое.

— Я думалъ что это, благодаря замужеству, сдѣлалось общимъ достояніемъ семьи?

— Другими словами — твоей собственностью, да?

— Нѣтъ, мое дитя, — собственностью семьи, сказалъ я. Семья есть маленькая община, единственная, у которой есть общность имущества. Мужъ является лишь управляющимъ.

— Почему же этимъ управляющимъ не можетъ быть жена?

— Потому что мужъ не родитъ дѣтей и, слѣдовательно, у него больше времени!

— Но почему не можемъ мы управлять оба вмѣстѣ?

— Почему въ каждомъ акціонерномъ обществѣ лишь одинъ директоръ? Если жена хочетъ принимать участіе въ управленіи, то почему же и дѣтямъ не дать этого права?

— Ахъ, эти адвокатскія уловки! Но я, правда, это нахожу страннымъ, стоять здѣсь и выпрашивать собственныя деньги на новое фортепіано.

— Теперь это не только твои деньги.

— Вѣроятно, твой?

— Нѣтъ, и не мои, онѣ принадлежатъ нашей семьѣ. Ты не должна быть такой несправедливой и говорить о выпрашиваньи, но разсудокъ подсказываетъ, что нужно спросить управляющаго состояніемъ, можно ли именно сейчасъ позволить себѣ такую роскошь.

— Ты считаешь піанино роскошью?

— Да, потому что у васъ есть старое! Положеніе дѣлъ

именно сейчас неблагоприятное и не позволяет покупки нового пианино, несмотря на то, что лично я не хочу, да и не могу противоречить твоему желанію!

— Тысяча кронъ никого не можетъ разорить!

— О нѣтъ, благодаря долгу въ тысячу кронъ очень легко положить основаніе разоренію.

— Значитъ, ты отказываешь мнѣ въ моей просьбѣ?

— Нѣтъ, я этого не хочу сказать, но положеніе дѣлъ...

— О, Господи, когда же настанетъ день, когда женщина сама будетъ распоряжаться своимъ состояніемъ и не будетъ принуждена, какъ нищенка, стоять передъ своимъ мужемъ!

— Когда она сама будетъ работать. Мужчина — твой отецъ, заработалъ тебѣ эти деньги, всѣ деньги, всѣ владѣнія получаютъ благодаря мужчинамъ, и потому было бы справедливо, чтобы сестры наслѣдовали меньше, чѣмъ братья, потому что мужчина уже родится, такъ сказать, съ обязательствомъ кормить женщину, тогда какъ на женщинахъ не лежитъ такого долга. Понимаешь ты меня?

— Итакъ, ты неровный дѣлежъ считаешь правильнымъ? И ты съ твоимъ умомъ можешь настаивать на этомъ? Неужели не нужно всегда дѣлить поровну?

— Нѣтъ, во всякомъ случаѣ, нѣтъ! Нужно дѣлить пропорціонально заслугамъ. Лѣнтяй, который лежитъ на травѣ и смотритъ, какъ работаютъ каменщики, во всякомъ случаѣ долженъ получить меньше, чѣмъ самъ каменщикъ.

— Ты хочешь сказать, что я лѣнива?

— Или, лучше всего, я ничего не хочу сказать, но я хочу тебѣ напомнить, что когда я лежалъ на софѣ и читалъ, ты меня считала лѣнивымъ и совершенно открыто это показывала.

— Что же я должна дѣлать? пожалуйста, скажи мнѣ!

— Ходить гулять съ дѣтьми.

— Я не гожусь въ воспитатели.

— Но я долженъ годиться, неправда ли? — Послушай, дорогое дитя, позволь тебѣ сказать, что женщина, утверждающая, что она не можетъ воспитывать своихъ дѣтей, собственно не женщина. Мужчиной она тоже не можетъ быть, ну что же она въ такомъ случаѣ, какъ ты думаешь?

— Фу, и ты можешь говорить такія вещи матери своихъ дѣтей!

— Что же можно сказать о мужчинѣ, который не имѣетъ склонности къ другому полу? Развѣ не говорятъ про него самыя ужасныя вещи?

— Ахъ, я вообще больше не хочу ничего слышать!

И Адель ушла въ свою комнату, заперлась и — заболѣла. Докторъ, этотъ всемогучій совѣтникъ, — объявилъ, что деревенскій воздухъ и одиночество для нея невыносимы. Переѣздъ въ городъ былъ необходимъ, такъ — какъ она должна была начать систематическій курсъ лѣченія.

Городъ скоро оказалъ прекрасное вліяніе на состояніе здоровья Адель, а воздухъ манежа и верховая ѣзда вернули краску и свѣжесть ея лицу.

Кандидатъ правъ опять занялся своей практикой, и дурного настроенія у обоихъ какъ не бывало. Однажды газеты принесли извѣстіе, что сочиненная Аделью пьеса будетъ поставлена на сценѣ.

— Посмотри, — сказала она, торжествуя, мужу, — женщина тоже можетъ жить для болѣе высшихъ цѣлей чѣмъ готовить кушанья и качать дѣтей!

И пьеса была поставлена. Кандидатъ правъ сидѣлъ въ литерной ложѣ, какъ подъ холоднымъ душемъ, и послѣ окончанія представленія онъ долженъ былъ играть роль хозяина за маленькимъ ужиномъ.

Его жена сидѣла среди своихъ поклонниковъ, которымъ онъ долженъ былъ предлагать сигары и вина. Говорились рѣчи. Кандидатъ правъ стоялъ около кельнера и наблюдалъ за откупориваніемъ бутылокъ шампанскаго, которое

должно было совпасть съ тостомъ молодого поэта, вѣрившаго въ женщину, подающую блестящія надежды на будущее.

Одинъ актеръ подошелъ къ кандидату правъ, хлопнулъ его по плечу и попросилъ заказать лучшую марку шампанскаго, чѣмъ этотъ скучный Редереръ. Кельнеры сновали всюду и спрашивали обо всемъ мужа уважаемой барыни. Адель ежеминутно обращалась къ нему съ указаніями, спрашивала, довольно ли вина у рецензентовъ.

Теперь она опять получила превосходство надъ нимъ, и это ему было мучительно неприятно. Когда они, наконецъ, вернулись домой, Адель сіяла отъ счастья, какъ будто съ души ея сняли камень; она дышала легко и свободно. Она говорила, и ее слушали; она такъ долго молчала и опять получила возможность говорить. Она мечтала о будущемъ, строила планы, говорила о завоеваніяхъ.

Мужъ сидѣлъ молча. Чѣмъ выше поднималась она, тѣмъ ниже опускался онъ.

— Надѣюсь, ты не завидуешь? — сказала она и замолчала.

— Если бы я не былъ твоимъ мужемъ, то, конечно, я не завидовалъ бы, — возразилъ онъ, — я радуюсь твоему успѣху, но меня онъ уничтожаетъ, гаситъ. У тебя есть права, но и у меня тоже они есть. Бракъ—это людоедство: если я тебя не съѣмъ, то ты съѣшь меня. Ты меня проглотила, и я не могу тебя больше любить.

— А развѣ ты меня любилъ когда-нибудь?

— Нѣтъ, это правда, нашъ бракъ не былъ построенъ на любви и поэтому онъ несчастливъ. Бракъ—какъ монархія, въ которой монархъ слагаетъ самодержавіе, оба должны пасть, какъ бракъ, такъ и монархія.

— И что же должно создаться на это мѣсто?

— Республика, конечно, — отвѣтилъ онъ и ушелъ въ свою комнату.

Естественныя препятствія.

Ея отецъ заставилъ ее изучить двойную бухгалтерію, чтобы избавить ее отъ печальной участи сидѣть и ждать жениха.

Она получила мѣсто бухгалтера при багажномъ отдѣленіи жѣзнодорожной станціи и считалась хорошей работницей. Она просто обращалась со своими товарищами по службѣ и не надѣялась на будущее.

Явился зеленый охотникъ изъ лѣсного института — и они составили пару. Но дѣтей они не хотѣли имѣть, они хотѣли жить въ духовномъ бракѣ, и свѣтъ долженъ былъ убѣдиться, что женщина тоже можетъ жить жизнью человѣка, а не только «самки».

Супруги встрѣчались какъ днемъ, такъ и ночью, и если тутъ было духовное единеніе, то было также и тѣлесное, но объ этомъ не говорилось.

Однажды молодая женщина, вернувшись домой, сообщила, что часы ея службы измѣнены, теперь она должна бывать тамъ отъ 6—9 вечера; это нарушало всѣ расчеты, такъ какъ онъ никакъ не могъ приходить домой раньше 6 часовъ. Обѣдали они порознь и только ночью бывали вмѣстѣ. Ахъ, эти долги вечера!

Въ девять часовъ онъ заходилъ за ней въ бюро, но ему не было пріятно сидѣть въ багажномъ отдѣленіи на

стулъ и получать ото всѣхъ толчки. Онъ всѣмъ приходился поперекъ дороги, и когда ему хотѣлось поболтать съ женою, которая сидѣла за конторкой съ перомъ за ухомъ, то онъ обыкновенно слышалъ: «будь такъ добръ,—не мѣшай мнѣ теперь».

А эти носильщики, которые вертѣлись тутъ! Онъ по ихъ спинамъ видѣлъ, что они зубоскалили на его счетъ.

Часто его встрѣчали такими словами: «пришелъ мужъ г-жи Хольмъ!»

Мужъ г-жи Хольмъ! Какъ это звучитъ презрительно! Но что его досадовало больше всего, такъ это ея товарищи. Тотъ, съ которымъ она сидѣла за одной конторкой, былъ молодой повѣса, который такъ значительно смотрѣлъ ей въ глаза и склонялся къ ея плечу, чтобы бросить взглядъ въ книгу, такъ близко, что его подбородокъ касался ея груди. И они разговаривали о фактурахъ и свидѣтельствахъ и о другихъ вещахъ, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія. Они много разговаривали и, казалось, имѣли другъ къ другу много довѣрія, онъ зналъ ея мысли лучше чѣмъ мужъ. И это было очень естественно, такъ какъ она съ этимъ молодымъ человѣкомъ была гораздо больше вмѣстѣ, чѣмъ съ мужемъ. Когда мужъ заговаривалъ о лѣсномъ хозяйствѣ, она отвѣчала мыслями о багажной экспедиціи, и это было вполне понятно: чѣмъ полна голова, то и приходитъ на языкъ. Онъ началъ замѣчать, что ихъ бракъ былъ вовсе не духовный, такъ какъ мужъ былъ не при экспедиціи багажа, а въ лѣсной академіи.

Въ одинъ прекрасный день или, вѣрнѣе, ночь жена объявила ему, что въ слѣдующее воскресенье она со своими коллегами отправляется за городъ на пикникъ, который долженъ закончиться маленькимъ ужинкомъ.

Мужу не понравилось это извѣстіе.

— Ты правда хочешь ѣхать съ ними? — спросилъ онъ наивно.

— Что ты спрашиваешь? Конечно!

— Да, но ты единственная женщина среди всѣхъ мужчинъ — а когда мужчины напиваются пьяными, они такіе назойливые.

— Но развѣ ты не ходишь на свои собранія учителей безъ меня?

— Да, но не какъ единственный мужчина, среди множества женщинъ.

— Я думаю, что мужчины или женщины—это все равно, и меня право удивляетъ, что ты, который всегда стоялъ за освобожденіе женщинъ, можешь имѣть что-нибудь противъ того, чтобы я присутствовада на этомъ маленькомъ праздникѣ.

Онъ долженъ былъ согласиться, что въ немъ говорили старыя предрасудки и что онъ не правъ,—но онъ просилъ ее остаться дома, такъ ему непріятна была эта мысль! Онъ не могъ отъ нея отдѣлаться.

Это непослѣдовательно съ его стороны, — сказала она.

Да, это непослѣдовательно, но она сама должна понимать, что требуется десять поколѣній, чтобы избавиться отъ предрасудковъ.

Хорошо, но въ такомъ случаѣ, онъ не долженъ больше посѣщать собраній учителей.

Но вѣдь это совсѣмъ другое, тамъ онъ находится лишь среди мужчинъ, это не то, какъ если она выходитъ безъ него или идетъ одна въ обществѣ мужчинъ.

Но вѣдь она будетъ тамъ не одна, жена кассира должна принять участіе въ качествѣ...

Въ качествѣ кого?

Ну, жены кассира.

Не можетъ ли онъ также быть тамъ, ну, въ качествѣ «мужа г-жи Хольмъ»?

Ахъ! не будетъ же онъ себя такъ унижать, чтобы навязываться!

Да, онъ хочетъ даже унизиться, если это необходимо.
Ужъ не ревнуетъ ли онъ?

Да, почему же нѣтъ? Онъ боится, что съ ней что-нибудь случится.

Фу! Итакъ, правда, онъ ревнуетъ? Нѣтъ, это недовѣріе оскорбленіе для нея! Что же собственно онъ о ней думаетъ?

Самое лучшее—это онъ ей можетъ доказать, отпуская ее одну, безъ себя.

Такъ, такъ, — онъ ей позволяетъ! Нѣтъ, но какъ это милостиво!

И она отправилась; вернулась домой уже около утра. Она разбудила мужа, чтобъ ему рассказать, какъ все было прекрасно. Ей говорили рѣчи, пѣли квартетомъ и танцевали.

— Какъ ты вернулась домой?

— Г. Глопъ проводилъ меня до дверей дома.

— Да? Миѣ будетъ очень пріятно, если кто-нибудь изъ моихъ знакомыхъ встрѣтитъ мою жену въ три часа ночи съ чужимъ мужчиною на улицѣ.

— Что же изъ этого? Развѣ у меня дурная репутація?

— Нѣтъ, но ты ее можешь получить!

— Фу, ты ревнивъ — и, что еще хуже, ты завистливъ. Ты не хочешь, чтобы у меня была даже маленькая радость. Да, да, да,—такъ всегда бываетъ, когда выходишь замужъ! Если уйдешь изъ дома и повеселишься, то по возвращеніи получаешь нагоняй. Фу, какая это гадость — быть замужней и особенно какъ я. Мы вмѣстѣ только по ночамъ, совсѣмъ такъ же, какъ всѣ другіе; а тутъ мужчины всѣ одинаковы! До свадьбы очень благовоспитанные и внимательные, но потомъ,—потомъ! Ты совсѣмъ такой же какъ другіе, ты думаешь, что я принадлежу тебѣ и ты можешь со мной дѣлать, что тебѣ угодно?

— Я думаю, было время, когда каждый изъ насъ радъ

былъ принадлежать другъ другу,—но, можетъ быть, я заблуждаюсь. Сейчасъ, во всякомъ случаѣ, я тотъ, которымъ ты владѣешь, какъ владѣютъ собакой, въ которой всегда увѣрены. Развѣ я кто иной, чѣмъ твой слуга, когда я по вечерамъ прихожу за тобой. Развѣ я для всѣхъ не только «мужъ г-жи Хольмъ»? Развѣ же это равенство?

— Я пришла не за тѣмъ, чтобы браниться съ тобой! Я хочу всегда быть твоей маленькой женкой, а ты мой славный муженекъ.

«Шампанское дѣйствуетъ»,—подумалъ онъ и повернулся къ стѣнѣ.

Она плакала и просила не быть несправедливымъ и... простить ей.

Онъ завернулся въ одѣяло.

Она попросила еще разъ, не можетъ ли онъ простить ее.

Да, конечно, онъ этого хотѣлъ! Но онъ провелъ такой ужасно одинокій вечеръ, какового онъ никогда не хотѣлъ бы пережить снова.

— Мы все теперь позабудемъ, не правда ли?

И она все забыла и опять сдѣлалась его маленькой женкою.

На слѣдующій вечеръ, когда лѣсничій пришелъ въ контору за своей женою, ея тамъ не было; у нея было дѣло въ магазинѣ. Онъ сѣлъ на ея стулъ и сталъ ждать.

Стеклянная дверь отворилась, просунулась голова господина Глопа.

— Анна, ты тутъ?

Нѣтъ, это былъ только ея мужъ.

Онъ всталъ и пошелъ своей дорогой.

Глопъ называлъ его жену Анной и «ты»! Анна! Это ужъ слишкомъ!

Дома между ними произошла страшная сцена, во время которой молодой лѣсничій окончательно убѣдился въ без-

почвенности и несостоятельности своей теоріи освобожденія женщинъ, такъ какъ она вела къ такимъ послѣдствіямъ, какъ «ты», между его женою и ея коллегами. И самое скверное было то, что онъ долженъ былъ признать неосновательность своей теоріи.

— Да? И такъ у тебя появились новые взгляды? Да?

— Да, конечно! Взгляды мѣняются подъ вліяніемъ дѣйствительности, которая такъ переменчива! Но я долженъ тебѣ сказать, что если я раньше вѣрилъ въ «духовный бракъ», то теперь я вообще въ бракъ не вѣрю. Это шагъ въ радикальномъ направленіи, не правда ли? И въ смыслѣ духовнаго единенія ты, конечно, больше жена господина Глопа, чѣмъ моя, такъ какъ съ нимъ ты дѣлишься всѣми своими мыслями объ оборотѣ товаровъ и т. д., а къ моимъ лѣснымъ дѣламъ у тебя нѣтъ ни малѣйшаго интереса. И такъ, скажи сама, ну, можно ли назвать нашъ бракъ вообще духовнымъ?

— Теперь больше нѣтъ, такъ какъ наша любовь умерла, — ты ее убилъ, ты самъ, — потерявши вѣру въ наше дѣло — освобожденіе женщинъ.

Разговоръ становился все страстнѣе, и все меньше было надежды притти къ какому-нибудь выводу.

— Ты меня не понимаешь, — говорила она ему часто.

— Нѣтъ, я этому не учился, — возражалъ онъ.

Однажды утромъ онъ сообщилъ ей, что ѣдетъ съ женскимъ пансіономъ, гдѣ онъ преподавалъ, на ботаническую экскурсію.

— Да! Объ этомъ она ничего не знала! Большія дѣвочки? Громадныя! Отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ!

Гм... до обѣда?

Нѣтъ, послѣ обѣда; вечеромъ они будутъ ужинать вмѣстѣ.

Гм... учительница, конечно, будетъ съ ними?

Нѣтъ, такъ какъ онъ женатый, начальница ему доверяетъ. Видишь, иногда очень удобно быть женатымъ.

На слѣдующій день жена была больна и лежала въ постели. Неужели у него хватить духа уйти отъ нея.

Служба прежде всего,—да и правда ли, что она такъ больна?

Ахъ, ужасно!

Онъ послалъ за докторомъ, несмотря на ея протесты. Онъ объявилъ, что болѣзнь не опасна и мужъ свободно можетъ итти на службу.

И онъ ушелъ и вернулся домой къ утру.

Какъ онъ былъ удовлетворенъ и какъ хорошо ему было! Чортъ возьми, давно онъ не испытывалъ ничего подобнаго!

И опять пошло! Борьба для него становилась слишкомъ тяжелой! Онъ долженъ былъ ей поклясться честнымъ словомъ, что онъ никогда не полюбитъ другую! Никогда! И опять компрессы и уксусъ!..

Онъ былъ слишкомъ благороденъ, чтобы распространяться о подробностяхъ прогулки, но не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сравнить себя съ собакой и позволилъ себѣ указать на то, что въ бракѣ мужъ является собственностью жены. О чемъ она плачетъ? Зачѣмъ обливается слезами? Она переживаетъ то же, что онъ тогда, когда она одна съ двадцатью мужчинами провела весь день. Страхъ его потерять? Но вѣдь терять можно только то, чѣмъ владѣешь!

И опять началась прежняя исторія!

Интересы багажной экспедиціи и женскаго пансіона сталкивались постоянно и уничтожали всякое свѣжее побужденіе, и ихъ семейную жизнь нельзя было назвать гармоничною.

Молодая женщина заболѣла!

Конечно, она себѣ повредила, поднимая одинъ изъ пакетовъ въ магазинѣ. Она была такая добросовѣстная, ее тяготила ея болѣзнь, она должна какъ можно скорѣе поправиться. Она подвергла себя медицинскому изслѣдованію.

— Тутъ не можетъ быть сомнѣнія,—сказала акушерка.

Итакъ, фактъ былъ налицо! Она была страшно зла. Зла на своего мужа, потому что это, конечно, была гадость съ его стороны! Что же будетъ съ нею потомъ. Она отдастъ ребенка въ воспитательный домъ, — это совѣтоваль даже и Руссо. Въ общемъ Руссо былъ дуракъ, но въ этомъ пунктѣ онъ былъ правъ.

Начались капризы и дурное настроеніе!

Мужъ долженъ былъ сейчасъ же оставить мѣсто въ женскомъ пансіонѣ!

Но самое плохое было то, что она не могла больше ходить въ магазинъ, а должна была сидѣть въ конторѣ и писать. Она получила помощницу, тайное назначеніе которой было ее замѣнить, когда она ляжетъ.

Коллеги были съ нею не такъ любезны, какъ прежде, и носильщики зубоскалили — ахъ, ей со стыда иногда хотѣлось провалиться сквозь землю, ужъ лучше похоронить себя дома и готовить кушанье, чѣмъ выставять себя здѣсь напоказъ. О, эти безчисленные мысли, которыя скрываются въ фальшивыхъ мужскихъ сердцахъ.

Въ послѣдній мѣсяцъ она взяла отпускъ. Она уже не была въ состояннн проходить четыре раза въ день путь отъ конторы до дома, часто вдругъ ею овладѣвалъ страшный голодъ, и она была принуждена посылать за бутербродами, потомъ часто кружилась голова, тошнило. Что это за жизнь? Что за несчастный удѣлъ женщины!

Наконецъ, ребенокъ родился.

— Мы его пошлемъ въ воспитательный домъ? — спросилъ отецъ.

— И у тебя правда на это хватитъ сердца?

Ребенокъ остался дома.

Спустя нѣкоторое время молодая мать получила очень вѣжливое нисъмо отъ управленія желѣзной дороги съ вопросомъ, когда она вступитъ въ исправленіе своихъ обязанностей.

На другой день она уже хотѣла отправляться на службу, но была настолько слаба, что ей пришлось ѣхать, но скоро она поправилась совершенно. Дважды въ день посылала она домой, чтобы узнать, какъ поживаетъ ребенокъ. И когда она узнавала, что онъ кричитъ, то безъ ума отъ страха неслась домой. Помощница еще была при ней и замѣщала ее во всѣхъ такихъ случаяхъ, а управленіе было очень вѣжливо и ничего не говорило. Въ одинъ прекрасный день молодая женщина открыла, что у кормилицы мало молока, но та это скрывала, чтобы не потерять мѣсто. Это значило, что надо опять брать отпускъ и искать новую кормилицу. Ахъ, онѣ всѣ одинаковы, какъ эта, такъ и другія. Никакого признака интереса къ дѣтямъ другихъ людей,—лишь голое преслѣдованіе своихъ цѣлей. На нихъ нельзя положиться!

— Нѣтъ,—возразилъ мужъ,—въ такихъ случаяхъ нужно полагаться только на самихъ себя.

— Ты хочешь сказать, что я должна отказаться отъ мѣста?

— Я думаю, что ты должна дѣлать то, что считаешь болѣе правильнымъ.

— Т.-е. сдѣлаться твоей рабой?

— Нѣтъ, нѣтъ, этого я ни въ какомъ случаѣ не думаю.

Ребенокъ захворалъ, какъ это случается со всѣми дѣтьми, у него начали прорѣзываться зубки. Отпускъ за отпускомъ. Послѣдовали такъ называемыя зубныя болѣзни;—бессонныя ночи, работа днемъ, а въ результатѣ—слабое безсильное существо. Опять отпускъ. Г. Хольмъ былъ очень мягкосердечнымъ человѣкомъ, онъ носилъ ребенка ночью по комнатамъ и не говорилъ женѣ ни слова.

Но она оставалась во власти своихъ мыслей. Онъ ждалъ только того, чтобы она осталась дома. Онъ былъ не искрененъ и поэтому молчалъ. О, какъ фальшивы всѣ мужчины!

Она его ненавидѣла. Лучше утопиться, чѣмъ отказаться отъ своего мѣста и сдѣлаться его рабою.

Когда ребенку минуло пять мѣсяцевъ, г-жа Хольмъ почувствовала себя снова беременною. Господи Боже, неужели можно было не возмущаться!

— Видишь ли, дитя мое, если это ужъ разъ случилось, такъ ужъ съ этимъ ничего не подѣлаешь!

Счастливый супругъ долженъ былъ опять взять мѣсто въ женскомъ пансіонѣ — ради денегъ; а она? Теперь, наконецъ, она сложила оружіе.

— Я твоя рабыня — рыдала она, придя домой, отказавшись отъ мѣста, — я твоя рабыня!

Несмотря на это съ этого дня она взяла въ свои руки управленіе домою, и мужъ отдавалъ ей отчетъ въ каждомъ пфенигѣ. Если ему хотѣлось купить пару сигаръ, то приходилось держать длинную рѣчь, прежде чѣмъ получить разрѣшеніе. Она ему никогда не отказывала, но онъ находилъ неудобнымъ такъ просить денегъ. На собранія учителей онъ тоже больше не смѣлъ ходить, также кончились и ботаническія экскурсіи съ пансіонерками.

Онъ собственно объ этомъ и не жалѣлъ и оставался охотно дома, играя съ дѣтьми.

Его товарищи думаютъ, что онъ подъ башмакомъ у своей жены, но онъ надъ этимъ смѣется и думаетъ, что ему такъ хорошо именно потому, что у него такая разсудительная милая жена.

А она остается при своемъ мнѣніи, что она его раба, и эта мученическая участь служить единственнымъ утѣшеніемъ въ ея огорченіяхъ.

Женитьба.

Можно со спокойною совѣстью сказать, что они бросились другъ другу въ объятія. Она была старшая изъ пяти сестеръ и имѣла кромѣ того трехъ братьевъ. Въ комнатѣ дѣвушекъ было необыкновенно тѣсно,—этого нельзя отрицать, и небольшія драки происходили довольно часто среди дѣтей часовщика. Онъ игралъ на віолончели въ королевской капеллѣ и называлъ себя королевскимъ камернымъ музыкантомъ. Это была хорошая партія. Онъ гдѣ-то познакомился съ дѣвушкой и началъ у нихъ бывать. Немного спустя они уже стали рядомъ сидѣть на софѣ, сестры ворковали сзади, братья говорили «объ обоихъ», родители были очень вѣжливы, и такимъ образомъ она стала его невѣстой.

Ежедневно ровно въ половинѣ пятаго онъ приходилъ къ нимъ съ визитомъ и въ половинѣ седьмого долженъ былъ уходить, чтобы быть во-время въ театрѣ. Это было мученіе жениховства, но послѣ свадьбы, конечно, будетъ хорошо. Папаша, который тоже изъ этого обстоятельства хотѣлъ извлечь небольшое удовольствіе для себя, былъ усердный игрокъ въ шашки.

«У меня есть партнеръ»,—думалъ онъ. Несчастнѣй женихъ долженъ былъ все послѣобѣденное время просиживать за шашками. Часто его невѣста была около него,—

и онъ тогда проигрывалъ, а старикъ этимъ хорошо пользовался; тотъ дѣлалъ фальшивые ходы и терялъ шашки.

По воскресеньямъ онъ обѣдалъ у родителей невѣсты. Онъ долженъ былъ рассказывать исторіи изъ театральнаго міра, о томъ, что говорили и что дѣлали актеры и актрисы. Потомъ рассказывалъ старикъ, какъ было въ его время, когда жили еще Торсслофъ и Хогквистъ. Послѣ обѣда, когда отецъ ложился спать, молодые люди располагали часочкомъ для себя. Но гдѣ?—это было всегда важнымъ вопросомъ. Комната дѣвушекъ была занята сестрами, братья занимали всѣ софы, въ спальнѣ былъ отецъ. И они оставались въ столовой сидѣть каждый на своемъ гнупомъ стулѣ, въ то время какъ мать сидѣла въ качалкѣ со своимъ вязаньемъ.

Послѣ обѣда онъ чувствовалъ себя очень усталымъ и соннымъ, и ему всегда хотѣлось гдѣ-нибудь усѣсться поудобнѣе, но ничего нельзя было сдѣлать, и онъ долженъ былъ сидѣть прямо, какъ палка, на вѣнскомъ стулѣ и дѣлать все возможное, чтобы при этомъ еще обнять невѣсту. Когда они цѣловались, въ щелку двери всегда подглядывалъ, зубоскаля, одинъ изъ братьевъ, или изъ какогонибудь угла одна изъ сестеръ бросала «нравственные» взгляды.

А какая возня была съ этими контрамарками! Ежедневно долженъ былъ онъ хлопотать въ театральномъ бюро о двухъ бесплатныхъ билетахъ, чтобы все семейство попеременно могло побывать въ театрѣ. Братья невѣсты приставали къ нему до тѣхъ поръ, пока онъ не нашелъ случая свести ихъ за кулисы.

Вечеромъ въ субботу онъ бывалъ свободенъ и совершалъ съ невѣстою прогулку въ Зоологическій садъ. Конечно, мама должна была быть съ ними, и рѣдко обходилось безъ двухъ сестеръ.

Адольфъ, конечно, ничего не могъ имѣть противъ того, чтобы и онъ подышали чистымъ воздухомъ.

Конечно, какъ могъ Адольфъ этого не хотѣть! Но когда приходилось платить за ужинъ въ Альгамбрѣ, ему было не очень пріятно платить впятеро или вшестеро дороже того, чѣмъ бы стоило это имъ вдвоемъ съ невестою. Часто также случалось, что мама уставала, и приходилось нанимать карету, которая, конечно, наполнялась семействомъ, а ему приходилось сидѣть на козлахъ и вертѣться наподобіе штопора, чтобы видѣть свою невесту. Часто и братья приходили въ Альгамбру, чтобы проводить сестеръ домой; длинный Карлъ регулярно просилъ зятя „выставить“ ему, а Эрикъ отводилъ его въ сторону и выпрашивалъ какую-нибудь мелочь.

Наединѣ съ невестою бывать ему почти не приходилось. И такимъ образомъ онъ вступилъ въ бракъ, не зная, какова собственно его невеста. Онъ зналъ только, что онъ ее любилъ, этого было достаточно, и онъ много мечталъ о тихой совмѣстной жизни съ нею послѣ свадьбы.

Когда онъ пришелъ съ объявленіемъ о свадьбѣ въ послѣднее воскресенье и сѣлъ за свой послѣдній холостой обѣдъ, жизнь ему показалась такой полной и свѣтлой; онъ мечталъ о своемъ собственномъ домѣ и объ уединеніи съ «ней». Сидѣть рядомъ на софѣ и болтать безъ помѣхи, безъ этихъ улыбающихся сестеръ и зубокаляющихъ братьевъ. Когда онъ снялъ свое ежедневное платьѣ и надѣлъ фракъ и бѣлый галстукъ, ему казалось, что онъ отбрасываетъ отъ себя все гнусное, все непріятное, всю противную ненормальную холостую жизнь.

Въ прошедшемъ не было ничего преступнаго, что могло бы бросить тѣнь на будущее. Онъ запаковалъ послѣднія бездѣлушки и старыя вещи въ сундукъ, который онъ послалъ въ новое жилище, попрощался со старою софой, на которой спалъ, и со своею хозяйкою, которая пролила слезы и отъ всего сердца желала ему счастья.

Вечеромъ у родителей невесты состоялась свадьба.

Братья ея были назойливо интимны, мать проливала потоки слезъ, обращалась съ нимъ какъ съ разбойникомъ и просила его быть добрымъ съ ея ненагляднымъ сокровищемъ. Наконецъ, продѣлано было все, и онъ могъ свести въ карету свою молодую жену. Многочисленные братья хотѣли провожать ихъ, но Адольфъ захлопнулъ дверцу кареты такъ, что стекла затрещали, а въ душѣ отослалъ милыхъ родственниковъ туда, гдѣ перецъ растетъ.

Ну! наконецъ, то они одни! Но когда она увидала на его лицѣ торжество побѣдителя, она испугалась его. Такимъ она еще никогда его не видѣла.

— Развѣ это удивительно? — спросилъ онъ.

Но она плакала и отстраняла его ласки; ему было досадно, и прибытіе въ новое жилище, гдѣ горничная забывала позаботиться о спичкахъ, было въ достаточной степени печально.

На слѣдующее утро, въ семь часовъ, у него былъ уже урокъ. Она должна быть разсудительной, такъ какъ его содержаніе довольно скудно, и онъ хотѣлъ возстановить то, что растратилъ за время жениховства.

Въ девять часовъ онъ пришелъ завтракать домой, затѣмъ пошелъ на репетицію. Послѣ обѣда ему было необходимо соснуть часокъ, такъ какъ въ пять часовъ у него опять былъ урокъ у себя дома. Жена нашла жестокимъ съ его стороны, что онъ хотѣлъ спать. Она все утро сидѣла одна, и когда онъ, наконецъ, пришелъ домой, то хочетъ лечь спать! Но ему нужно, иначе онъ будетъ не въ состояніи заниматься. Ему нужно!

Въ четыре часа придетъ ученикъ и тутъ ужъ ни на минутку нельзя отлучиться.

— Но вѣдь сегодня ты бы могъ отослать ученика!

— Невозможно! Онъ долженъ быть строгъ къ самому себѣ!

И когда ученикъ пришелъ, молодая женщина сидѣла

въ сосѣдной комнатѣ и слушала, какъ Адольфъ отбиваль тактъ ногой и какъ безъ конца повторялись тѣ же ноты.

Наконецъ, въ передней позвонили, и въ квартиру ворвались три брата и всѣ четыре сестры. Стало шумно, раздался смѣхъ.

Длинный Карлъ сейчасъ же направился къ буфету и вытащилъ бутылку пунша, сестры съ любопытствомъ посматривали на молодую женщину, не выгладитъ ли она изнуренной. Хозяйка дома должна была направиться къ шифоньеркѣ, взять «хозяйственныхъ» денегъ и послать Лину за виномъ.

Адольфъ, услыхавъ веселый шумъ, раскрылъ дверь и раскланялся съ родственниками. Онъ былъ очень радъ, что жена не одна, но онъ не могъ съ ними остаться, его ждалъ ученикъ.

— Ну, ты кажется въ довольно печальномъ положеніи, — сказалъ Эрикъ, прежде чѣмъ Адольфъ удалился. И опять пошли до, ре, ми, фа...

Въ гостиной смѣялись и шумѣли, стучали стаканами, но ему нельзя было быть съ ними.

Наконецъ, пришла жена и постучала въ дверь: Адольфъ долженъ былъ пойти къ нимъ и чокнуться съ родственниками.

Да, это онъ, конечно, могъ! Но сейчасъ же назадъ. Въ пять часовъ пришелъ слѣдующій ученикъ.

— Это очень пріятно для тебя, Елинъ, такая музыка, — сказала одна изъ сестеръ, — это звучитъ какъ поросячій визгъ.

Но Елинъ разсердилась и сказала, что замужъ выходить вовсе не для того, чтобы хорошо и удобно устроиться!

Да? а для чего же тогда?

Это ея не касается.

Положеніе было уже довольно натянутое, когда Адольфъ вошелъ, чтобы попрощаться, прежде чѣмъ итти въ театръ.

Онъ просилъ ихъ всѣхъ остаться и составить общество для его жены, чтобы ей не пришлось сидѣть одной, его же дожидаться имъ не нужно.

И всѣ остались.

Когда въ полночь онъ возвратился домой, его жена только что легла спать; гостиная, его маленькая прекрасная гостиная была полна табачнаго дыма и дурнаго воздуха; скатерть, вчера еще совершенно свѣжая, была вся въ пятнахъ, на полу валялись осколки стакановъ, и недопитое, оставшееся въ стаканахъ пиво, распространяло противный запахъ. Масло было съѣдено до послѣдняго кусочка, свѣжаго хлѣба тоже больше не оставалось, ему былъ оставленъ кусокъ жирнаго студня, засохшій кусочекъ языка, выглядѣвшій какъ гуттаперча, и два анчоуса, прозрачныя спинки которыхъ свидѣтельствовали, что они были уже однажды насажены ни вилку.

Жена проснулась.

— Нашелъ ли ты тамъ чего-нибудь поѣсть, мой милый? — спросила она изъ глубины подушекъ.

— Да, да, — онъ отнесся ко всему добродушно и сходилъ самъ на кухню за пивомъ.

И затѣмъ отправился спать. Жена хотѣла, чтобы онъ съ нею поболталъ, но онъ смертельно усталъ и моментально заснулъ. На слѣдующій день явилась теща съ утреннимъ визитомъ. Когда Адольфъ вернулся домой, въ гостиной пахло портвейномъ.

Послѣ обѣда явился тесть, но у Адольфа былъ урокъ, и онъ не могъ ему составить компаніи, и старикъ ушелъ совершенно обиженный, такъ какъ онъ думалъ, что зять хоть на эти дни освободится.

Но братья и сестры ихъ не забывали; у кого-нибудь изъ нихъ всегда было время, и ихъ визиты были безконечны. Всегда пуншъ на столѣ, а на коврѣ окурки.

Въ одинъ прекрасный день Адольфъ рискнулъ слѣ-

латъ замѣчаніе о чрезмѣрномъ потребленіи пунша, котораго онъ самъ никогда и не пробуетъ.

И пошло! Никто изъ ея родныхъ не можетъ бывать у нея! Она хорошо знаетъ, что все принадлежитъ ему, и это должны узнать и другіе.

— Нѣтъ, мое дорогое дитя, это не необходимо, я позволилъ себѣ только вопросъ, почему у насъ ежедневно пьется пуншъ, мой ангелъ!

— Это неправда! Вчера мы не пили!

— Можетъ быть, но если только въ одинъ изъ четырнадцати дней пуншъ не пьется, то образно можно сказать: ежедневно бываетъ пуншъ, — не правда ли?

Она не понимаетъ «образнаго языка», такого тонкаго воспитанія она не получила, но колкости она понимаетъ. Ахъ, никогда, никогда она не думала, что это такъ бываетъ, когда выходишь замужъ. Мужа никогда не бываетъ дома, а когда онъ дома, — онъ или спитъ или бранится, и еще ставитъ ей на видъ, что все принадлежитъ ему.

Несчастливымъ образомъ, именно въ этотъ день длинный Карлъ сдѣлалъ попытку занять у зятя и получилъ вѣжливый отказъ.

Слухъ объ этомъ вмѣстѣ съ исторіей о пуншѣ распространился очень скоро, и Адольфъ превратился въ жаднаго человѣка и къ тому же лживаго, такъ какъ женихомъ онъ такимъ никогда не бывалъ.

Въ концѣ концовъ, послѣ цѣлаго ряда непріятностей, Адольфъ самъ заказалъ пуншъ, когда они пришли, и такъ какъ онъ самъ это сдѣлалъ, то ужъ и не могъ больше претендовать.

Однажды ночью Адольфъ вернулся домой усталымъ и голоднымъ. На столѣ лежала обглоданная сырная корка, пустое блюдо еще говорило о съѣденномъ бифштексѣ; на другомъ были остатки жареной печени. Для него же опять былъ оставленъ кусокъ жирнаго студня, среди пу-

стыхъ тарелокъ, кусочковъ хлѣба и невымытыхъ стакановъ. Масла совсѣмъ не было.

Онъ былъ голоденъ и нервно настроенъ, но онъ рѣшилъ представить все дѣло въ юмористическомъ свѣтѣ.

— Послушай, дитя мое, — сказалъ онъ женѣ, — она была уже въ постели, — нѣтъ никого изъ всѣхъ твоихъ братьевъ, кто бы любилъ жирный студень?

Шпилька заключалась въ словѣ «всѣхъ».

— Итакъ, ты находишь, что у меня слишкомъ много братьевъ?

— Ну, во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ у меня здѣсь масла!

— Тамъ нѣтъ масла? — Она этого, правда, не видала, и ей было досадно, но она не хотѣла признать себя виноватой и сказала:

— Я тебѣ не горничная!

Это онъ хорошо зналъ — иначе онъ давно ввелъ бы другое обращеніе.

— Какое обращеніе?

— Ахъ, это все равно.

— Нѣтъ, что за новое обращеніе? Не хочетъ ли онъ ее бить, да?

— Да, если бы она была его горничной — вѣроятно.

— Да, все-таки онъ хотѣлъ бы ее бить!

— Да, если бы она была его горничная, теперь же, конечно, нѣтъ!

— Но бить онъ ее все-таки хотѣлъ!

— Да, если бы она была его горничной, но вѣдь она не горничная, и бить онъ ее не собирается.

Это она ему посовѣтуетъ! Она вышла за него замужъ, чтобы быть его женой, а не горничной. Если что-нибудь не въ порядкѣ, то онъ можетъ обратиться къ Линѣ, а не браниться съ ней. И зачѣмъ оставила она свой милый домъ, чтобы попасть въ руки къ такому человѣку!

При словѣ «милый домъ» Адольфъ не могъ удержаться, чтобы многозначительно не кашлянуть.

Развѣ это не былъ милый домъ? Имѣетъ онъ что-нибудь возразить и т. д. и т. д.?

И это повторялось каждый день.

Родился ребенокъ. Молодая мать не могла съ нимъ справиться одна, сестра Марія должна была переѣхать къ нимъ. Марія пріѣхала и поселилась въ гостиной. Адольфу приходилось иногда очень тяжело, какъ будто онъ жилъ въ полигаміи, такъ какъ часто платья Маріи и его штаны лежали вмѣстѣ на одномъ стулѣ. И за столомъ Марія занимала мѣсто хозяйки. Спальня превратилась въ дѣтскую и, чтобы, по крайней мѣрѣ, имѣть приличную гостиную, Адольфъ долженъ былъ пожертвовать своей комнатой.

Уроки на дому у него должны были прекратиться изъ-за такъ называемаго «поросячаго визга», и онъ принужденъ былъ самъ ходить на уроки, стучать въ чужія двери, уходить назадъ, если маленькіе Фридрихи или Ульрихи были больны, и проводить время между уроками въ ресторанахъ, такъ какъ итти домой было слишкомъ далеко. Онъ рѣдко бывалъ дома.

По вечерамъ онъ сидѣлъ съ товарищами въ театральномъ ресторанѣ: говорилъ о музыкѣ и другихъ вещахъ, которыя его интересовали. Когда онъ приходилъ домой, каждый разъ была брань, — и онъ туда не особенно спѣшилъ.

Ему казалось, что у него вообще нѣтъ жены и ему ежедневно приходится спускаться въ адъ, — но дѣти у нихъ были. Гдѣ собственно была ошибка, онъ не зналъ. Его жена думала, что все дѣло въ томъ, что онъ никогда не бываетъ дома, а онъ на это отвѣчалъ, что таково требованіе его профессіи. Можетъ быть, они оба были правы, но онъ ничего не могъ измѣнить, не могъ требовать, чтобы представленіе въ театрѣ было днемъ, въ то время, когда всѣ заняты.

Онъ согласился, что для его жены не очень пріятно быть замужемъ за человѣкомъ, который бываетъ дома лишь по ночамъ, но это было такъ, и жизнь трещала по всѣмъ швамъ и не давала въ руки всѣхъ орѣховъ, которые были на орѣшникѣ. Нужно было съ этимъ помириться, какъ со многимъ другимъ. — Никто имъ не могъ помочь.

Спасеніе расы.

Баронъ съ большимъ огорченіемъ прочиталъ брошюру о томъ, что дѣти высшихъ классовъ вырождаются, если не питаются молокомъ женщинъ низшихъ классовъ. Онъ читалъ Дарвина и представлялъ себѣ положеніе вещей такъ, что потомки высшаго класса общества составляютъ высшую ступень развитія человѣческой породы. Онъ много читалъ о наслѣдственности, и это дало ему мысль бросить обычай брать кормилицъ изъ народа, такъ какъ можно было опасаться, что ребенокъ съ молокомъ впитаетъ понятія, представленія и предрасудки крестьянства. И онъ прочно забилъ себѣ въ голову, что жена его должна сама кормить ожидаемаго въ скоромъ времени ребенка; а такъ какъ она не соглашалась на это, то они рѣшили воспитывать его на рожкѣ—на молокѣ отъ своей собственной коровы, питающейся его собственнымъ сѣномъ.

И, наконецъ, ребенокъ увидѣлъ свѣтъ. Это былъ сынъ! Баронъ былъ въ большомъ безпокойствѣ до этого времени, такъ какъ самъ былъ очень бѣденъ, все состояніе принадлежало женѣ, и онъ не могъ ничего получить изъ нея денегъ, прежде чѣмъ ихъ супружество не будетъ благословлено сыномъ. Можно легко представить себѣ радость барона.

Сынъ этотъ былъ маленькимъ тщедушнымъ существомъ

съ синими жилками на головѣ. Да, кровь была синяя и очень жидкая. Мать его была изящная, нѣжная женщина, которая сама нуждалась въ особомъ заботливомъ питаніи, чтобы поддерживать свое здоровье, заворачивалась въ дорогіе мѣха, щеки ея всегда покрыты были нѣжной блѣдностью, указывавшей на благородное происхождение.

Она стала сама кормить ребенка. — И такъ, они не нуждались ни въ какой крестьянкѣ, чтобы жить. Но это было лишь фразой. Ребенокъ ѣлъ и кричалъ двѣ недѣли кряду. И это еще ничего-бы — всѣ дѣти кричать, но онъ худѣлъ и худѣлъ весьма замѣтно. Позвали доктора, и тотъ объявилъ, что если мать будетъ продолжать кормленіе, то ребенокъ неминуемо умретъ, частью потому, что она слишкомъ нервна, частью потому, что она сама слишкомъ худосочна. Такъ что же дѣлать? Ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало дать умереть ребенку. Кормилицу взять не соглашались ни подъ какимъ видомъ. Рѣшили кормить изъ бутылочки, несмотря на то, что докторъ настаивалъ на кормилицѣ. Самая лучшая голландская корова, получившая золотую медаль на сельскохозяйственной выставкѣ, была поставлена на сухой кормъ. Докторъ сдѣлалъ химическій анализъ молока и рѣшилъ, что все обстоитъ превосходно. Съ бутылочкой было такъ удобно! И почему не сдѣлали этого съ самаго начала. И какая благодать — обходиться безъ кормилицы — этой чумы, тиранки всего дома, за которой нужно такъ много ухаживать и которая къ тому же можетъ быть больна какой-нибудь заразной болѣзью.

Но дитя продолжало худѣть и кричать, оно кричало и ночью и днемъ; конечно, у него были боли въ желудкѣ! Новая корова — и новый анализъ. Молоко стали разбавлять натуральной водой изъ карлсбадскаго источника — ничто не помогало: дитя продолжало кричать.

— Другого спасенія, какъ взять кормилицу, нѣтъ, — сказалъ докторъ.

Но этого ни за что не хотѣли. Не хотѣли отнимать у другихъ дѣтей то, что имъ принадлежало, а кромѣ того, боялись пресловутой «наслѣдственности».

Когда господинъ баронъ сталъ говорить о томъ, что «естественно» и что «неестественно», то докторъ ему замѣтилъ, что если бы природѣ предоставить идти своимъ путемъ, то аристократія вымерла бы и должна была бы отказаться отъ владѣнія короной. Этого требовала природа, и культура была бы бессильна бороться съ ней. Родъ барона уже вырождался; доказательство этому то, что баронесса не можетъ сама доставить питаніе своему сыну; а чтобы сохранить ему жизнь, необходимо отнять молоко у другой женщины, т.-е. купить. Итакъ, раса существуетъ лишь благодаря грабежу.

Покупать человѣческое молоко, какъ дорого за это ни платить — вѣдь это грабежъ. Да, конечно, такъ какъ деньги на покупку были продуктомъ труда. И чьего же труда? Народа, такъ какъ дворянство не работаетъ.

— Да вы социалистъ, докторъ!

— Нѣтъ, дарвинистъ; впрочемъ, можете считать меня и социалистомъ — мнѣ это все равно.

— Да развѣ грабятъ, когда покупаютъ?

— Если покупаете на деньги, которые не вы заработали, то конечно.

— Вы понимаете это въ букввальномъ смыслѣ?

— Да!

— Въ такомъ случаѣ и вы, милый докторъ, принадлежите къ грабителямъ!

— Конечно, но это не мѣшаетъ мнѣ такъ говорить. Припоминаетъ ли г. баронъ изъ библіи раскаившагося грѣшника?

На этомъ разговоръ былъ конченъ. Баронъ пригласилъ одного профессора, и тотъ объявилъ, что баронъ будетъ убійцею своего сына, если теперь же не позаботится до-

ставить ему кормилицу. И тотъ долженъ былъ уговаривать свою жену, своими руками разрушить зданіе, которое самъ создалъ. Онъ ей поставилъ на видъ два обстоятельства: любовь къ ребенку и денежный вопросъ.

Но откуда взять кормилицу? Изъ города? Объ этомъ нечего было и думать, — всѣ люди тамъ такъ испорчены! Дѣвушка изъ деревни такъ же не подходила — баронесса объ этомъ и слышать не хотѣла: дѣвушка съ ребенкомъ — вѣдь это безнравственное существо, отъ котораго молодой баронъ можетъ Богъ знаетъ что наслѣдовать.

Но докторъ говорилъ, что всѣ кормилицы — дѣвушки, и если молодой баронъ наслѣдуетъ отъ нея расположеніе къ другому полу, то это будетъ лишь доказательствомъ его богато одаренной природы и т. д. и т. д. Замужней же крестьянки они не найдутъ ни за что, такъ какъ тѣ изъ нихъ, которыя чувствуютъ подъ собою хоть какую-нибудь почву, сохраняютъ при себѣ своихъ дѣтей.

Можетъ быть, можно выдать дѣвушку замужъ за одного изъ рабочихъ?

Да, но тогда нужно ждать девяти мѣсяцевъ. Но вѣдь можно выдать замужъ дѣвушку, у которой уже есть ребенокъ.

Это была идея!

Баронъ зналъ дѣвушку съ трехмѣсячнымъ ребенкомъ; за ней было только одно хорошее: онъ хорошо былъ съ ней знакомъ во время своего долгаго женитовства...

Онъ самъ отправился поговорить съ ней. Она получитъ во владѣніе крестьянскую усадьбу, если согласится выйти за конюха Андрея и пойти въ кормилицы въ замокъ. Она, конечно, согласилась, это было лучше, чѣмъ вѣчно стыдиться своего ребенка. Свадьба должна была произойти въ ближайшее воскресенье, а послѣ нея Андрей долженъ былъ уѣхать на два мѣсяца къ своимъ родителямъ.

Съ чувствомъ зависти смотрѣлъ баронъ на своего незаконнаго сына. Это было крѣпкое маленькое животное; оно казалось созданнымъ жить и произвести большое потомство, чего нельзя было ждать отъ его законнаго наслѣдника.

Анна плакала, когда отсылали ея сына въ воспитательный домъ, но привольная жизнь въ замкѣ и въ особенности обильная ѣда, которую она получала, конечно, съ господскаго стола, скоро ее утѣшили. Она ѣздила въ высокой коляскѣ съ лакеемъ на козлахъ, получала для чтенія «Тысяча и одна ночь» и вообще вела такую пріятную жизнь, о которой никогда не мечтала.

Черезъ два мѣсяца вернулся отъ родителей Андрей, пополнѣвшій и поздоровѣвшій. Онъ вступилъ во владѣніе своей усадьбой и приходилъ видаться съ Анной; онъ думалъ, что и она можетъ его посѣщать, но противъ этого возстала баронесса. Анна начала худѣть, а маленькій баронъ сталъ опять кричать. Спросили совѣта у доктора.—Позвольте ей ходить туда,—посоветовалъ тотъ.

— А если это только повредить?

— Нѣтъ, Боже избави! Но только надо изслѣдовать Андрея.

Андрей этого не хотѣлъ.

Но онъ получилъ въ подарокъ двѣ овцы и согласился на осмотръ.

И маленькій баронъ пересталъ кричать.

Тутъ получилось извѣстіе изъ воспитательнаго дома, что сынъ Анны умеръ отъ дифтерита. Анна потеряла молоко, и маленькій баронъ кричалъ больше, чѣмъ когда-либо.

Анна должна была покинуть замокъ и вернулась къ мужу. Андрей былъ очень радъ, что, наконецъ, «какъ слѣдуетъ женатъ», но Анна слишкомъ привыкла къ благородной жизни. Бразильскаго кофе пить она не могла,

ей нуженъ былъ Зара; не могла она питаться шесть дней въ недѣлю кильками: здоровье не позволяло ей этого. Къ полевой работѣ она также не годилась, и ихъ дѣла шли подъ гору.

Черезъ годъ Андрей хотѣлъ уѣхать изъ дома на заработки, но баронъ далъ ему работу здѣсь, и онъ остался; Анна работала на поденной въ замкѣ и часто видѣла маленькаго барона. Она терпѣть его не могла, а между тѣмъ она спасла ему жизнь, пожертвовала для него своимъ ребенкомъ.

Она была плодовита и имѣла много сыновей; они были земледѣльцами, желѣзнодорожными рабочими и одинъ даже арестантомъ.

А старый баронъ съ безпокойствомъ ждалъ того дня, когда его наслѣдникъ женится.

Онъ выглядѣлъ слабымъ. Ему было бы гораздо спокойнѣе, если бы другой молодой баронъ, который умеръ въ воспитательномъ домѣ, былъ наслѣдникомъ богатства; и когда теперь ему приходилось читать такія же брошюры, какъ та давнишняя, онъ бывалъ принужденъ сознаться, что высшіе классы выживаютъ благодаря милости низшихъ слоевъ; и что тотъ искусственный подборъ, который теперь наблюдается, долженъ быть названъ естественнымъ. И разъ это такъ, то ничего нельзя перемѣнить, что бы тамъ ни говорили доктора и социалисты.

Вѣнчанный и невѣнчанный.

Въ одинъ прекрасный весенній вечеръ ассессоръ вышелъ погулять. Услышавъ пѣніе и музыку въ одномъ изъ лѣтнихъ садовъ и увидѣвъ тамъ яркій электрическій свѣтъ, онъ вошелъ туда, сѣлъ за столикъ возлѣ эстрады и заказалъ грогъ.

Сначала какой-то комикъ пѣлъ печальную пѣснь о дохлой крысѣ. Потомъ вышла молодая дѣвушка въ розовомъ и запѣла куплетъ. Она выглядѣла сравнительно невинной и обращалась со своимъ пѣніемъ исключительно къ молодому невинному ассессору. Польщенный этимъ отличіемъ, онъ завязалъ знакомство, которое началось бутылкою и кончилось двумя меблированными комнатами съ кухней и прочими принадлежностями. Анализъ чувствъ молодого человѣка не входитъ въ планъ этой работы, такъ же какъ описаніе мебели и прочаго устройства молодой четы.

Достаточно того, что они были хорошими друзьями!

Между тѣмъ, напичканный социальными стремленіями того времени и желаніемъ всегда видѣть передъ собой свое счастье, молодой ассессоръ рѣшилъ и самъ переѣхать въ эту квартиру, чтобы его маленькая подруга играла роль хозяйки дома, на что она съ радостью согласилась.

Но у молодого человѣка была семья, т.-е. эта семья

смотрѣла на него, какъ на свою собственность, и какъ только она нашла, что онъ оскорбляетъ всеобщія нравственныя понятія и тѣмъ бросаетъ тѣнь на всю семью, онъ былъ призванъ на семейный совѣтъ, состоявшій изъ родителей и сестеръ, чтобы выслушать предостереженіе. А такъ какъ онъ счелъ себя для этого слишкомъ взрослымъ, то всякія дальнѣйшія сношенія между нимъ и его родными были прекращены. Это еще больше привязало его къ его собственному дому, и онъ сдѣлался очень домовитымъ мужемъ или, вѣрнѣе, мужемъ. Они были очень счастливы, очень любили другъ друга и оба чувствовали себя свободными. Они жили въ постоянной радостной заботѣ не потерять другъ друга и дѣлали все возможное, чтобы сохранить другъ друга. И только одного имъ недоставало — знакомыхъ. Общество не хотѣло ихъ принимать, а ходить куда ни попало ассессоръ не хотѣлъ.

Наканунѣ Рождества за утреннимъ кофе ассессоръ получилъ письмо. Оно было отъ одной изъ его сестеръ, которая въ трогательныхъ выраженіяхъ просила его встрѣтить рождественскій сочельникъ вмѣстѣ съ ними; она подходила къ нему со всѣхъ сторонъ и сдѣлала его совсѣмъ нерѣшительнымъ. Могъ ли онъ ее — свою подругу, свою жену оставить въ такой вечеръ одну? Нѣтъ! Могло ли остаться пустымъ у родительскаго рождественскаго стола его мѣсто, когда оно еще никогда такимъ не было? Гм... Такъ обстояли дѣла, когда онъ шелъ на занятія. За завтракомъ онъ встрѣтилъ одного товарища, который очень осторожно спросилъ его, проводитъ ли онъ рождественскій вечеръ въ родной семьѣ.

Ассессоръ покраснѣлъ. Нужно ли посвящать его въ свои дѣла? Тотъ замѣтилъ, что задѣлъ больное мѣсто, и продолжалъ, не дожидаясь отвѣта:

— Если бы ты былъ одинъ, ты могъ бы придти ко мнѣ, т.-е. къ намъ; ты, вѣроятно, слышалъ, что у меня есть

связь. Прелестная милая дѣвушка; впрочемъ, ты вѣдь знаешь.

Это звучало такъ хорошо, и ассессоръ готовъ былъ уже принять приглашеніе, если бы они вдвоемъ могли притти? Конечно, имъ будутъ очень рады! И такимъ образомъ вопросъ о сочельникѣ и о знакомствѣ былъ рѣшенъ.

Въ шесть часовъ они уже пришли къ его другу, и мужчины засѣли, какъ паши, за портвейнъ, а женщины принялись въ кухнѣ застряпню.

Всѣ четверо принимали участіе въ накрываніи стола; женщины такъ искренно радовались. Они чувствовали себя такими близкими, соединенными общей участью, такъ называемымъ «приговоромъ свѣта».

Они уважали другъ друга, обращались другъ съ другомъ съ большимъ тактомъ и участіемъ и избѣгали отвратительныхъ двусмысленныхъ разговоровъ, которые имѣютъ обыкновеніе вести женатые люди, если дѣти не находятся поблизости, какъ будто при этомъ условіи они имѣютъ на это право. За тортомъ ассессоръ сказалъ маленькую рѣчь на тему о своемъ собственномъ домѣ, почему приходится избѣгать свѣта, людей, и гдѣ находишь истинную радость и переживаешь лучшіе часы жизни. Тутъ Марія-Луиза вдругъ начала плакать и, когда онъ спросилъ ее, не обижена ли она или не чувствуетъ ли себя несчастной, она, рыдая, сказала ему, что замѣчаетъ его тоску по матери и сестрамъ.

Онъ увѣрилъ ее, что это неправда; напротивъ, онъ очень не желалъ бы, чтобы онѣ сейчасъ были здѣсь.

— Да, но почему они не обвѣнчаются?

— Да развѣ они не все равно, что повѣнчаны?

— Не какъ слѣдуетъ!

— Но какъ же слѣдуетъ? При посредствѣ пастора? Онъ находитъ, что пасторъ похожъ на экзаменуемаго сту-

дента, а его заклинанія — на познанія въ миеологіи, — не больше.

Этого она не понимала, но она знала, что у нихъ было не такъ, какъ должно, и люди показываютъ на нее пальцами.

— Ну, и пускай ихъ!

Тутъ въ разговоръ вмѣшалась Софи и заявила, что она прекрасно сознаетъ, что она недостаточно благородна для родныхъ своего мужа и что каждый долженъ быть доволенъ тѣмъ мѣстомъ, которое ему достается.

Съ этого вечера между двумя семействами завязались дружба, и они жили такъ согласно, какъ очень рѣдко встрѣчается.

Но черезъ нѣсколько лѣтъ связь ассессора была благословлена сыномъ, и возлюбленная поднялась до ранга матери его сына. Она измѣнилась, благодаря страданіямъ и заботамъ о новорожденномъ, и желаніе нравиться своему мужу, культивировать свою любовь — перестало быть ея единственной мыслью. Въ обращеніи съ пріятельницею показалось уже легкое превосходство, а по отношенію къ мужу — большая увѣренность.

Однажды онъ пришелъ къ ней сіяющей, съ большой новостью. Онъ встрѣтилъ на улицѣ старшую сестру, которая, конечно, была обо всемъ освѣдомлена. Ей, казалось, любопытно было посмотреть маленькаго племянника, и она обѣщала посѣтить ихъ.

Тутъ Марія-Луиза принялась все основательно убирать, чистить, мыть, а ассессоръ долженъ былъ купить ей новое платье. Визита ждали цѣлую недѣлю; оконныя занавѣски были выстираны, задвижки оконъ и дверей ярко начищены, чтобы сестра могла убѣдиться, насколько порядочна особа, съ которой сошелся ея братъ.

Въ тотъ день, когда, наконецъ, должна была притти сестра, былъ сваренъ густой кофе.

И она пришла, прямая какъ доска, и протянула такую же прямую руку для привѣтствія. Она разсматривала мебель въ спальнѣ, снисошла до того, что согласилась выпить кофе, но не смотрѣла невѣсткѣ въ лицо. Къ новорожденному она выказала нѣкоторый интересъ. Ушла она скоро, но Марія-Луиза очень точно запомнила покрой ея платья, доброту матеріи, прическу.

На особенную сердечность она и не рассчитывала. Но самага факта визита для начала было достаточно, и скоро весь домъ зналъ, что сестра асессора первая посѣтила ихъ.

Между тѣмъ маленькій росъ и скоро получилъ себѣ послѣдовательницу.

Теперь Марія-Луиза начала уже беспокоиться о будущемъ своихъ дѣтей, и бѣдному асессору ежедневно приходилось выслушивать, что усыновленіе дѣтей было ихъ единственнымъ спасеніемъ.

Къ этому присоединились намеки сестры, что родители готовы къ примиренію, если только молодая чета какъ слѣдуетъ повѣнчается. Послѣ двухлѣтней ежедневной и ежечасной борьбы онъ рѣшилъ, наконецъ, ради будущаго дѣтей позволить совершить надъ собой «миеологическую» церемонію.

Но кого позвать на свадьбу, которую Марія-Луиза хотѣла непременно праздновать въ церкви? Нельзя же было приглашать Софи! Это совершенно невозможно! Такая дѣвушка, какъ она! Марія-Луиза уже научилась произносить слово «дѣвушка» съ совершенно особеннымъ выраженіемъ. Ассессоръ напомнилъ ей, что онѣ были большими пріятельницами и что нельзя быть такой неблагодарной, но Марія-Луиза заявила ему, что ради дѣтей надо пожертвовать своими привязанностями,—и онъ сдался.

Свадьба наступила и прошла.

Никакого приглашенія со стороны родителей. Грубое письмо отъ Софи и окончательный разрывъ между двумя парами.

И вотъ Марія-Луиза — дама. Одинокая, еще болѣе одинокая, чѣмъ прежде. Досадуя на свой невѣрный расчетъ и увѣренная въ своемъ мужѣ, который былъ теперь связанъ, она начала быстро пользоваться всѣми правами, которыя имѣетъ замужня женщина. То, что раньше давалось изъ любви и по доброй волѣ, она требовала теперь какъ должной дани.

Она вооружилась почетнымъ титуломъ «матери своихъ дѣтей» и съ этимъ оружіемъ въ рукахъ дѣлала нападеныя. Наивный, какъ всѣ воспитанные женщинами мужчины, онъ никакъ не могъ понять, какая особенная заслуга — быть «матерью своихъ дѣтей»; долженъ же кто-нибудь быть ею; и что его дѣти достойны вниманія болѣе чѣмъ другія дѣти и онъ самъ — этого онъ также не могъ постигнуть.

Между тѣмъ, успокоенный узаконеніемъ своихъ дѣтей, онъ началъ часто уходить изъ своего дома, чтобы посмотрѣть на міръ Божій, которымъ онъ долго пренебрегалъ, сначала упоенный своей любовью, а потомъ движимый нежеланіемъ оставлять дома однихъ — жену и дѣтей. Эта свобода не нравилась его женѣ, и, такъ какъ она больше ничего не остерегалась и была кромѣ того прямымъ человѣкомъ, она ему прямо это и высказала. Онъ, который хорошо изучилъ разные юридическіе тонкости, не нашелся ей отвѣтить. — Находишь ли ты приличнымъ оставлять мать твоихъ дѣтей сидѣть дома въ то время, какъ ты самъ путаешься по ресторанамъ?

— Я не думалъ, что ты чувствуешь въ чемъ-либо недостатокъ?—сказалъ онъ спокойнымъ тономъ.

— Недостатокъ! Я думаю, что, когда отецъ семейства вѣчно отсутствуетъ и гдѣ-то пропиваетъ деньги, необходимыя для хозяйства, — тогда очень многого семьѣ не хватаетъ.

— Во-первыхъ, я не пью, а тѣмъ только скромный ужинъ

и выпиваю чашку кофе; во-вторыхъ, это вовсе не хозяйственные деньги, такъ какъ онѣ у тебя; а у меня немного другія деньги—ихъ-то я и «пропиваю».

Къ несчастію, она, какъ и большинство женщинъ, не поняла шутки и эту шутливую пилюлю вернула ему сейчасъ же назадъ.

— Во всякомъ случаѣ, ты самъ сознался, что пьешь!

— Я? Боже избави! Вѣдь я же сказалъ иронически.

— Иронически? Теперь къ женѣ относятся уже иронически! Раньше было по-иному?

— Но вѣдь ты сама настояла на брачной церемоніи! Почему же теперь все идетъ по иному?

— Конечно, потому что мы обвѣнчались!

— Да, частью поэтому, а частью и потому, что природа самого увлеченія такова, что оно проходитъ со временемъ.

— Такъ что съ твоей стороны было только одно увлеченіе?

— Не только у меня, но и у тебя тоже и у всѣхъ другихъ. Все дѣло только въ продолжительности! Понимаешь?

— Да, у мужчинъ, дѣйствительно, любовь только увлеченіе.

— Нѣтъ, у всѣхъ!

— Какъ, только увлеченіе?

— Да, да, да! Но, несмотря на это, можно и послѣ оставаться добрыми друзьями!

— Для этого совершенно не нужно вѣнчаться.

— Я всегда это находилъ!

— Ты? Развѣ ты не хотѣлъ нашей свадьбы?

— Да, потому что ты на этомъ настаивала ежедневно въ теченіе трехъ лѣтъ!

— Но вѣдь ты также этого хотѣлъ!

— Только потому, что хотѣла ты! Скажи мнѣ теперь спасибо за это!

— Не благодарить ли мнѣ тебя за то, что ты не забо-

тишься о женѣ и ребенкѣ и проводишь время въ попойкахъ?

— Нѣтъ, не за это, а за то, что я согласился жениться на тебѣ!

— Такъ что во всякомъ случаѣ я должна быть благодарна тебѣ?

— Конечно, какъ и всякій порядочный человѣкъ, когда исполняютъ его желаніе.

— Могу сказать — не большое удовольствіе быть замужемъ, въ особенности такъ, какъ я; я никогда не дождусь отъ твоихъ родныхъ должнаго уваженія.

— Зачѣмъ тебѣ мои родные? Вѣдь я на твоихъ не женился.

— Да, потому что для тебя они недостаточно благородны.

— Очевидно, мои для тебя — достаточно благородны; если бы они были сапожниками, ты бы не такъ много о нихъ думала.

— Сапожники? Да развѣ они не люди?

— Да, да, конечно, но я не думаю, чтобы ты стала особенно добиваться знакомства съ ними.

— Добиваться? Я вообще ни за кѣмъ не гоняюсь.

— Вотъ и прекрасно.

Но «прекраснаго» въ ихъ жизни было мало, и она никогда ужъ больше не сдѣлалась прекрасной. Въ вѣнчаніи или въ чемъ другомъ было дѣло, но только Марія-Луиза всегда находила, что теперь совсѣмъ не то, что прежде; не такъ «обоюдно-весело», какъ она выражалась.

Ассессоръ держался того мнѣнія, что тутъ не одно вѣнчаніе причиной. Ему приходилось самому видѣть, что и гражданскіе браки не всегда прочны. И Софи съ его другомъ, которыхъ онъ тайкомъ изрѣдка навѣщалъ, въ одинъ прекрасный день положили «предѣлъ», какъ они выразились. А вѣдь они не были вѣнчаны.

Итакъ, не въ этомъ было дѣло!

Пасха.

Переводъ со шведскаго

Ю. Балтрушайтисъ.

Л И Ц А.

Фру Гейсть.

Элисъ, ея сынъ, кандидатъ филологіи, учитель.

Элеонора, ея дочь.

Кристина, невѣста Элиса.

Веніаминъ, гимназистъ.

Линдквистъ.

ОБСТАНОВКА ДЛЯ ВСѢХЪ АКТОВЪ.

Вся обстановка состоитъ изъ стеклянной веранды въ нижнемъ этажѣ, превращенной въ жилую комнату. Посрединѣ большая дверь, ведущая въ садикъ съ заборомъ и калиткой на улицу. По ту сторону улицы — которая, какъ и домъ, расположена на пригоркѣ — виденъ низкій заборъ вокругъ сада, спускающагося внизъ, къ городу. Глубину сцены представляютъ верхушки деревьевъ этого второго сада въ весенней зелени. Надъ ними видна церковная башня и фронтоны монументальнаго дома.

Стеклянные окна на верандѣ, которая занимаетъ всю ширину сцены, закрыты занавѣсками изъ свѣтло-желтаго, съ разводами, крестона и могутъ запираяться. На оконномъ косякѣ налѣво отъ двери виситъ зеркало, подъ зеркаломъ календарь.

Направо отъ двери, въ глубинѣ, большой письменный столъ съ книгами, съ письменными принадлежностями и телефономъ. Налѣво отъ нея обѣденный столъ, изразцовый каминь, буфетъ. На авансценѣ, направо, рабочий столикъ съ лампой. Возлѣ него два кресла. Висячая лампа съ потолка.

Вдоль улицы газовые фонари съ Ауэровскими горѣлками.

На верандѣ, налѣво, дверь въ жилое помещеніе; направо дверь въ кухню.

Дѣйствіе — въ наши дни.

ДѢЙСТВІЕ I.

Великій четвергъ.

Музыка передъ этимъ дѣйствиємъ: Гайднъ: Sieben Worte des Erlösers.
Введеніе: Maestoso Adagio.

Косой солнечный лучъ слѣва проникаетъ въ комнату и падаетъ на одно изъ кресель у рабочаго стола. На другомъ, неосвѣщенномъ, креслѣ сидитъ Кристина и продѣваетъ шнурокъ въ пару бѣлыхъ только что выглаженныхъ занавѣсокъ. Входитъ Элисъ въ разстегнутомъ тепломъ пальто, съ большой кипой бумагъ, которыя онъ кладетъ на письменный столъ. Затѣмъ снимаетъ пальто и вѣшаетъ его налѣво.

Элисъ. Здравствуй, дружокъ!

Кристина. Здравствуй, Элисъ!

Элисъ, озираясь кругомъ. Зимнія рамы долой; вымытыи полъ, чистыя занавѣски... да, вотъ и опять весна! И ледъ убрали, и верба зацвѣла внизу у рѣчки... да, весна... И я могу повѣсить свое зимнее пальтишко... Знаешь, оно такое тяжелое, взвѣшиваетъ пальто на рукѣ, какъ будто впитало въ себя всѣ зимнія заботы, потъ безпокойства и школьную пыль... Эхъ!

Кристина. Такъ у тебя теперь каникулы!

Элисъ. Печальныя каникулы! Пять славныхъ деньковъ, чтобы наслаждаться, вздохнуть, забыться! Протягиваетъ Кристинѣ руку и затѣмъ садится въ кресло. Да, вотъ и опять вернулось солнышко... Оно ушло въ ноябрѣ, я помню день,

когда оно скрылось за пивоварней, скользнувъ по улицѣ...
Ахъ, эта зима! Эта долгая зима!

Кристина, указывая на дверь въ кухню. Тсъ! Тише!
Молчи!

Элисъ. Я буду молчать да радоваться, что все это прошло... Эхъ, славное солнышко... онъ потираетъ руками и дѣлаетъ видъ, что моется, я буду купаться въ солнечныхъ лучахъ, умываться свѣтомъ — послѣ всей этой грязной темноты...

Кристина. Тсъ! Тише!

Элисъ. Знаешь, я вѣрю, что миръ вернется снова, что несчастію надоѣло...

Кристина. Почему же ты вѣришь?

Элисъ. Ну, хотя бы потому, что, когда я вотъ сейчасъ проходилъ мимо собора, прилетѣлъ бѣлый голубь; онъ опустился на тротуаръ и уронилъ вѣтку, которая была у него въ клювѣ, прямо къ моимъ ногамъ.

Кристина. А ты замѣтилъ, что это была за вѣтка?

Элисъ. Врядъ ли это была вѣтка маслины, но я все-таки думаю, что это было знаменіе мира, и теперь вотъ я чувствую сладостное, свѣтлое успокоеніе... А гдѣ мать?

Кристина, указывая на кухню. Въ кухнѣ!

Элисъ тихо, закрывъ глаза. Это весна! Я слышу! Я слышу, что зимнія рамы выставлены — знаешь, почему я это слышу? — Главнымъ образомъ по стуку колесъ экипажей... Но что это? Зябликъ поетъ! Молотъ застучалъ на верфи, съ пароходовъ запахло масляной краской, краснымъ сурикомъ.

Кристина. И ты это можешь чувствовать здѣсь?

Элисъ. Здѣсь? Правда, мы-то здѣсь, но я былъ тамъ, тамъ на сѣверѣ, на нашей родинѣ... Зачѣмъ мы пришли въ этотъ ужасный городъ, гдѣ всѣ люди ненавидятъ другъ друга и гдѣ вѣчно остаешься одинокимъ? Да, это хлѣбъ указывалъ дорогу... но гдѣ хлѣбъ, тамъ ожидали и несча-

стія: преступленіе отца и болѣзнь маленькой сестры.— Ахъ, да, ты не знаешь, ходила мать въ тюрьму къ отцу?

Кристина. Я даже увѣрена, что она была тамъ не дальше, какъ сегодня!

Элисъ. Что же она сказала?

Кристина. Ничего; она говорила о другомъ!

Элисъ. Все-таки хоть одного добились: послѣ осужденія наступила опредѣленность и странное спокойствіе, и газеты замолчали со своими отчетами. Прошелъ годъ! Цѣлый годъ его не было съ нами, и вотъ мы можемъ начать съ начала.

Кристина. Я удивляюсь твоей терпѣливости въ страданіи.

Элисъ. Брось это! Ничему не удивляйся во мнѣ, потому что у меня одни только недостатки! Теперь ты знаешь! Ахъ! Если бы ты повѣрила этому!

Кристина. Если бы ты страдалъ по своей собственной винѣ, а тутъ вѣдь по чужой!

Элисъ. Что это ты тутъ шьешь?

Кристина. Занавѣски на кухню, дорогой мой.

Элисъ. Это похоже на подвѣчную вуаль... Осенью, Кристина, ты будешь моей женой, неправда ли?

Кристина. Да, но давай сперва думать о лѣтѣ!

Элисъ. Ахъ, да, лѣто! Достаетъ чековую книжку. Видишь ли, деньги у меня уже положены въ банкъ! Какъ только кончится ученіе, мы махнемъ на сѣверъ, на свою родину—къ Меларну. Избушка стоитъ тамъ въ такомъ же исправномъ видѣ, какъ стояла въ дни нашего дѣтства; и липы уцѣлѣли, и челнъ лежитъ подъ ивой на берегу... Ахъ, только бы пришло лѣто, только бы мнѣ начать купаться въ морѣ! Это безчестіе нашей семьи такъ легло на мою душу и тѣло, что я жду не дождусь моря, чтобы омыться.

Кристина. Слышалъ ли ты что-нибудь о сестрѣ Элеонорѣ?

Элисъ. Да, бѣдняжка, волнуется и пишетъ письма, которыя разрываютъ меня на части. Ей, конечно, хочется вонъ отсюда и домой, а завѣдующій лѣчебницей не рѣшается отпустить ее, потому что она совершаетъ поступки, приводяшіе къ тюрьмѣ. Знаешь, по временамъ я испытываю угрызенія совѣсти, самыя ужасныя, изъ-за того, что я подалъ голосъ за отдачу ее туда.

Кристина. Дорогой мой, ты во всемъ упрекаешь себя, но вѣдь въ данномъ случаѣ это же было благодѣяніе для несчастной, что за ней стали присматривать.

Элисъ. Все, что ты говоришь, — правда, я и самъ, конечно, нахожу, что такъ, какъ есть, покойнѣе. Да, для нея это хорошо, какъ только можетъ быть хорошо! И стоитъ только мнѣ подумать, какъ она бродила здѣсь кругомъ и омрачала всякій малѣйшій слѣдъ радости, какъ ея судьба угнетала насъ, какъ кошмаръ, мучила насъ до отчаянія, то у меня оказывается достаточно эгоизма для того, чтобы чувствовать облегченіе, похожее на радость. И самое большое несчастіе, какое я теперь могу вообразить для себя, было бы въ томъ, если бы я увидѣлъ ее входящей вотъ въ эту дверь. Настолько я подлъ!

Кристина. Настолько ты человѣкъ!

Элисъ. И при всемъ этомъ я... страдаю, мучаюсь при мысли объ ея страданіяхъ и страданіяхъ моего отца!

Кристина. Да, они, должно быть, и родились для страданій...

Элисъ. Бѣдная, ты попала въ эту семью, съ самаго начала своего осужденную и отверженную.

Кристина. Элисъ! Ты же не знаешь, испытаніе ли это или кара!

Элисъ. И я совершенно не знаю, чѣмъ все это оказывается для тебя, потому что ты же ровно ни въ чемъ неповинна!

Кристина. Утромъ слезы, вечеромъ радости! Элисъ, пожалуй, я могу помочь тебѣ...

Элисъ. Какъ ты думаешь, у матери найдется бѣлый галстукъ?

Кристина, безпокойно. Ты уходишь?

Элисъ. Мнѣ нужно на обѣдъ. Ты же знаешь, Петръ защитилъ вчера диссертацию и сегодня устраиваетъ обѣдъ!

Кристина. И ты пойдешь на это приглашеніе?

Элисъ. По-твоему, мнѣ слѣдовало бы не ходить, потому что онъ оказался прямо-таки неблагодарнымъ ученикомъ по отношенію ко мнѣ.

Кристина. Не отрицаю, его вѣроломство возмутило меня; онъ же обѣщался цитировать твою статью, а воспользовался ея данными, не заикнувшись даже объ источникѣ.

Элисъ. Ахъ! Это такъ обыкновенно, и я радуюсь сознанию, что «это я сдѣлалъ».

Кристина. Онъ звалъ тебя?

Элисъ. Правда, онъ этого не сдѣлалъ. И это, дѣйствительно, странно, потому что онъ нѣсколько лѣтъ все рассказывалъ объ этомъ самомъ обѣдѣ, будто я непремѣнный гость у него; ну, и я тоже всѣмъ болталъ объ этомъ. И если я теперь не получу приглашенія, то буду посрамленъ публично... Впрочемъ, все равно, это уже не въ первый разъ, и не въ послѣдній. Молчаніе.

Кристина. Веніаминъ что-то не идетъ! Что, по-твоему, онъ дѣлаетъ успѣхи въ письменныхъ работахъ?

Элисъ. Въ этомъ я твердо убѣжденъ, а въ латыни такъ съ отличіемъ!

Кристина. Славный онъ мальчуганъ, Веніаминъ.

Элисъ. Необыкновенно, развѣ вотъ немного фантазируетъ. А ты знаешь, почему онъ живетъ у насъ въ домѣ?

Кристина. Не потому ли, что...

Элисъ. Потому... что мой отецъ растратилъ его сирот-

скія деньги, какъ и средства многихъ другихъ! Видишь-ли, Кристина, въ томъ-то весь ужасъ, что въ школѣ мнѣ приходится видѣть этихъ обокраденныхъ сиротъ, которые теперь должны переносить униженіе быть бесплатными учениками. Тебѣ легко понять, какими глазами они смотрятъ на меня. И я долженъ непрерывно думать объ ихъ несчастіи, чтобы имѣть возможность прощать имъ ихъ жестокость.

Кристина. Мнѣ думается, что твой отецъ въ сущности относится къ этому проще, чѣмъ ты!

Элисъ. Въ сущности, да!

Кристина. Элисъ, мы должны думать о лѣтѣ, а не о томъ, что прошло!

Элисъ. Да, о лѣтѣ! Знаешь, сегодня ночью я проснулся при звукахъ студенческой пѣсни; вотъ что пѣли: «Да, я приду, передайте привѣтъ мой, веселые вѣтры, полямъ и птицамъ,— что я ихъ люблю, расскажите березамъ и липамъ, горамъ и озерамъ— я увижу ихъ снова, увижу ихъ такими, какъ въ дни моего дѣтства...» Встаетъ взволнованный. Но удастся ли мнѣ взглянуть на нихъ снова, вырвусь ли я изъ этого ужаснаго города, изъ Гевали, горы проклятія, и увижу ли снова Гарлеимъ? Садится у двери.

Кристина. Да, да! Разумѣется!

Элисъ. Но ты убѣждена, что я увижу свои березы и свои липы такими, какими я видѣлъ ихъ прежде; ты не думаешь, что та же черная пелена должна лежать на нихъ, какъ и на здѣшней природѣ; съ того самаго дня, какъ... Указывая на кресло, которое теперь въ тѣни. Видимо, солнышко уже ушло!

Кристина. И опять придетъ, и тогда уже останется надолго!

Элисъ. Правда; дни прибываютъ, и тѣни становятся короче.

Кристина. Мы идемъ навстрѣчу свѣту, Элисъ, повѣрь мнѣ.

Элисъ. Иногда и я такъ думаю, и когда я думаю о прошедшемъ и сравниваю его съ настоящимъ, я бываю такъ счастливъ. Взять хоть прошлый годъ, вѣдь тогда ты не сидѣла здѣсь, тогда ты ушла отъ меня, и наша помолвка разстроилась. Знаешь, это было самое мрачное. Я въ буквальномъ смыслѣ слова умиралъ по частямъ; но когда ты вернулась — я ожилъ. Ты помнишь, почему ты ушла?

Кристина. Нѣтъ, не помню, и теперь мнѣ кажется, что никакой причины и не было. Просто почувствовала какую-то потребность уйти и ушла, какъ во снѣ; когда я снова увидѣла тебя, я проснулась и была счастлива!

Элисъ. И теперь мы не будемъ разлучаться никогда, потому что, уйди ты теперь, я бы на самомъ дѣлѣ умеръ!.. А вотъ и мать! Не говори ничего, оставь ее въ этомъ мечтательномъ мірѣ, въ которомъ она живетъ и думаетъ, что отецъ — мученикъ, а всѣ его жертвы — мошенники.

Фру Гвейстъ выходитъ изъ кухни, въ кухонномъ передникѣ, чиститъ яблоко; говоритъ привѣтливо, съ простоватымъ отгнкомъ. Здравствуйте, дѣтки! Какой вамъ яблочный супъ, холодный или горячій?

Элисъ. Холодный, мамочка.

Гвейстъ. Вотъ и прекрасно, мой мальчицъ! ты всегда знаешь, чего хочешь, и прямо говоришь, а Кристина вотъ не можетъ. А научился этому Элисъ у своего отца; тотъ всегда зналъ, чего хочетъ и что дѣлаетъ, а этого-то люди и не терпятъ, вотъ ему и пришлось поплатиться. Но придетъ же разъ и его денекъ, и тогда ему воздастся по справедливости, а остальнымъ — по несправедливости ихъ!.. Постой-ка, что это я хотѣла сказать? Ахъ, да! Знаете, Линдквистъ перебрался сюда въ городъ! Линдквистъ, этотъ величайшій изъ всѣхъ мошенниковъ!

Элисъ встаетъ, взволнованный. Онъ вернулся сюда?

Гейсть. Ну, да, и живетъ наискосокъ!

Элисъ. Значить, каждый день придется видѣть, какъ онъ будетъ таскаться мимо. Только этого не доставало!

Гейсть. Позволь мнѣ переговорить съ нимъ одинъ только разъ, такъ онъ никогда не вернется назадъ и носу больше не покажетъ, я ужъ знаю его маленькія причуды! Ну, Элисъ, какъ сошло у Петра?

Элисъ. Ахъ, да, отлично!

Гейсть. Я въ этомъ увѣрена. А когда же ты думаешь, наконецъ, защищать диссертацию?

Элисъ. Когда соберусь, мама!

Гейсть. Когда соберусь! Это совсѣмъ не отвѣтъ!.. А Веніаминъ? Онъ справился съ письменными работами?

Элисъ. А этого мы еще не знаемъ; да онъ скоро будетъ здѣсь самъ!

Гейсть. Да-а, я не особенно - то люблю Веніамина, потому что онъ все дѣлаетъ видъ, будто у него право... Но мы его отучимъ отъ этого!.. А все-таки онъ — расторопный мальчуганъ... Ахъ, да, тутъ тебѣ посылка, Элисъ. Уходить въ кухню и тотчасъ же возвращается назадъ со сверткомъ.

Элисъ. Представь себѣ, какъ мать во всемъ разбирается и слѣдитъ за всѣмъ; я иногда думаю, что она вовсе не такъ ужъ глупа, какъ представляется.

Гейсть. Вотъ посылка! Ее Лина получала!

Элисъ. Подарокъ! Послѣ того, какъ я однажды получилъ ящикъ съ булыжникомъ, я боюсь подарковъ. Кладеть свертокъ на столъ.

Гейсть. Ну-съ, я пойду опять на кухню! — А не будетъ ли холодно, что дверь открыта?

Элисъ. Нисколько, мамочка.

Гейсть. Элисъ, не вѣшай ты свое пальто здѣсь, а то, посмотришь, такой беспорядокъ!.. Ну, Кристина, ты скоро кончишь мой занавѣски?

Кристина. Черезъ нѣсколько минутъ, мама!

Гвйсть. Да, а вотъ этого самаго Петра я люблю; это мой либимецъ... Элисъ, ты не будешь на обѣдѣ?

Элисъ. Конечно, буду.

Гвйсть. Ну вотъ, почему же ты заказалъ себѣ холодный яблочный супъ, разъ ты уходишь! Какой ты безтолковый, Элисъ. Впрочемъ, и Петръ тоже. Закройте двери, когда будетъ холодно, а то какъ бы вамъ насморка не схватить! Уходить направо.

Элисъ. Добрая старушка!.. И вѣчно съ Петромъ... ужъ не собралась ли она дразнить тебя Петромъ?

Кристина. Меня?

Элисъ. Ты же знаешь, что у старухъ всего - то и заботъ, что о загѣяхъ да интригахъ!

Кристина. А что за подарокъ ты получилъ?

Элисъ, разворачивая свертокъ. Вербалъ..

Кристина. Отъ кого?

Элисъ. Неизвѣстно!.. Ну, на этотъ разъ безобидно, вотъ я посажу ее въ воду, она зазеленѣетъ, какъ посохъ Аарона! „Береза... какъ въ дѣтствѣ...“ И Линдквистъ появился здѣсь.

Кристина. Что же ему нужно?

Элисъ. Ему - то именно мы должны больше всего денегъ.

Кристина. Но ты же ему ничего не долженъ!

Элисъ. Да, но мы — одинъ за всѣхъ и всѣ за одного; пока тяготѣетъ долгъ, имя нашей семьи обезчещено.

Кристина. Переименуй имя!

Элисъ. Кристина!

Кристина, откладывая уже оконченную работу въ сторону. Спасибо, Элисъ! Я хотѣла только испытать тебя!

Элисъ. Но тебѣ не слѣдуетъ искушать меня!.. Линдквистъ бѣдный человѣкъ и требуетъ своего... Гдѣ прошелъ мой отецъ, тамъ поле битвы — съ убитыми и ранеными... а мать увѣрена, что онъ, жертва! Хочешь пройтись?

Кристина. И поискать солнца? Съ удовольствіемъ.

Элисъ. Пойми, вѣдь Спаситель страдалъ и за наши грѣхи, и все-таки мы должны продолжать расплачиваться. За меня никто не заплатитъ!

Кристина. Но если бы кто-нибудь заплатилъ за тебя, — ты тогда понялъ бы...

Элисъ. Да, тогда я понялъ бы!.. Тише! Вонъ идетъ Веніаминъ. Посмотри, онъ веселъ?

Кристина смотритъ въ дверь въ глубинѣ. Онъ идетъ такъ медленно... А теперь вотъ остановился у фонтана... и моетъ глаза.

Элисъ. Только этого не доставало.

Кристина. Да ты подожди...

Элисъ. Слезы, слезы!

Кристина. Терпѣніе!

Веніаминъ привѣтливъ, почтителенъ, но грустенъ, въ рукахъ у него нѣсколько книгъ и папка.

Элисъ. Ну, какъ у тебя съ латынью?

Веніаминъ. Да плохо!

Элисъ. Дай-ка, я посмотрю твое сочиненіе! Что ты тамъ надѣлалъ?

Веніаминъ. Я поставилъ ит съ изъяснительнымъ наклоненіемъ, хотя и зналъ, что тутъ должно быть сослагательное.

Элисъ. Ну, тогда ты пропалъ! И какъ это съ тобой случилось?

Веніаминъ съ покорностью судьбѣ. Вотъ ужъ не могу объяснить; я отлично зналъ, какъ нужно было, хотѣлъ написать правильно, а вышло неправильно! Убитый, садится къ обѣденному столу.

Элисъ, нагнувшись надъ письменнымъ столомъ и читая въ тетради Веніамина. Такъ и есть, изъяснительное! Ахъ ты, Господи!

Кристина съ усилиемъ. Ну, авось въ слѣдующій разъ посчастливится: жизнь долга — такъ ужасно долга!

Веніаминъ. Да, конечно!

Элисъ печально, но безъ горечи. И нужно же было всему сойтись клиномъ. А вѣдь ты былъ моимъ лучшимъ ученикомъ; чего же мнѣ тогда ожидать отъ другихъ!—Моя репутація, какъ учителя, пошла прахомъ, я больше не получу ни одного урока, и, стало быть... все рушится! Веніамину. Не принимай этого близко къ сердцу... тутъ вовсе не твоя вина...

Кристина съ крайнимъ напряженіемъ. Элисъ! Крѣпись! Мужество, ради Бога!

Элисъ. Гдѣ же мнѣ его взять?

Кристина. Тамъ же, гдѣ бралъ.

Элисъ. Теперь уже не то, что прежде! Повидимому, я впалъ въ немилость!

Кристина. Страдать безвинно — знакъ милости... Не давай только нетерпѣнію овладѣть тобой... Пусть это испытаніе, — потому что это только испытаніе, я это чувствую...

Элисъ. Да развѣ для Веніамина въ году останутся не тѣ же 365 дней?

Кристина. Нѣтъ, радостное состояніе духа сокращаетъ время!

Элисъ улыбается. Подуй на рану, заживетъ, говорятъ дѣтямъ!

Кристина. Будь же ребенкомъ, я такъ и буду говорить... Вспомни о матери... какъ она все переноситъ!

Элисъ. Дай мнѣ руку; утопаю!

Кристина протягиваетъ ему руку.

Элисъ. Рука у тебя дрожитъ.

Кристина. Нѣтъ, насколько я чувствую...

Элисъ. Ты не такъ сильна, какъ представляешь себѣ...

Кристина. Я не чувствую ни малѣйшей слабости...

Элисъ. Почему же ты не въ состоянїи заставить меня быть сильнымъ?

Кристина. У меня тоже нѣтъ избытка силъ!

Элисъ смотритъ въ окно. Знаешь, кто теперь идетъ?

Кристина смотритъ въ окно; пораженная, падаетъ на колѣни. Это ужъ слишкомъ!

Элисъ. Вотъ кредиторъ, могущій взять у насъ мебель. Во всякомъ случаѣ это — Линдквистъ, перебравшійся сюда, чтобы сидѣть какъ паукъ въ своей паутинѣ и подстергать мухъ...

Кристина. Бѣги!

Элисъ, вставая. Нѣтъ! Только не бѣжать!.. Теперь, когда ты слаба стала, я сталъ силенъ. Вонъ онъ идетъ сюда по улицѣ... и уже впился въ добычу своими злыми глазами...

Кристина. Отойди прочь, по крайней мѣрѣ!

Элисъ. Нѣтъ, теперь мнѣ любопытно... Онъ, кажется, весь такъ и просіялъ, словно уже увидѣлъ добычу въ западнѣ... Иди сюда... онъ считаетъ, сколько шаговъ до воротъ, и взглянулъ въ открытую дверь, дома ли мы... А теперь вонъ встрѣтилъ кого-то и остановился поболтать... Онъ говоритъ о насъ, потому что посматриваетъ въ нашу сторону.

Кристина. Только бы онъ не засталъ здѣсь мать, а то сторяча какимъ-нибудь словомъ она окончательно возстановитъ его противъ насъ... Предупреди это, Элисъ.

Элисъ. Теперь грозитъ палкой, какъ будто клянется, что милосердію тутъ нѣтъ мѣста, только справедливости... разстегиваетъ свое пальто, чтобы показать, что уже не осталось платья на тѣлѣ... я по его рту вижу, что онъ говоритъ... Что я ему отвѣчу... «Милостивый государь, вы — правы! Возьмите все, это — ваше!..»

Кристина. Только это ты и долженъ сказать!

Элисъ. Теперь смѣется! Но добродушно, не зло! Весьма возможно, онъ и не такой ужъ злой, хотя и хочетъ полу-

чить свои деньги! Только бы ему заблагоразсудилось притти теперь, кончить эту проклятую болтовню, вонъ палка опять задвигалась... у нихъ всегда палки, у тѣхъ, кто даетъ деньги взаймы... и кожанья калоши, которыя все визжатъ: «вичъ, вичъ», точъ въ точъ, какъ розги по воздуху... Кладя руку Кристины на сторону своего сердца. Чувствуешь, какъ бьется мое сердце... я самъ слышу это, какъ шумъ океана въ правомъ ухѣ... Боже мой, теперь онъ простился! а калоши-то, калоши: вичъ, вичъ,—какъ удары вербой!.. Но у него брелоки! Значить, онъ не въ крайней нуждѣ! У нихъ всегда брелоки изъ сердолика, какъ куски стараго мяса, которое они вырѣзали со спины у своего ближняго... Слушай, слушай — калоши... «скрипъ, чиръ, чиръ, вичъ, вичъ!» Смотри! Онъ увидѣлъ меня! Онъ увидѣлъ меня!.. Кланяясь въ сторону улицы. Онъ кланяется первый! улыбается! Машетъ рукой... и... Падаетъ на письменный столъ, заливаясь слезами. Онъ прошелъ мимо!

Кристина. Слава Богу!

Элисъ, поднимаясь. Онъ прошелъ мимо!.. Но онъ опять явится... Пойдемъ на солнце!..

Кристина. А обѣдъ у Петра?

Элисъ. Такъ какъ я еще не приглашень, то я отказываюсь! Да и какая радость ожидать меня тамъ! Встрѣтить вѣроломнаго друга! Мнѣ было бы только больно за него, тогда какъ съ своей стороны я его ничѣмъ не могъ бы огорчить!

Кристина. Спасибо, что остаешься съ нами!

Элисъ. Въ высшей степени радъ остаться! Ты же знаешь. Ну, что же, идемъ?

Кристина. Да, вотъ сюда Уходить налѣво.

Элисъ, проходя мимо Веніамина, треплетъ его по головѣ.
Крѣпись, паренецъ!

Веніаминъ закрываетъ лицо руками.

Элисъ беретъ вѣтку со стола и засовываетъ ее за зеркало.

Да, не съ оливковой вѣткой прилеталь голубь — съ березовой! Уходить.

Элеонора входитъ изъ глубины; шестнадцатилѣтняя дѣвушка, съ косою вдоль спины. Въ рукахъ у нея желтый нарциссъ въ горшкѣ. Не замѣчая, или дѣлая видъ, что не замѣчаетъ Веніамина, она беретъ съ буфета графинъ съ водою и поливаетъ цвѣтокъ, затѣмъ ставитъ его на обѣденный столъ, садится къ столу прямо противъ Веніамина, смотритъ на него и повторяетъ всѣ его жесты.

ВЕНІАМИНЪ, удивленно смотритъ на нее.

ЭЛЕОНОРА, указывая на цвѣтокъ. Знаешь, что это такое?

ВЕНІАМИНЪ, по-дѣтски, простосердечно. Желтый нарциссъ, я же знаю!.. Но кто же ты?

ЭЛЕОНОРА дружелюбно, печально. Въ самомъ дѣлѣ, кто я? Веніамина, какъ выше. Меня зовутъ Веніаминомъ, я живу здѣсь въ пансіонѣ у г-жи Гейстъ.

ЭЛЕОНОРА. Вотъ какъ! А меня зовутъ Элеонорой, я дочь хозяйки этого дома.

ВЕНІАМИНЪ. Странно! здѣсь никогда не говорили о тебѣ.

ЭЛЕОНОРА. О мертвыхъ не говорятъ!

ВЕНІАМИНЪ. О мертвыхъ?

ЭЛЕОНОРА. Въ гражданскомъ смыслѣ слова я мертвая, потому что совершила очень дурной поступокъ.

ВЕНІАМИНЪ. Ты?

ЭЛЕОНОРА. Да, я растратила сиротскія деньги, это было бы еще ничего, потому что чужое добро въ прокъ не пойдетъ, но то, что мой старикъ отецъ оказался виноватымъ и попалъ въ тюрьму,—это, видишь ли, не простится никогда.

ВЕНІАМИНЪ. Такъ странно и такъ прекрасно говоришь ты... А я никогда и не думаль о томъ, чтобы мое наслѣдство могло быть несправедливо отнято.

Элеонора. Не слѣдуетъ связывать людей, нужно освободить ихъ.

Веніаминъ. Да, ты освободила меня отъ горечи быть обманутымъ.

Элеонора. Ты, значить, тоже сирота...

Веніаминъ. Да, и мнѣ, вдобавокъ, достался жалкій жребій сидѣть на шеѣ у этихъ бѣдныхъ людей по ихъ же винѣ.

Элеонора. Не говори жестокихъ словъ, а то я уйду своей дорогой; я такъ нѣжна, что не выношу ничего жестокаго! Все-таки... ты все это терпишь благодаря мнѣ?

Веніаминъ. Благодаря твоему отцу.

Элеонора. Но это все равно, потому что онъ и я — одно и то же лицо... Молчаніе. Я была очень больна... Отчего ты такъ печалень?

Веніаминъ. Я потерпѣлъ неудачу!

Элеонора. И поэтому ты огорченъ? «Плеть и наказаніе научаютъ мудрости, и тотъ, кто ненавидитъ наказаніе, долженъ умереть...» Что у тебя за неудача?

Веніаминъ. Я оказался слабымъ въ латинскомъ правописаніи — хотя я былъ совершенно увѣренъ.

Элеонора. Ахъ, да, — былъ совершенно увѣренъ, до того увѣренъ, что могъ биться объ закладъ, что все окончится благополучно.

Веніаминъ. Развѣ я и это слѣлалъ?

Элеонора. Я могла бы подумать! Видишь - ли, такъ вышло именно потому, что ты былъ такъ увѣренъ.

Веніаминъ. По-твоему, это и было причиной?

Элеонора. Конечно, это! Спесь находитъ передъ грѣхомъ!

Веніаминъ. Тогда я буду помнить это въ слѣдующій разъ.

Элеонора. Правильно задумано, «Блаженны нищіе духомъ».

ВЕНІАМИНЪ. Ты сектантка?

ЭЛЕОНОРА. Да!

ВЕНІАМИНЪ. И вѣрующая, конечно.

ЭЛЕОНОРА. Да, и мнѣ такъ представляется. И если бы ты говорилъ дурно о Богѣ, моемъ Благодѣтелѣ, я не сидѣла бы за однимъ столомъ съ тобой!

ВЕНІАМИНЪ. Сколько тебѣ лѣтъ?

ЭЛЕОНОРА. Для меня не существуетъ ни времени, ни пространства; я всюду и нигдѣ! Я и въ тюрьмѣ моего отца и въ классной моего брата, я въ кухнѣ моей матери и въ лавчонкѣ моей сестры, тамъ, далеко, въ Америкѣ. Когда у моей сестры все благополучно, и торговля идетъ, я чувствую ея радость; когда же дѣла у нея плохи, я страдаю, но больше всего скорблю, когда она поступаетъ дурно. Веніаминъ, тебя зовутъ Веніаминомъ, потому что ты самый младшій изъ моихъ друзей... да, всѣ люди — мои друзья... и если ты позволишь мнѣ завладѣть твоимъ сердцемъ, то я буду скорбѣть и о тебѣ.

ВЕНІАМИНЪ. Слова, которыя ты говоришь, собственно непонятны для меня, но, мнѣ кажется, я постигаю смыслъ твоихъ мыслей! И теперь я хочу всего, что ты хочешь.

ЭЛЕОНОРА. Хочешь тогда, для начала, перестать осуждать людей, даже изобличенныхъ въ преступленіи...

ВЕНІАМИНЪ. Да, но я долженъ имѣть для этого какое-нибудь основаніе! Я изучалъ философію, видишь ли!

ЭЛЕОНОРА. Ахъ, изучалъ! Въ такомъ случаѣ, помоги мнѣ уяснить себѣ мысль одного великаго философа. У него вотъ что сказано: «Ненавидящіе праведнаго должны сами стать преступными».

ВЕНІАМИНЪ. По логикѣ выходитъ, что разъ ненавидишь праведнаго, можно быть осужденнымъ на преступленіе.

ЭЛЕОНОРА. И что само преступленіе есть уже кара.

ВЕНІАМИНЪ. Это, дѣйствительно, глубокая мысль! Можно

было бы подумать, что это сказалъ Кантъ или Шопенгауэръ.

Элеонора. Не узнаешь!

Веніаминъ. Въ какомъ писаніи ты это прочла?

Элеонора. Въ священномъ писаніи!

Веніаминъ. Правда? Тамъ такъ и сказано?

Элеонора. Какое же ты невѣжественное, оставленное безъ присмотра дитя! Если бъ я могла воспитать тебя!

Веніаминъ. Малютка!

Элеонора. Все же въ тебѣ нѣтъ ничего дурного! У тебя скорѣе видъ добраго... Какъ зовутъ твоего учителя латинскаго языка?

Веніаминъ. Лекторъ Альгрень!

Элеонора встаетъ. Я это запомню... Ахъ, моему отцу теперь очень тяжело! Они злы на него. Стоит неподвижно, будто прислушивается. Слышишь, какъ ноетъ въ телефонныхъ проволочкахъ?.. это жестокія слова, которыхъ нѣжная, ярко-красная мѣдъ не можетъ перенести... и едва люди начинаютъ клеветать другъ на друга въ телефонъ, мѣдныя струны плачутъ и жалуются... ожесточенно—и всякое слово заносится въ книгу... и со скончаніемъ вѣковъ придется расчетъ!

Веніаминъ. Какъ ты строга!

Элеонора. Не я, не я! Я не посмѣла бы! Я-то, я?

Она идетъ къ камину и открываетъ отдушину; достаетъ нѣсколько разорванныхъ лоскутковъ бѣлой почтовой бумаги.

Веніаминъ встаетъ и заглядываетъ въ лоскутки бумаги, которые Элеонора складываетъ на обѣденномъ столѣ.

Элеонора про себя. Ахъ, люди такъ безтолковы... кладутъ свои тайны въ каминъ... Куда бы я ни пришла, я первымъ дѣломъ направляюсь къ камину! Но я этимъ ни-

когда не злоупотребляю, на это у меня не хватило бы смѣлости, потому что мнѣ пришлось бы поплатиться!.. Что же это такое? Читаетъ.

ВЕНІАМИНЪ. Письмо кандидата Петра, въ которомъ онъ назначаетъ свиданіе Крестинѣ... Этому я давно ожидалъ!

ЭЛЕОНОРА кладетъ руку на бумагу. Ахъ, ты, чего же ты ожидалъ? Скажи-ка, злой человѣкъ, вѣрующій только въ зло. Это письмо ведетъ только къ добру, я же знаю Крестину, мою будущую невѣстку... И эта встрѣча должна предохранить моего брата Элиса отъ несчастія... Ты мнѣ общаешься, Веніаминъ, молчать?

ВЕНІАМИНЪ. Не думаю, чтобы я посмѣлъ говорить объ этомъ!

ЭЛЕОНОРА. Какъ несправедливы люди, когда у нихъ тайны... Они считаютъ себя мудрыми, а оказываются глупцами! Но что же я могу съ этимъ подѣлать!

ВЕНІАМИНЪ. Почему же ты такая любопытная?

ЭЛЕОНОРА. Видишь ли, въ этомъ-то и моя болѣзнь, что я должна знать все, иначе я неспокойна.

ВЕНІАМИНЪ. Знать все?

ЭЛЕОНОРА. Это — недостатокъ, котораго я не могу побороть. А я вотъ знаю, о чемъ скворцы говорятъ.

ВЕНІАМИНЪ. Они же не могутъ говорить!

ЭЛЕОНОРА. Развѣ ты не слыхалъ, какъ говорятъ ученые скворцы?

ВЕНІАМИНЪ. Да, то — ученые!

ЭЛЕОНОРА. Значитъ, скворца можно-таки выучить говорить! А есть и такіе, которые сами выучиваются говорить, ну, такъ сказать, самоучки... Они сидятъ вотъ и прислушиваются, понимаешь, а мы-то и не замѣчаемъ этого. — вотъ они послѣ и говорятъ. Я слышала недавно, когда шла сюда, какъ два скворца сидѣли и переговаривались.

ВЕНІАМИНЪ. Да ты шутишь? Что же они говорили?

Элеонора. А вотъ! «Петръ»,—сказалъ одинъ. «Иуда»,—сказалъ другой. «Все равно»—сказалъ первый. «Фи, фи, фи»,—сказалъ второй. А ты замѣтилъ, что соловьи поютъ только вотъ тутъ, въ саду глухонѣмыхъ?

Веніаминъ. Да, я это знаю! Почему же это такъ?

Элеонора. А потому, что тѣ, кому данъ слухъ, не слышать, что говорятъ соловьи; а глухонѣмые вотъ слышатъ!

Веніаминъ. Расскажи еще сказку!

Элеонора. Да, если ты будешь расторопнѣе!

Веніаминъ. Въ чемъ расторопнѣе?

Элеонора. Ты никогда не долженъ запоминать мои слова и никогда не говорить, что самъ ты тутъ такъ сказалъ, а тамъ сказалъ такъ... Я буду говорить еще о птицахъ. Есть злая птица — мышеловъ; какъ видно изъ названія, она питается мышами. Но такъ какъ это — злая птица, то ей приходится ловить мышей съ большимъ трудомъ. И поэтому она можетъ произносить только одно слово, которое звучитъ, какъ кошачье «мяу!» И вотъ, едва сарычъ скажетъ «мяу», какъ мыши возьмутъ и попрячутся... а самъ сарычъ не понимаетъ, что онъ говоритъ, и часто безъ пищи остается, потому что онъ — гадкій! Хочешь слушать еще? Или мнѣ говорить о цвѣтахъ?.. Знаешь, когда я была больна, я приняла пилюлю изъ бѣлены, особенность которой—превращать глазъ въ увеличительное стекло... Напротивъ того, белладонна дѣйствуетъ такъ, что все представляется въ уменьшенномъ видѣ... Хорошо, а еще вотъ я могу видѣть дальше, чѣмъ другой; я могу видѣть звѣзды среди бѣлаго дня!

Веніаминъ. Но вѣдь звѣздъ на небѣ нѣтъ?

Элеонора. Какой ты смѣшной! Звѣзды всегда на небѣ... вотъ я сижу и смотрю на сѣверъ, на Кассіопею... въ видѣ W она расположена посреди Млечнаго Пути... а ты можешь ее видѣть?

ВЕНІАМИНЪ. Нѣтъ, не могу!

ЭЛЕОНОРА. Такъ вотъ, замѣть теперь, что одинъ человекъ можетъ видѣть то, чего другой не видитъ... поэтому не особенно довѣрай своимъ глазамъ. Теперь я буду говорить объ этомъ вотъ цвѣткѣ, что на столѣ... Это — дикій нарциссъ, растеть онъ въ Швейцаріи. Чашечка у него пропитана солнечнымъ свѣтомъ, оттого онъ и желтый и унимаетъ всякую боль... Я недавно проходила мимо цвѣточного магазина, увидѣла его и захотѣла подарить брату Элису... Когда я хотѣла войти въ лавку въ дверь съ улицы, она оказалась запертой... сегодня вѣдь день конфирмаціи. Но я же должна была имѣть цвѣтокъ... я вынула свой ключъ и попробовала... и, можешь себѣ представить, мой дверной ключъ подошелъ... И я вошла... Да, ты понимаешь тихую рѣчь цвѣтовъ? Каждый запахъ выражаетъ цѣлое множество мыслей, и эти мысли овладѣли мной, и своими увеличительными глазами я проникала въ сокровенныя ткани ихъ, куда не проникалъ никто. И цвѣты говорили со мной о своей скорби, которую причиняетъ имъ неразумный садовникъ, — я не говорю — безжалостный, потому что онъ только неразуменъ!.. Затѣмъ положила крону и свою карточку на прилавокъ — взяла цвѣтокъ и ушла.

ВЕНІАМИНЪ. Такъ необдуманно! Представь себѣ, спохватятся цвѣтка, а денегъ не найдутъ?

ЭЛЕОНОРА. И то правда! Ты правъ.

ВЕНІАМИНЪ. Вѣдь монета можетъ затеряться, и если найдутъ только твою карточку, ты пропала!

ЭЛЕОНОРА. Но вѣдь никто же не подумаетъ, что я хотѣла что-нибудь унести?

ВЕНІАМИНЪ пристально смотритъ на нее. Не подумаетъ?

ЭЛЕОНОРА смотритъ на него и встаетъ. Ахъ! Я знаю, что ты хочешь сказать! Каковъ отецъ, такова и дочь! Какъ

необдуманно я поступила! Какъ необдуманно! Ну! Чему быть, тому не миновать! Садится. И пусть!

Веніаминъ. Этого-то ужъ нельзя поправить...

Элеонора. Молчи! говори о чемъ-нибудь другомъ!.. Лекторъ Алгрень... Бѣдный Элисъ! Бѣдные всѣ мы! Но вѣдь теперь Пасха, и мы должны страдать. Да, завтра концертъ! Даютъ Гайдна! Семь словъ на крестѣ! «Мать, вотъ твой Сынъ!» Плачетъ, закрывъ лицо руками.

Веніаминъ. Что за болѣзнь была у тебя?

Элеонора. Это болѣзнь не смертельная, а во славу Божію! «Я ждала добра, а пришло зло! ждала свѣта, а пришла темнота...» Каково было твое дѣтство, Веніаминъ?

Веніаминъ. Не помню. Тяжелое. А твое?

Элеонора. У меня никогда не было дѣтства! Я родилась старухой. Я знала все, когда родилась, а когда чему-нибудь училась, то какъ бы только вспоминала... Я знала людскую... бессмысленность и людское невѣдѣніе, когда мнѣ было четыре года, и поэтому со мною обращались такъ дурно!

Веніаминъ. Обо всемъ, что ты говоришь, мнѣ кажется, я тоже думалъ!

Элеонора. И ты тоже думалъ!.. Почему ты рѣшилъ, что моя монета должна пропасть въ цвѣточномъ магазинѣ?

Веніаминъ. А потому, что дурное никогда не можетъ не случиться!

Элеонора. Ты это тоже замѣтилъ?.. Тише, теперь кто-то идетъ! Смотрить въ глубину. Я слышу... Элисъ!.. Ахъ, милый!.. Мой единственный другъ на землѣ!.. Она становится сумрачной. Но... онъ не ждетъ меня! Онъ не будетъ радъ видѣть меня. Нѣтъ, не будетъ!.. Конечно, нѣтъ! — Веніаминъ, Веніаминъ, будь дружелюбенъ и радостенъ, когда придетъ мой бѣдный братъ. Разъ я ужъ пришла сюда, то ты предупреди его о моемъ приходѣ. Только безъ же-

стокихъ словъ; мнѣ это такъ больно, слышишь! Дай мнѣ руку!

Веніаминъ протягиваетъ ей руку.

Элеонора цѣлуетъ его въ голову. Такъ! Теперь ты мой маленькій братъ! Да благословитъ и хранить тебя Господь! Уходить налѣво и мимоходомъ дружески гладитъ пальто Элиса по рукаву. Бѣдный Элисъ!

Элисъ изъ глубины, озабоченный.
Гейстъ изъ кухни.

Элисъ. А вотъ и мамочка!

Гейстъ. Это ты? Я какъ будто слышала чей-то чужой голосъ!

Элисъ. А у меня новости! Встрѣтилъ на улицѣ адвоката!

Гейстъ. Да ну?

Элисъ. Дѣло должно теперь перейти въ высшую инстанцію... и, чтобы выиграть время, я долженъ прочитать всѣ касающіяся дѣла бумаги.

Гейстъ. Ну, ты это сдѣлаешь сейчасъ же!

Элисъ, указывая на кипу бумагъ на письменномъ столѣ. Ахъ! Я думалъ, это кончилось; а тутъ я долженъ снова перестрадать всѣ эти ужасы — всѣ свидѣтельскія показанія, доказательства! Опять сначала!

Гейстъ. Да, но такимъ-то путемъ онъ будетъ оправданъ въ апелляціонномъ судѣ.

Элисъ. Нѣтъ, мама; онъ же сознался!

Гейстъ. Такъ-то такъ, но можетъ оказаться несоблюденіе формы въ чемъ-нибудь, такъ сказалъ мнѣ въ послѣдній разъ адвокатъ, когда я говорила съ нимъ!

Элисъ. Онъ сказалъ это, чтобы утѣшить тебя!

Гейстъ. А на обѣдъ ты не пойдешь?

Элисъ. Нѣтъ!

Гейстъ. Ну вотъ, опять раздумалъ!

Элисъ. Ну да!

Гвѣистъ. Это же нехорошо!

Элисъ. Знаю, но меня всегда кидаетъ, какъ щепку прибоемъ.

Гвѣистъ. А мнѣ ясно показалось, будто я слышу чей-то чужой голосъ, и будто-бы начинала его узнавать! — Ну, значить, ослышалась! Указывая на пальто. Пальто нельзя здѣсь вѣшать, я же говорила. Уходитъ направо.

Элисъ идетъ направо, замѣчаетъ на столѣ нарциссъ. Веніамину. Откуда этотъ цвѣтокъ?

Веніаминъ. Тутъ съ нимъ приходила одна молоденькая дѣвушка.

Элисъ. Дѣвушка! Это еще что? Кто же она?

Веніаминъ. Тутъ была...

Элисъ. Тутъ была... моя сестра?

Веніаминъ. Да.

Элисъ опускается въ стулъ у обѣденнаго стола.— Молчаніе.

Элисъ. Ты говорилъ съ ней?

Веніаминъ. О, да!

Элисъ. Боже мой, не слишкомъ ли рано это!.. Она сердилась на меня?

Веніаминъ. Она? Нѣтъ, она была такъ мила, такъ мила!

Элисъ. Удивительное дѣло!.. Говорила обо мнѣ? Она была очень зла на меня?

Веніаминъ. Да нѣтъ же, напротивъ! Она сказала, что вы были ея лучшимъ, единственнымъ другомъ на землѣ...

Элисъ. Какая странная переменна!

Веніаминъ. А когда она уходила, она погладила ваше пальто, вонъ то, по рукаву.

Элисъ. Ушла? Куда она ушла?

Веніаминъ, указывая на лѣвую дверь. Туда!

Элисъ. Значить, она тамъ?

ВЕНІАМИНЪ. Да.

Элисъ. У тебя такой радостный и привѣтливый видъ,
Веніаминъ.

ВЕНІАМИНЪ. Она такъ ласково говорила со мной...

Элисъ. О чемъ она говорила?

ВЕНІАМИНЪ. Разсказывала сказки, очень много говорила о религіи...

Элисъ встаетъ. Это и обрадовало тебя?

ВЕНІАМИНЪ. Да!

Элисъ. Бѣдная Элеонора, она такъ несчастна сама, а другимъ можетъ сообщать радость! Уходитъ налѣво, приостанавливается. Боже, помоги мнѣ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Страстная пятница. Музыка передъ этимъ дѣйствіемъ: Гайднъ, *Sieben Worte. Largo № 1. Pater — dimitte illis.*

Та же декорация, но занавѣски опущены и снаружи освѣщены газовыми фонарями. Висячая лампа зажжена, на обѣденномъ столѣ стоитъ горящая убавленнымъ свѣтомъ фотогеновая лампа. Огонь въ каминѣ.

У рабочаго стола сидятъ Элисъ и Кристина, ничѣмъ не заняты. За обѣденнымъ столомъ сидятъ Элеонора и Веніаминъ, другъ противъ друга, и читаютъ, имѣя лампу посерединѣ.

На плечи Элеоноры накинута шаль.

Всѣ одѣты въ черное; у Элиса и Веніамина бѣлые галстуки.

На письменномъ столѣ разложены судебныя бумаги. На рабочемъ столѣ стоитъ нарциссъ. На обѣденномъ—старые часы. На занавѣскахъ то и дѣло мелькаютъ тѣни проходящихъ по улицѣ.

Элисъ въ полголоса Крестинѣ. Да, страстная пятница! Но какъ она ужасно тянется! И снѣгъ лежитъ на мостовой, какъ солома передъ домомъ умирающаго; всѣ звуки смолкли, исключая гудѣнія органа, которое я слышу даже здѣсь...

Крестина. Мамаша, конечно, пошла къ вечернѣ...

Элисъ. Да, потому что къ обѣднѣ она не рѣшалась... людскіе взгляды причиняютъ ей страданіе...

Крестина. Странное дѣло съ этими людьми; они требуютъ, чтобы всѣ мы попрятались, они думаютъ, что такъ ужъ слѣдуетъ...

Элисъ. Да, и, пожалуй, это вполне законное требованіе...

Кристина. За промахъ одного человѣка цѣлая семья проклята...

Элисъ. Да, какъ есть!

Элеонора придвигаетъ лампу къ Веніамину, чтобы ему было виднѣе.

Элисъ, указывая на Элеонору и Веніамина. Посмотри на нихъ!

Кристина. Развѣ это не мило!.. Да еще въ какомъ ладу они живутъ!

Элисъ. Какое счастье, что Элеонора такъ спокойна Ахъ, если бъ только это могло продолжаться!

Кристина. А почему же и нѣтъ?

Элисъ. Потому... что счастье обыкновенно не можетъ столько длиться! Въ такой день я боюсь всего!

Веніаминъ тихо придвигаетъ лампу къ Элеонорѣ, чтобы ей было виднѣе.

Кристина. Посмотри на нихъ!

Элисъ. Ты замѣтила, какъ Веніаминъ перемѣнился! Его затаенное упрямство уступило мѣсто тихому подчиненію...

Кристина. Подумай, какъ она очаровательна во всемъ своемъ существѣ — не найдешь даже подходящаго слова!

Элисъ. И привела съ собой ангела мира, который невидимымъ образомъ бродитъ кругомъ и навѣваетъ тихій покой... Сама мать обнаружила спокойствіе, увидѣвъ ее, — спокойствіе, какого я и не ожидалъ.

Кристина. По-твоему она совсѣмъ поправилась?

Элисъ. Да, еслибы только не эта повышенная чувствительность. Вотъ она сидитъ, читаетъ Исторію Страстей Господнихъ и плачетъ иногда.

Кристина. Ну, помню, тѣмъ же самымъ и мы занимались въ школѣ, по средамъ во время поста...

Элисъ. Не говори такъ громко, она такъ хорошо слышитъ!

Кристина. Только не теперь! Сейчас она за тридцать земель!

Элисъ. Ты не замѣтила, что Веніаминъ сталъ нѣсколько степеннѣе, важнѣе во всѣхъ своихъ движеніяхъ?

Кристина. Страданіе, радость все опошляетъ.

Элисъ. А, пожалуй, тутъ скорѣе... любовь! Тебѣ не кажется, что они тутъ чуточку...

Кристина. Тише, тише, тише... не трогай крыльевъ мотылька! А то онъ улетитъ своей дорогой!

Элисъ. Они все посматриваютъ другъ на друга и только дѣлаютъ видъ, что читаютъ, потому что, насколько я слышу, ни одинъ листъ не шевельнется.

Кристина. Тише!

Элисъ. Видишь, теперь она не въ силахъ совладать съ собой...

Элеонора встаетъ, идетъ къ Веніамину и кладетъ свою шаль ему на плечи. Веніаминъ слегка противится, но повинуется; послѣ этого Элеонора идетъ назадъ, садится и передвигаетъ лампу на столу Веніамина.

Кристина. Бѣдная Элеонора, она и не знаетъ, какъ она доброжелательна.

Элисъ, вставъ. Ну-съ, я возвращаюсь къ своимъ судебнымъ дѣламъ.

Кристина. Ты видишь хоть какую-нибудь цѣль въ этомъ чтеніи?

Элисъ. Только одну: поддержать въ матери надежду! Но хотя я дѣлаю только видъ, что читаю,—при всемъ этомъ слово становится все-таки терніемъ, пронизывающимъ мои глаза до глубины. Свидѣтельскія показанія, цифровыя данныя, сознание отца... Какъ вотъ тутъ: «обвиняемый сознался со слезами на глазахъ»... Столько слезъ, столько слезъ. А эти бумаги... съ этими ихъ гербами, напоминающими фальшивыя кредитки или тюремныя замки;

а шнуры и красныя печати... Они похожи на пять Христовыхъ ранъ... выводы, которые никогда не приводятъ къ концу, вѣчная пытка... Занятіе на Страстную пятницу... Вчера сіяло солнце, вчера мы ѣхали въ деревню, въ мечтахъ... Кристина... подумай, какъ бы намъ не пришлось остаться на лѣто здѣсь.

Кристина. Тогда надо бы скопить побольше денегъ... но это же скучно!

Элисъ. Я бы не пережилъ этого ни за что... Три лѣта я прожилъ здѣсь... все равно, что въ гробу. Самый полдень, а передъ глазами длинная сѣрая улица извивается, какъ траншея... Ни одного живого человѣка, ни лошади, ни даже собаки... Изъ отверстій помойныхъ ямъ выбѣгаютъ крысы, потому что кошки и тѣ на дачахъ... А передъ окнами-шпіонами корпятъ какіе-то городскіе домохозяева и высматриваютъ платье своего ближняго... «Вонъ, вонъ тотъ ходитъ въ зимнемъ!» Слѣдятъ за стоптанными на бокъ башмаками своего ближняго, за его недостатками... Изъ квартиръ для бѣдныхъ выползаютъ калѣки, которые прятались передъ тѣмъ, люди безъ носовъ и ушей, озлобленные, несчастные люди... Они сидятъ на большихъ аллеяхъ и грѣются на солнцѣ, точь въ точь, какъ если бы они завоевали городъ... и тамъ, гдѣ недавно играли милыя нарядныя дѣти подъ нѣжный веселящій говоръ красивыхъ матерей, тамъ теперь слоняются толпами оборванцы, которые бранятся и мучаютъ другъ друга... Я помню такой Ивановъ день два года тому назадъ!

Кристина. Элисъ! Элисъ! Смотри впередъ, впередъ!

Элисъ. Развѣ тамъ свѣтлѣе?

Кристина. Будемъ надѣяться!

Элисъ садится у письменнаго стола. Лишь бы только снѣгъ пересталъ падать на дворѣ! И можно было бы выйти походить!

Кристина. Дорогой мой, вчера вечеромъ тебѣ хотѣ-

лось темноты, чтобы намъ укрыться отъ людскихъ взглядовъ... «Темнота такъ прекрасна, такъ благодѣтельна», сказалъ ты; «она словно набрасываетъ покровъ на голову!»

Элисъ. Такъ вотъ видишь, какъ бы тамъ ни было, несчастіе одинаково тяжело... Читаетъ свои бумаги. Но что хуже всего въ этомъ процессѣ, такъ это — наводящіе вопросы объ образѣ жизни моего отца... Тутъ вотъ сказано, что мы задавали блестящіе вечера... Одинъ свидѣтель утверждаетъ, что отецъ пилъ!.. Нѣтъ, это слишкомъ! Я больше не въ силахъ!.. Но при всемъ этомъ я долженъ... дойти до конца!.. Тебѣ не холодно?

Кристина. Нѣтъ, но и не тепло!.. А Лины все еще нѣтъ?

Элисъ. Она же у исповѣди, какъ тебѣ извѣстно.

Кристина. А мама вѣдь скоро вернется?

Элисъ. Я всегда боюсь, когда она возвращается изъ города, потому что она столько слышалась и столько посмотрѣлась... и все это дурно.

Кристина. Въ вашей семьѣ особенное чувство подавленности.

Элисъ. Потому что, кромѣ подавленныхъ людей, никто больше не желаетъ водить знакомства съ нами! Радостные травили насъ!

Кристина. А вотъ и мама идетъ черезъ кухню!

Элисъ. Не выходи при ней изъ терпѣнія.

Кристина. И не подумаю! Трудненько ей приходится со всѣми нами! Только я ее не понимаю.

Элисъ. Она всячески скрываетъ свой позоръ, какъ только можетъ, и поэтому ее и не разберешь. Бѣдная мама!

Гвистъ одѣта въ черное, съ молитвенникомъ и носовымъ платкомъ въ рукѣ. Добрый вечеръ, дѣтки!

Всѣ, кромѣ Веніамина, который привѣтствуетъ ее молча. Добрый вечеръ, мамочка!

Гейстъ. И всѣ-то мы въ черномъ, точно трауръ у насъ.

Молчаніе.

Элисъ. Что, снѣгъ все еще идетъ?

Гейстъ. Да, слякоть! У васъ тутъ холодно! Подходить къ Элеонорѣ и гладить ее. Ну, моя дѣвчурка, ты, вижу, все читаешь да изучаешь? Веніамину. А за одно ужъ и ты учишься!

Элеонора беретъ руку матери и подноситъ ее къ губамъ.

Гейстъ, подавляя свое волненіе. Такъ, дѣточка! такъ, такъ!

Элеонора. Ты ходила къ вечернѣ, мама?

Гейстъ. Да, служилъ младшій священникъ, только я не люблю его.

Элеонора. Встрѣтила кого-нибудь изъ знакомыхъ?

Гейстъ присаживается къ рабочему столу. Лучше было бы мнѣ никого не встрѣчать!

Элеонора. Тогда я знаю, кого...

Гейстъ. Линдквиста! Онъ прямо подошелъ ко мнѣ...

Элисъ. Какая жестокость, какая жестокость.

Гейстъ. Справлялся, какъ наши дѣла... и представь себѣ мое изумленіе, онъ спрашивалъ, можно ли ему сдѣлать визитъ вечеромъ.

Элисъ. Наканунѣ праздника?

Гейстъ. Я ничего не отвѣтила! И онъ принялъ мое молчаніе за согласіе! Молчаніе. Должно быть, онъ уже гдѣ-нибудь поблизости.

Элисъ, вставая. Здѣсь? Теперь?

Гейстъ. Онъ сказалъ, что хочетъ передать какую-то бумагу, которая и заставляетъ его торопиться.

Элисъ. Онъ хочетъ взять мебель.

Гейстъ. Но у него былъ такой чудной видъ... я его не поняла!

Элисъ. Такъ пусть приходитъ. По-своему онъ правъ, и намъ остается только преклониться. Мы должны принять его подобающимъ образомъ, когда онъ пожалуетъ.

Гейстъ. Только я постараюсь не видать его!

Элисъ. Да, ты можешь не выходить изъ комнаты...

Гейстъ. Но мебели онъ не получитъ. Что мы, должны жить на дворѣ, что ли, разъ онъ увезетъ всѣ вещи? Нельзя же оставаться въ пустой квартирѣ! Вотъ что!

Элисъ. У лисицъ есть норы, у птицъ—гнѣзда... а тутъ неприютные, живущіе въ лѣсу.

Гейстъ. Тамъ мѣсто разбойникамъ, а не честнымъ людямъ.

Элисъ у письменнаго стола. Ну-съ, мамочка, я читаю!

Гейстъ. Нашелъ какую-нибудь неправильность?

Элисъ. Нѣтъ, да я думаю, что никакой и не окажется!

Гейстъ. Но я недавно встрѣтилась съ городскимъ нотаріусомъ, онъ сказалъ, что какое-нибудь несоблюденіе формы непременно должно оказаться: незаконный свидѣтель, недоказанное утвержденіе или противорѣчіе. Ты, должно быть, недостаточно внимательно читаешь!

Элисъ. Ахъ, мама, это же такъ мучительно...

Гейстъ. Вотъ что еще, недавно я тутъ встрѣтила городского нотаріуса — правда, я объ этомъ уже говорила — и онъ рассказалъ про одну кражу со взломомъ, которая была совершена у насъ въ городѣ вчера среди бѣлаго дня.

Элеонора и Веніаминъ прислушиваются.

Элисъ. Кража со взломомъ? Здѣсь въ городѣ? Гдѣ же?

Гейстъ. Это, якобы, произошло въ цвѣточномъ магазинѣ на Монастырской. Только это было очень чудно съ

начала до конца. Дѣло было вотъ какъ: торговецъ заперъ свою лавку, чтобы отправиться въ церковь, гдѣ его сынъ... а, можетъ быть, и дочь, должна была конфирмоваться. А когда вернулся домой, около трехъ, а, можетъ быть, и около четырехъ, ну, да это и не важно... да, то дверь въ магазинѣ была отперта, а цвѣтовъ недоставало, массы цвѣтовъ, и, въ частности, желтаго тюльпана, на что онъ прежде всего и обратилъ вниманіе!

Эли сь. Тюльпана! Я боюсь, не былъ ли то нарциссъ!

Гвейстъ. Нѣтъ, тюльпанъ; это ужъ вѣрнѣе вѣрнаго. Ну вотъ, и полиція теперь все время на ногахъ.

Элеонора встаетъ, какъ бы желая говорить, но Вениаминъ подходитъ къ ней и что-то шепчетъ.

Гвейстъ. И подумать только, совершить кражу со взломомъ въ самый великій четвергъ, когда молодежь конфирмуется... Одни мерзавцы, весь городъ! И вотъ почему невинные люди сидятъ въ тюрьмѣ.

Эли сь. И никто не заподозрѣнъ?

Гвейстъ. Нѣтъ. Но и чудной же былъ воръ, потому что денегъ изъ кассы онъ не взялъ ни гроша!..

Кристина. Ахъ, только бы этотъ день кончился!

Гвейстъ. И только бы Лина вернулась!.. Да, я слышала разговоръ о вчерашнемъ обѣдѣ у Петра! Самъ губернаторъ пожаловалъ.

Эли сь. Меня это удивляетъ, потому что Петръ всегда былъ противъ губернаторской партіи!

Гвейстъ. Ну, значить, онъ теперь перемѣнился.

Эли сь. Видно, его недаромъ зовутъ Петромъ.

Гвейстъ. Что же ты имѣешь противъ губернатора?

Эли сь. Это же ходячая помѣха! Онъ мѣшаетъ во всемъ; помѣшалъ дѣлу народнаго университета, помѣшалъ воинскимъ упражненіямъ молодежи, хотѣлъ помѣшать невин-

нымъ кружкамъ, прекраснымъ лѣтнимъ школьнымъ колоніямъ... помѣшалъ и мнѣ!

Гвѣйстъ. Вотъ этого я не понимаю... ну, да это все равно. Во всякомъ случаѣ, губернаторъ говорилъ рѣчь... а Петръ благодарилъ...

Элисъ. ...былъ тронуть, предполагаю, отрекался отъ своего учителя и говорилъ: «Я не знаю этого человѣка!» И снова пропѣлъ пѣтухъ! Развѣ Понтій, по прозвищу Пилать, не назывался губернаторомъ? Элеонора дѣлаетъ движеніе, какъ бы желая говорить, но успокаивается.

Гвѣйстъ. Ты не долженъ быть такъ рѣзокъ, Элисъ. Люди — люди, къ тому же ихъ приходится имѣть на шеѣ!

Элисъ. Тише! Я слышу шаги Линдквиста!

Гвѣйстъ. Ты можешь слышать шаги по снѣгу?

Элисъ. Я слышу, какъ его палка стучитъ о камни, и его кожаные калоши!.. Уходи, мама!

Гвѣйстъ. Нѣтъ, я останусь, я должна ему сказать кое-что!

Кристина. Милая мама, уходи! Это же слишкомъ тяжело!

Гвѣйстъ встаетъ, потрясенная. День, въ который я родилась, лучше бы совсѣмъ изгладить изъ памяти!

Элеонора съ крикомъ ужаса. Мама!

Гвѣйстъ. Боже мой, зачѣмъ ты оставилъ меня! И моихъ дѣтей! Уходишь налѣво.

Элисъ, прислушиваясь. Остановился!.. Быть можетъ, думаетъ, что сегодня не время... или слишкомъ безчеловѣчно... Но онъ, конечно, этого не думаетъ; человѣкъ, который могъ писать такія ужасныя письма! И всегда на синей бумагѣ — и съ этихъ поръ я не могу видѣть синяго письма безъ того, чтобы не дрожать!

Кристина. Что ты намѣренъ сказать, что ты намѣренъ ему предложить?

Элисъ. Не знаю! Я потерялъ всякое присутствіе духа,

всякое соображеніе... Не пасть же мнѣ передъ нимъ на колѣни, не просить же помилованія... Ты слышишь его шаги? Я не слышу ничего, кромѣ крови, которая шумитъ у меня въ ушахъ!

Кристина. Будемъ ожидать самаго худшаго! Онъ возьметъ все...

Элисъ. Идетъ хозяинъ дома и хочетъ получить долгъ, который я не могу выплатить... Онъ хочетъ получить долгъ, а стоимость мебели не превышаетъ даже платы за наемъ!

Кристина, выглянувъ на улицу изъ-за занавѣски. Да его больше нѣтъ здѣсь! Онъ ушелъ!

Элисъ. Охъ!.. Знаешь, беззаботная покорность матери для меня мучительнѣе, чѣмъ ея гнѣвъ!

Кристина. Ея покорность просто-напросто дѣланная или воображаемая. Въ ея послѣднихъ словахъ звучало что-то въ родѣ рычанія львицы. Ты видѣлъ, какой великой она стала?

Элисъ. Знаешь, когда я вотъ думаю о Линдквистѣ, то онъ мнѣ представляется добродушнымъ великаномъ, который хочетъ только поугатъ дѣтей! Какъ это могло притти мнѣ въ голову?

Кристина. Мысли приходятъ и уходятъ...

Элисъ. Какое счастье, что я не былъ вчера на обѣдѣ... Мнѣ непременно пришлось бы сказать рѣчь противъ губернатора и, такимъ путемъ, я погубилъ бы все и для себя и для насъ! Это было большое счастье!

Кристина. Вотъ видишь!

Элисъ. Спасибо за совѣтъ. Ты знала своего Петра!

Кристина. Моего Петра!

Элисъ. Я хотѣлъ сказать... моего! Смотри, теперь онъ снова здѣсь! Горе намъ!

На занавѣскѣ видна тѣнь человѣка, который нерѣшительно приближается. Тѣнь

мало-по-малу увеличивается и становится гигантскою. Всѣ приходятъ въ величайшее безпокойство.

Элисъ. Великанъ! Вонъ великанъ, который готовъ проглотить насъ!

Кристина. Ну, это смѣшно, какъ въ сказкахъ!

Элисъ. Я больше не могу смѣяться!

Тѣнь уменьшается и исчезаетъ.

Кристина. Посмотри на палку, и непременно захочешь!

Элисъ. Ушелъ. Да, теперь я вздохну, потому что теперь-то онъ уже не вернется назадъ раньше, чѣмъ завтра! Ухъ!

Кристина. А завтра солнышко засіяетъ, потому что завтра вечеръ передъ возстаніемъ изъ мертвыхъ, и снѣгъ растаетъ, и птицы запоютъ.

Элисъ. Говори, говори еще! Я вижу все, о чемъ ты говоришь.

Кристина. А если бы ты могъ заглянуть въ мое сердце, если бъ ты могъ видѣть мои мысли, мои добрыя намѣренія, мою самую затаенную молитву, Элисъ, Элисъ, ты бы тогда... Останавливается.

Элисъ. Тогда бы что, скажи?

Кристина. Ну... тогда бы я... просила тебя объ одной вещи.

Элисъ. Говори!

Кристина. Это — опытъ! Элисъ, думай, что это просто опытъ!

Элисъ. Опытъ! Испытаніе? Ну, ну!

Кристина. Позволь мнѣ... Нѣтъ, у меня не хватаетъ смѣлости! Это можетъ принять дурной оборотъ. Элеонора прислушивается.

Элисъ. Зачѣмъ ты меня мучаешь?

Кристина. Мнѣ придется раскаться, я это знаю!..

И пусть! Элисъ, позволь мнѣ пойти вечеромъ въ концертъ.

Элисъ. Въ какой концертъ?

Кристина. Гайднъ: Семь словъ на крестѣ, въ сборѣ!

Элисъ. Съ кѣмъ?

Кристина. Съ Алисой.

Элисъ. И?..

Кристина. Петромъ!

Элисъ. Съ Петромъ?

Кристина. Ну вотъ, ты ужъ и насупился!.. Я раскаиваюсь, но теперь уже поздно!

Элисъ. Да, позднечко! Но объяснись же!

Кристина. Я же предупредила тебя, что мнѣ нельзя объяснить, и поэтому я прошу твоего безконечнаго довѣрія.

Элисъ кротно. Иди! Я полагаюсь на тебя; но при всемъ этомъ мнѣ больно, что ты ищешь общества предателя!

Кристина. Я это понимаю! Но вѣдь это же испытаніе!

Элисъ. Выдержать которое у меня нѣтъ силъ!

Кристина. Ты долженъ!

Элисъ. Я хочу, но я не могу! Во всякомъ случаѣ, ты должна итти!

Кристина. Твою руку!

Элисъ подаетъ руку. Вотъ она!

Звонятъ въ телефонъ.

Элисъ у телефона. Галло!.. Никакого отвѣта!.. Галло!.. Отвѣчаютъ моимъ же собственнымъ голосомъ!.. Кто говорить... Вотъ удивительно, я слышу свой собственный голосъ, какъ эхо!

Кристина. Это бываетъ.

Элисъ. Галло!.. Теперь перестали! Даетъ отбой. Ну, иди,

Кристина! Безъ объясненій, безъ затрудненій. Я постараюсь выдержать испытаніе!

Кристина. Сдѣлай это, и отлично будетъ для насъ!
Элисъ. Хорошо!

Кристина идетъ направо.

Элисъ. Почему ты идешь этой дорогой?

Кристина. Да у меня же тамъ платье! Итакъ, пока-мѣстъ до свиданія! Уходить.

Элисъ. Прощай, мой другъ! Молчаніе. Навѣки! Быстро уходить налѣво.

Молчаніе.

Элеонора. Ради Бога, что же я тутъ надѣлала! Полиція ищетъ виновника, и если откроется, что это я,— бѣдная мама, бѣдный Элисъ!

Веніаминъ простодушно. Элеонора, ты должна сказать, что все это сдѣлалъ я!

Элеонора. Ты, ты можешь взять на себя чужую вину, дитя?

Веніаминъ. Нѣтъ ничего легче, когда знаешь, что самъ-то невиненъ.

Элеонора. Не слѣдуетъ шутить никогда!

Веніаминъ. Да нѣтъ же, позволь мнѣ телефонировать въ цвѣточный магазинъ и сказать, въ чемъ дѣло!

Элеонора. Нѣтъ, я поступила дурно, я же должна быть и наказана безпокойствомъ. Я разбудила ихъ ужасъ передъ преступленіемъ, такъ я сама должна ужаснуться.

Веніаминъ. А если полиція явится...

Элеонора. Это, конечно, тяжело... но такъ должно быть! Ахъ, только бы этотъ день кончился! Беретъ часы со стола и переводитъ стрѣлку. Быстрое время, прибавь еще бѣгу! Тикъ, такъ, динь, динь, динь! Теперъ восемь. Динь, динь, динь... теперъ уже девять. Десять! Одиннадцать! Двѣнадцать!.. Вотъ и святая суббота. Вотъ и солнышко скоро взойдетъ, мы будемъ дѣлать надписи на пасхальныхъ

яичкахъ! Я вотъ что напишу: «Смотри! Недругъ просилъ, чтобы онъ просѣялъ васъ, какъ пшеницу, но я молился за тебя...»

Веніаминъ. Почему ты сама себѣ такъ больно дѣлаешь, Элеонора?

Элеонора. Себѣ! Больно! Подумай, Веніаминъ, обо всѣхъ расцвѣтшихъ цвѣткахъ, объ анемонахъ, подснежникахъ, которые должны были стоять въ снѣгу цѣлый день и всю ночь и мерзнуть въ темнотѣ. Подумай, какъ они должны страдать! Ночью тяжелѣе всего, потому что темно, а они боятся темноты, и не могутъ убѣжать своей дорогой... и вотъ они стоятъ и ждутъ, когда настанетъ день. Все, все страдаетъ, но цвѣты больше всего! А перелетныя птицы, которыя уже прилетѣли! Гдѣ онѣ будутъ спать эту ночь?

Веніаминъ простодушно. Онѣ будутъ сидѣть въ древесныхъ дуплахъ, ты же знаешь.

Элеонора. Но не найдется столько дуплистыхъ деревьевъ, чтобы хватило на всѣхъ! Здѣсь въ паркѣ я видѣла всего два дерева съ дупломъ, и на нихъ поселились совы, которыя убиваютъ маленькихъ птичекъ... Бѣдный Элисъ, онъ думаетъ, что Кристина ушла отъ него; но я знаю, что она вернется!

Веніаминъ. Если ты знаешь, то почему ты не сказала?

Элеонора. Потому что Элисъ долженъ страдать; всѣ должны страдать сегодня, въ Великую пятницу, потому что всѣ должны вспоминать о Христѣ, страдающемъ на крестѣ. Съ улицы доносится полицейскій свистокъ.

Элеонора поднимается. Что это такое?

Веніаминъ встаетъ. Не знаешь?

Элеонора. Нѣтъ!

Веніаминъ. Это полиція!

Элеонора. Ахъ!.. Да, такой же звукъ былъ, когда

они должны были явиться и схватить отца... я тогда-то и заболѣла! Теперь они придутъ и возьмутъ меня.

ВЕНІАМИНЪ становится между дверью и Элеонорой. Нѣтъ, они не возьмутъ тебя! Я защищу тебя, Элеонора.

ЭЛЕОНОРА. Это очень мило, Веніаминъ, но ты этого не сдѣлаешь...

ВЕНІАМИНЪ смотритъ сквозь занавѣску. Тутъ ихъ двое! Элеонора хочетъ оттолкнуть Веніамина въ сторону, но онъ оказываетъ осторожное сопротивленіе. Нѣтъ, не ты, Элеонора, иначе я не стану больше жить!

ЭЛЕОНОРА. Ступай, садись вонъ въ то кресло, дитя! Иди, садись!

Веніаминъ садится неохотно.

ЭЛЕОНОРА смотритъ на улицу изъ-за занавѣски, не скрываясь. Да это же двое мальчишекъ! О, мы маловѣрные; ты думаешь, Господь такъ безжалостенъ; вѣдь я же не сдѣлала ничего дурного, а только поступила необдуманно... Я этого заслужила! И зачѣмъ я сомнѣвалась!

ВЕНІАМИНЪ. А завтра явится тотъ, кто заберетъ мебель.

ЭЛЕОНОРА. Пусть приходитъ! И мы должны уйти ото всего... отъ всей старой мебели, которую отецъ собралъ для насъ и которую я видѣла съ самаго ранняго дѣтства! Да, не нужно имѣть ничего, что привязываетъ къ землѣ. Итти по каменистымъ путямъ и скитаться съ израненными ногами... эта дорога ведетъ къ высотѣ, и потому она трудная...

ВЕНІАМИНЪ. Ты вотъ опять мучаешь себя, Элеонора!

ЭЛЕОНОРА. Оставь меня! А знаешь, съ чѣмъ мнѣ труднѣе всего разстаться? Вотъ съ этими часами! Они были здѣсь, когда я родилась, и они же отсчитывали мои часы и дни... Поднимаетъ часы со стола. Слышишь, они бьются какъ сердце... совсѣмъ какъ сердце... они остановились въ тотъ самый часъ, когда умеръ дѣдушка, потому что они были у насъ уже тогда! Бѣдные часы, вамъ скоро придется остановиться

снова!.. Знаешь, они всегда начинали спѣшить, когда у насъ въ домѣ бывало несчастіе, точно они хотѣли уйти отъ зла ради насъ, разумѣется! А когда приходила свѣтлая пора, они замедляли свой ходъ, чтобы намъ можно было наслаждаться ею дольше. Это были славные часики! Но у насъ были и злые часы... они теперь висятъ въ кухнѣ! Они не выносятъ музыки. И вотъ они торчатъ на кухнѣ, потому что они были отвратительные часы. Но Лина ихъ тоже не любитъ, за то, что они не молчатъ по ночамъ, и по нимъ она не можетъ варить яицъ... Потому что, Лина говоритъ, яйца свариваются всегда въ кругую! Ну вотъ, ты хохочешь...

Веніаминъ. Да что же мнѣ дѣлать!

Элеонора. Ты славный малый, Веніаминъ, но ты долженъ быть серьезень! Подумай о вѣткѣ, которая торчитъ вонъ тамъ за зеркаломъ!

Веніаминъ. Но ты такъ забавно говоришь... мнѣ нельзя не смѣяться, да и къ чему вѣчно плакать?

Элеонора. Развѣ не должно плакать въ юдоли плача; гдѣ же тогда и плакать?

Веніаминъ. Гм!

Элеонора. Ты хотѣлъ бы смѣяться по цѣлымъ днямъ, это тебѣ и удавалось! Но я люблю тебя только когда ты серьезень. Помни!

Веніаминъ. Ты думаешь, что все это пройдетъ для насъ, Элеонора?

Элеонора. Да, только вотъ пройдетъ Страстная пятница, и большая часть уляжется. Но не все! Сегодня розги, завтра пасхальные яйца! Сегодня снѣгъ, завтра оттепель! Сегодня смерть, завтра воскресеніе!

Веніаминъ. Какъ ты мудра!

Элеонора. Да, я уже чувствую, что на дворѣ разсвѣло къ ясной погодѣ, что снѣгъ таетъ!.. Уже и здѣсь запахло талымъ снѣгомъ... а завтра распустятся фіалки у

южной стѣны! Тучи поднялись, я это чувствую по своему вздоху... ахъ, я отлично знаю, когда онъ вырывается къ открытымъ небесамъ... Ступай, подыми занавѣски, Веніаминъ, я хочу, чтобы Богъ видѣлъ насъ!

Веніаминъ встаетъ и исполняетъ приказаніе. Лунный свѣтъ падаетъ въ комнату.

Элеонора. Видишь полнолуніе! Пасхальное! И теперь ты знаешь, что солнце не погасло, хотя только мѣсяць свѣтитъ!

ДѢЙСТВІЕ III.

Страстная суббота.

Музыка передъ этимъ дѣйствиємъ: Гайднъ, Семь словъ, № 5 Adagio. Та же декорація, только занавѣски приподняты. Тотъ же наружный пейзажъ, только въ пасмурный день, огонь въ каминѣ; дверь въ глубинѣ заперта.

ЭЛЕОНОРА сидитъ передъ каминомъ и держитъ передъ собой букетъ изъ анемоновъ.

ВЕНІАМИНЪ входитъ справа.

ЭЛЕОНОРА. Гдѣ ты былъ такъ долго, Веніаминъ?

ВЕНІАМИНЪ. Да это же недолго!

ЭЛЕОНОРА. Я такъ ждала тебя!

ВЕНІАМИНЪ. А гдѣ же ты была, Элеонора?

ЭЛЕОНОРА. Я была на рынкѣ, купила анемоновъ, и теперь должна согрѣвать ихъ, — бѣдные, они озябли.

ВЕНІАМИНЪ. Гдѣ же солнце?

ЭЛЕОНОРА. За туманомъ; тучъ сегодня нѣтъ, это только туманъ съ моря, потому что отъ него такъ пахнетъ солью...

ВЕНІАМИНЪ. Ты видѣла, птицы еще живутъ здѣсь?

ЭЛЕОНОРА. Да, ни единый волосъ не упадетъ на землю безъ воли Божьей. Ну, а на рынкѣ... тамъ-то вотъ есть и мертвыя птицы...

ЭЛИСЪ справа. Газету принесли?

ЭЛЕОНОРА. Нѣтъ, Элисъ!

ЭЛИСЪ идетъ черезъ сцену; когда онъ выходитъ на середину, слѣва появляется Кристина.

КРИСТИНА, не замѣчая Элиса. Газету принесли?

ЭЛЕОНОРА. Нѣтъ, не приносили! Кристина идетъ черезъ спешу направо, мимо Элиса, который уходитъ налево,—они не смотрятъ другъ на друга.

ЭЛЕОНОРА. Фу, какъ холодно стало! Это — ненависть вошла въ домъ! Пока здѣсь была любовь, можно было выносить все, но теперь, фу, какой холодъ!

ВЕНІАМИНЪ. Зачѣмъ они спрашиваютъ газету?

ЭЛЕОНОРА. Развѣ ты не понимаешь? Вѣдь тамъ-то именно должно быть напечатано...

ВЕНІАМИНЪ. Про что?

ЭЛЕОНОРА. Про все! Про кражу, полицію и прочее такое...

ГЕЙСТЪ справа. Принесли газету?

ЭЛЕОНОРА. Нѣтъ, мамочка!

ГЕЙСТЪ снова уходитъ направо. Когда принесутъ, сейчасъ же скажи!

ЭЛЕОНОРА. Газета, газета!.. Ахъ, если бъ типографія рухнула, если бъ редакторъ заболѣлъ... нѣтъ, такъ нельзя говорить! Знаешь, ночью я была у отца...

ВЕНІАМИНЪ. Ночью?

ЭЛЕОНОРА. Да, во снѣ... была также и въ Америкѣ у сестры... третьяго дня она торговала на тридцать, а выручила пять долларовъ.

ВЕНІАМИНЪ. Это много или мало?

ЭЛЕОНОРА. Это очень много!

ВЕНІАМИНЪ вкрадчиво. Встрѣтила ты кого-нибудь изъ знакомыхъ на рынкѣ?

ЭЛЕОНОРА. Зачѣмъ ты спрашиваешь? Ты не долженъ хитрить со мной, Веніаминъ; ты хочешь знать мои тайны, но это тебѣ не удастся.

ВЕНІАМИНЪ. А ты думаешь, что такимъ-то образомъ ты узнаешь мои!

ЭЛЕОНОРА. Слышишь, какъ поетъ въ телефонныхъ проволокахъ. Значитъ, газета теперь уже вышла; и вотъ

люди переговариваются по телефону! «Читали?» «Какъ же, читалъ!» «Развѣ это не ужасно?»

Веніаминъ. Что ужасно?

Элеонора. Все! Вся жизнь ужасна! Но мы все-таки должны быть довольны!.. Подумай объ Элисѣ и Крестинѣ; они любятъ другъ друга и при всемъ этомъ ненавидятъ другъ друга, даже термометръ падаетъ, когда они проходятъ черезъ комнату! Вчера она была на концертѣ, а сегодня они не разговариваютъ... но почему, почему?

Веніаминъ. А потому, что твой братъ ревнивъ!

Элеонора. Не произноси этого слова! Да и что ты, наконецъ, въ этомъ понимаешь, кромѣ того, что это болѣзнь, и, слѣдовательно, кара. Но не нужно прикасаться ко злу, а то оно овладѣетъ тобой! Посмотри только на Элиса; развѣ ты не замѣтилъ, какъ онъ перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ началъ рыться въ этихъ бумагахъ!..

Веніаминъ. Въ судебныхъ дѣлахъ?

Элеонора. Ну да! Развѣ не оказывается, что вся эта злоба какъ бы ворвалась въ его душу и выступила теперь у него на лицѣ, въ глазахъ... Кристина чувствуетъ это на себѣ, и чтобы его гнѣвъ не передался и ей, облачается въ ледяную броню! Ахъ, эти бумаги; я бы ихъ сожгла! Въ нихъ — очагъ озлобленія, лицемѣрія и мщенія. Поэтому, дитя мое, ты долженъ удалять отъ себя злое и нечестное, отъ своихъ устъ и отъ своего сердца!

Веніаминъ. У тебя все на примѣтѣ!

Элеонора. Знаешь, что меня ожидаетъ въ томъ случаѣ, если и Элисъ и другіе убѣдятся, что это я украла нарциссъ такимъ образомъ?

Веніаминъ. Что же они намѣрены сдѣлать съ тобой?

Элеонора. Меня отошлютъ назадъ, туда, откуда я пришла, гдѣ солнце не свѣтитъ, гдѣ стѣны — бѣлыя и голыя, какъ въ банѣ, гдѣ раздается только плачь и жалобы, гдѣ я просидѣла цѣлый годъ своей жизни!

Веніаминъ. О какомъ мѣстѣ ты говоришь?

Элеонора. Гдѣ терзаются тяжелѣе, чѣмъ въ тюрьмѣ, гдѣ живутъ несчастные, гдѣ жилище тревоги, гдѣ отчаяніе бодрствуетъ день и ночь и откуда никто не возвращается.

Веніаминъ. Тяжелѣе, чѣмъ въ тюрьмѣ, о чемъ ты говоришь?

Элеонора. Въ тюрьмѣ только виновные, тамъ же— осужденные навѣки! Въ тюрьмѣ испытуютъ и выслушиваютъ, а тамъ ужъ никто не услышитъ!.. Бѣдный нарциссъ, онъ всему виной. Я такъ хотѣла добра и поступила такъ дурно!

Веніаминъ. Но почему же тебѣ не пойти въ цвѣточный магазинъ и не сказать: «Это я!» Ты совсѣмъ какъ ягненокъ, идущій на закланіе.

Элеонора. Когда онъ знаетъ, что онъ осужденъ на закланіе, онъ не жалуется и не ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Какъ ему иначе поступить!

Элисъ входитъ справа съ письмомъ въ рукѣ. Газеты все еще нѣтъ?

Элеонора. Нѣтъ, Элисъ!

Элисъ оборачивается, говорить въ кухню. Пусть Лина сходить за газетой!..

Гейстъ справа.

Элисъ. Элеонорѣ и Веніамину. Уйдите, дѣти, на минутку.

Элеонора и Веніаминъ уходятъ направо.

Гейстъ. Ты получилъ письмо?

Элисъ. Да!

Гейстъ. Изъ лѣчебницы?

Элисъ. Да!

Гейстъ. Что же имъ нужно?

Элисъ. Они требуютъ Элеонору назадъ.

Гейстъ. Этого-то имъ не дожидаться! Это моя дочь!

Элисъ. И моя сестра.

Гейстъ. А какъ же по-твоему быть?

Элисъ. Не знаю! Я больше не въ состоянїи думать!

Гейстъ. За то я могу... Элеонора, дитя скорби, вернулась къ намъ съ радостью, хотя бы и не отъ міра сего; ея душевная тревога обратилась въ спокойствіе, которое сообщается и намъ. Въ здоровомъ она разсудкѣ или нѣтъ! Для меня она мудрая, потому что умѣетъ сносить бремя жизни лучше, чѣмъ я, чѣмъ мы. Наконецъ, Элисъ, въ своемъ я умѣ, въ своемъ я была умѣ, когда считала своего мужа невиннымъ? Я же знала, что онъ былъ изобличенъ вещественными доказательствами и явился съ повинной самъ! А ты, Элисъ, ты въ здоровомъ умѣ, если не видишь, что Кристина любитъ тебя! Если ты увѣренъ, что она ненавидитъ тебя?

Элисъ. Какой удивительный способъ любить!

Гейстъ. Да нѣтъ же! Твой холодъ расхолаживаетъ ее въ душѣ, и это ты ненавидишь ее. Но ты неправъ, и, стало быть, тебѣ нельзя не страдать!

Элисъ. Въ чемъ же я могу быть неправъ? Развѣ она не ушла вчера вечеромъ съ моимъ вѣроломнымъ другомъ?

Гейстъ. Ну-съ, ушла, и съ твоего вѣдома. Но зачѣмъ ушла? Да, вотъ что тебѣ слѣдовало угадать!

Элисъ. Нѣтъ, я не могу.

Гейстъ. Хорошо! Такъ и носись съ тѣмъ, съ чѣмъ носишься!

Дверь въ кухню открывается, чья-то рука просовываетъ газету, которую Гейстъ беретъ и передаетъ Элису.

Элисъ. Это было единственное настоящее несчастье! Съ нею я могъ бы снести все другія! А теперь рухнетъ послѣдняя опора, и вотъ я падаю!

Гейстъ. Падай, но падай правымъ, и ты еще сможешь стать на ноги впоследствии... Ну, что новаго въ газетѣ?

Элисъ. Не знаю; я сегодня боюсь газеты!

Гейстъ. Давай сюда, я прочту!

Элисъ. Нѣтъ! Подожди немного!..

Гейстъ. Чего ты боишься, что ты предчувствуешь?..

Элисъ. Самое худшее.

Гейстъ. Это уже было раньше столько разъ... Ахъ, дитя, если бы ты зналъ мою жизнь, если бы ты былъ со мной, когда твой отецъ на моихъ глазахъ шагъ за шагомъ шель къ гибели, а я не могла предостеречь многихъ, кого онъ велъ къ несчастію. Когда онъ палъ, я чувствовала себя соучастницей въ преступленіи, потому что я же знала о преступленіи, и если бы судья не былъ разсудительнымъ человѣкомъ, вошедшимъ въ мое тяжелое положеніе жены, за одно покарали бы и меня!

Элисъ. Почему онъ палъ, нашъ отецъ? Я этого никогда не могъ понять.

Гейстъ. Изъ-за гордыни, какъ всѣ мы!

Элисъ. И почему мы, невинные, должны страдать за его вину?

Гейстъ. Молчи!.. Молчаніе, во время котораго она беретъ газету и читаетъ. Элисъ волнуясь ходитъ взадъ и впередъ.

Гейстъ. Что это?.. Развѣ я не говорила, что между прочимъ въ цвѣточномъ магазинѣ былъ украденъ и желтый тюльпанъ?

Элисъ. Да, я это ясно помню!

Гейстъ. А тутъ напечатано... Желтый нарциссъ!

Элисъ въ ужасѣ. Такъ и напечатано?

Гейстъ, опускаясь въ кресло. Это же Элеонора! Боже мой! Боже мсй!

Элисъ. Стало быть, на томъ не кончилось!

Гейстъ. Тюрьма или лѣчебница!

Элисъ. Невозможно, чтобы она это сдѣлала! Невозможно!

Гейстъ. И вотъ теперь имя семьи будетъ поругано снова...

Элисъ. Она заподозрѣна?

Гейстъ. Тутъ сказано, что подозрѣніе падаетъ на опредѣленное лицо, ну и совершенно очевидно на кого.

Элисъ. Я долженъ переговорить съ ней!

Гейстъ встаетъ. Только ласково! А то я больше не въ силахъ... Она погибла... вернулась и погибла... Переговори съ ней! Уходить направо.

Элисъ. Охъ! Идетъ къ двери налѣво. Элеонора, дитя мое! Иди сюда, мнѣ нужно переговорить съ тобой!

ЭЛЕОНОРА выходитъ съ распущенными волосами. Я хотѣла завиться!

Элисъ. Пусть ихъ! Скажи, сестрица, откуда у тебя этотъ цвѣтокъ?

Элеонора. Я его взяла...

Элисъ. О, Боже!

ЭЛЕОНОРА, опустивъ голову, подавленная, скрестивъ руки на груди. Но я тутъ же оставила деньги.

Элисъ. Значитъ, заплатила за цвѣтокъ?

Элеонора. И да, и нѣтъ! Во всякомъ случаѣ это возмутительно... только я не сдѣлала ничего дурного... кромѣ добра я ничего не хотѣла... ты вѣришь мнѣ?

Элисъ. Я тебѣ вѣрю, сестра; но газета не знаетъ, что ты невинна!

Элеонора. Дорогой, тогда я должна вынести это мученіе... Она опускаетъ голову, такъ что волосы висятъ спереди. Что же теперь намѣрены со мной дѣлать? И пусть!

ВЕНІАМИНЪ входитъ слѣва, внѣ себя. Нѣтъ, вы не должны ее трогать, потому что она не сдѣлала ничего дурного. Я знаю, потому что это я, я, я — плачетъ — сдѣлалъ это!

Элеонора. Не вѣрь его словамъ... это — я!

Элисъ. Чему я долженъ вѣрить; кому я долженъ вѣрить?

ВЕНІАМИНЪ. Мнѣ! Мнѣ!

Элеонора. Мнѣ! Мнѣ!

ВЕНІАМИНЪ. Позвольте мнѣ пойти въ полицію...

Элеонора. Молчи, молчи!

Веніаминъ. Нѣтъ, я пойду, я долженъ пойти...

Элисъ. Молчи, дитя! Мама идетъ.

Гвейстъ входитъ въ глубокомъ волненіи, обнимаетъ Элеонору и цѣлуетъ ее. Дѣтка, дѣтка, мое любимое дитя! Ты со мной, и останешься со мной!

Элеонора. Ты цѣлуешь меня, мама? Ты этого не дѣлала уже много лѣтъ. Почему же только теперь?

Гвейстъ. Потому что теперь... потому что торговецъ цвѣтами тутъ на дворѣ и проситъ прощенія, что причинилъ такъ много непріятныхъ хлопотъ... затерянная монета нашлась, и твоя фамилія...

Элеонора бросается въ объятія Элиса и цѣлуетъ его; затѣмъ обвиваетъ шею Веніамина и цѣлуетъ его въ голову. Доброе дитя, ты хотѣлъ страдать за меня! Какъ ты могъ желать этого?

Веніаминъ стыдливо, простодушно. Потому что я такъ люблю тебя, Элеонора!

Гвейстъ. Ну, дѣтки, одѣвайтесь и идите въ садъ. Прояснилось!

Элеонора. Ахъ, прояснилось! Пойдемъ, Веніаминъ. Беретъ его за руку; рука объ руку уходятъ налѣво.

Элисъ. Нужно сейчасъ же бросить вербу въ огонь!

Гвейстъ. Нѣтъ еще! Кое-что осталось!

Элисъ. Линдквистъ?

Гвейстъ. Онъ здѣсь на дворѣ! Только онъ что-то очень страненъ и непостижимо ласковъ; да, къ сожалѣнію, онъ такъ говорливъ и говоритъ такъ много все о себѣ.

Элисъ. Ну, увидѣвъ солнечный лучъ, я не боюсь встрѣчи съ великаномъ! Пусть приходитъ!

Гвейстъ. Ты только не разсерди его... Провидѣніе отдало нашу судьбу въ его руки, и кроткіе духомъ... да ты знаешь, куда идутъ заносчивые!

Элисъ. Знаю!.. Слышишь! Калоши: гварръ, кварръ,

вичь! Онъ хочетъ войти сюда въ нихъ. А почему бы и нѣтъ? Вѣдь это же все его, и ковры и мебель...

Гейстъ. Элисъ! Подумай о всѣхъ насъ! Уходить направо.
Элисъ. Конечно, мама!

Линдквистъ входитъ справа. Пожилой, степенный господинъ угрюмой наружности. У него сѣдые волосы съ вихромъ, зачесанные нѣсколько на виски. Большія черныя густыя брови. Небольшія, коротко постриженные черныя бакенбарды. Круглые очки въ черной роговой оправѣ. Большіе сердоликовые брелоки на цѣпочкѣ отъ часовъ; трость въ рукѣ. Одѣтъ въ черное пальто на мѣху; цилиндръ; сапоги съ калошами, которыя поскрипываютъ. Входя, онъ съ любопытствомъ всматривается въ Элиса и все время стоитъ. Мое имя Линдквистъ!

Элисъ въ оборонительной позѣ. Кандидатъ Гейстъ... Прошу садиться.

Линдквистъ садится въ кресло направо у рабочаго столика и пристально смотритъ на Элиса. Молчаніе.

Элисъ. Чѣмъ могу служить?

Линдквистъ торжественно. Гмъ—я имѣлъ честь уведомить о своемъ настоящемъ посѣщеніи еще вчера вечеромъ; но при ближайшемъ размышленіи нашелъ неприличнымъ заводить рѣчь о дѣлахъ въ праздничный день.

Элисъ. Мы очень благодарны...

Линдквистъ рѣзко. Мы неблагодарны! Да-съ! Молчаніе. Тѣмъ не менѣе,—третьяго дня я былъ случайно у губернатора... умолкаетъ и смотритъ, какое впечатлѣніе производятъ его слова на Элиса; вы знаете губернатора?

Элисъ небрежно. Не имѣю чести!

Линдквистъ. Въ такомъ случаѣ вамъ предстоитъ эта честь!.. Тамъ мы говорили о вашемъ отцѣ.

Элисъ. Могу себѣ представить!

Линдквистъ достаетъ какую-то бумагу и кладетъ ее на столъ. И тамъ-то я получилъ вотъ эту бумагу!

Элисъ. Этого я давно ожидалъ! Но прежде чѣмъ

итти дальше, я попрошу у васъ позволенія предложить вамъ одинъ вопросъ!

Линдквистъ отрывисто. Сдѣлайте ваше одолженіе!

Элисъ. Почему вамъ не передать эту бумагу экзекутору, тогда бы, по крайней мѣрѣ, кончилась эта мучительная и медленная казнь!

Линдквистъ. Ахъ, вотъ что, молодой человѣкъ!

Элисъ. Молодой или нѣтъ, я не прошу никакой милости, а только справедливости!

Линдквистъ. Да неужели! Никакой милости, никакой милости! Взгляните-ка на эту вотъ бумагу, которую я положилъ здѣсь на край стола!.. Теперь я ее кладу снова въ карманъ!.. Значить, справедливости! Только справедливости. Такъ слушайте, старый другъ; во время оно я оказался, непріятнымъ образомъ оказался совѣмъ безъ денегъ! Когда же я вслѣдъ за этимъ написалъ вамъ письмо и въ скромныхъ выраженіяхъ спрашивалъ, сколько времени вамъ нужно на отсрочку, то вы отвѣтили неучтиво-сь! Вы обошлись со мной, какъ если бъ я былъ ростовщикомъ, какъ съ тѣмъ, кто ограбилъ вдовъ и сиротъ, хотя ограбленнымъ-то былъ я, а вы-то именно и принадлежали къ партіи хищниковъ. Но, поелику я былъ разсудительнѣе, то удовольствовался тѣмъ, что отвѣтилъ на ваши неучтивые упреки учтиво, но рѣзко. Вы узнаете мою синюю бумагу, да? Я могъ бы приложить къ ней печать, когда захочу, но я вовсе не хочу этого! Осматриваетъ комнату.

Элисъ. Сдѣлайте одолженіе, мебель въ вашемъ распоряженіи!

Линдквистъ. Я смотрю не на мебель! Я хотѣлъ убѣдиться, нѣтъ ли здѣсь вашей матушки. Надо полагать, она почитаетъ справедливость столь же высоко, какъ и вы.

Элисъ. Надѣюсь, что такъ!

Линдквистъ. Отлично!.. А знаете ли, что если бы эта столь высокочтимая вами справедливость была пущена

въ ходъ, то вашей матушкѣ, какъ сообщницѣ преступнаго дѣйствія, пришлось бы очутиться подъ карающей пятой человѣческой справедливости!

Элисъ. Ну, нѣтъ!

Линдквистъ. Да-съ, и это еще не слишкомъ поздно!

Элисъ встаетъ. Мою мать!

Линдквистъ вынимаетъ другую, но голубую бумагу и кладетъ на столъ. Смотрите, теперь я кладу вотъ эту бумагу сюда на край стола, и она на самомъ дѣлѣ голубая... хотя пока еще безъ всякой печати!

Элисъ. Боже мой! Моя мать! Все начинается сначала!

Линдквистъ. Да, мой юный любитель справедливости, все начинается сначала, все-съ! Такъ должно быть!.. Если бы мнѣ теперь пришлось предложить самому себѣ такой вопросъ: Андерсъ Юганъ Линдквистъ, рожденный въ нищетѣ и вскормленный отреченіемъ и трудомъ, имѣешь ты право на старости своихъ лѣтъ лишать самого себя и твоихъ дѣтей,—замѣтьте, твоихъ дѣтей,—той поддержки, которую ты усердіемъ, рачительностью и отреченіемъ,—замѣтьте, отреченіемъ—сколачивалъ полушку за полушкой? Какъ тебѣ, Андерсъ Юганъ Линдквистъ, должно поступить, ежели ты хочешь быть справедливымъ? Самъ ты никого не ограбилъ; ежели то, что тебя ограбили, ты считаешь за зло, то тебѣ впредь жить въ городѣ невозможно, потому что никто не пожелаетъ здороваться съ немилосерднымъ, который станетъ требовать свое назадъ! Такъ вотъ, вы видите, если и есть милосердіе, то оно идетъ противъ права и сверхъ права!.. Вотъ что есть милость!

Элисъ. Вы имѣете право, такъ и берите все! Оно — ваше!

Линдквистъ. Я имѣю право, но я не смѣю пользоваться имъ!

Элисъ. Я буду думать о вашихъ дѣтяхъ и не стану плакаться!

Линдквистъ прячетъ бумагу. Отлично! Тогда мы спрячемъ голубую бумагу назадъ... Теперь мы сдѣлаемъ шагъ дальше!

Элисъ. Простите... дѣйствительно, предполагается подать въ судъ жалобу на мою мать?

Линдквистъ. Теперь мы, пока что, сдѣлаемъ шагъ дальше!.. Такъ вы незнакомы съ губернаторомъ лично?

Элисъ. Нѣтъ, и не имѣю ни малѣйшаго желанія.

Линдквистъ снова вынимаетъ синюю бумагу и машетъ ею. Не надо такъ, не надо!.. Губернаторъ, видите ли, былъ другомъ дѣтства вашего отца, и хочетъ познакомиться съ вами! Все идетъ сначала, все-съ! Вы не хотите сдѣлать ему визитъ?

Элисъ. Нѣтъ!

Линдквистъ. Губернаторъ...

Элисъ. Нельзя ли намъ говорить о чемъ-нибудь другомъ?

Линдквистъ. Вы должны быть любезны со мною, потому что я беззащитенъ... потому что за васъ общественное мнѣнiе, а за меня только справедливость. Что вы имѣете противъ губернатора? Онъ не любитъ кружковъ и народныхъ университетовъ. Это относится къ его маленькимъ странностямъ. Намъ нѣтъ ровно никакой надобности уважать причуды, мы пройдемъ мимо нихъ, пройдемъ мимо нихъ и будемъ придерживаться сущности дѣла; всѣ мы люди, всѣ мы человѣки! И при большихъ житейскихъ переломахъ мы должны брать другъ друга съ недостатками и слабостями, проглатывать другъ друга съ ногами и рогами!.. Пойдите къ губернатору!

Элисъ. Никогда!

Линдквистъ. Развѣ вы ужъ изъ такихъ?

Элисъ рѣшительно. Да, изъ такихъ!

Линдквистъ встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ, скрипя своими башмаками, размахивая синей бумагой. Тѣмъ хуже! Тѣмъ хуже для васъ!.. Ну-те-съ, въ такомъ случаѣ, я начну съ другого конца!.. Одно мстительное лицо возымѣло намѣреніе предъявить искъ къ вашей матушкѣ. Вы можете этому помѣшать.

Элисъ. Какимъ образомъ?

Линдквистъ. Пойти къ губернатору!

Элисъ. Нѣтъ!

Линдквистъ подходитъ къ Элису и беретъ его за плечи. Тогда вы самый жалкій человѣкъ, какого я видѣлъ въ своей жизни!.. А теперь я самъ пойду къ вашей матери!

Элисъ. Не ходите!

Линдквистъ. Не угодно ли въ такомъ случаѣ пойти къ губернатору!

Элисъ. Хорошо!

Линдквистъ. Скажите это еще разъ, и громче!

Элисъ. Хорошо!

Линдквистъ. Вотъ такъ-то дѣло на чистую. Передаетъ синюю бумагу. Возьмите этотъ документъ!

Элисъ беретъ бумагу не читая.

Линдквистъ. Тутъ у насъ второй номеръ, который былъ первымъ!.. Сядемте!.. Садятся, какъ прежде. Видите, только мы пошли навстрѣчу другъ другу, какъ дорога стала наполовину короче! Второй номеръ! Это моя претензія на ваше имущество!.. Да, никакихъ иллюзій, потому что я не могу и не хочу дарить вамъ состояніе всей моей семьи! Моя претензія должна быть удовлетворена до послѣдняго гроша.

Элисъ. Я это понимаю!

Линдквистъ рѣзко. Ахъ, да, вы это понимаете?

Элисъ. Я не имѣлъ въ виду ничего обиднаго...

Линдквистъ. Нѣтъ, нѣтъ, я это понимаю. Снимаетъ очки и пристально смотритъ на Элиса. Волкъ! Злой волкъ! Розга,

розга! и мясокрасный сердолицъ; великанъ изъ Разбойничьихъ горъ, который не пожираетъ дѣтей, а только пугаетъ ихъ! Я нагоню на васъ страху, да такого, что вамъ придется сойти съ ума, придется. Вся мебель будетъ взята до послѣдней щепки включительно... Вотъ тутъ въ карманѣ у меня списочекъ, и если я не досчитаюсь хотя бы малѣйшаго пустяка, вы пойдете въ острогъ, гдѣ вамъ не будетъ свѣтить ни солнце, ни Кассіопея! Да, я могу пожирать дѣтей и вдовъ, когда меня разсердятъ. А общественное мнѣніе? Что оно мнѣ!.. я переселюсь въ другой городъ, только и всего!

Э л и с ь не отвѣчаетъ.

Линдквистъ. У васъ есть другъ, по имени Петръ, Петръ Готтбладъ, онъ былъ филологомъ и вашимъ ученикомъ по языкамъ... Но вы хотѣли сдѣлать его чѣмъ-то въ родѣ пророка... Ну-те-съ, онъ оказался вѣроломнымъ, дважды пропѣлъ пѣтухъ, неправда ли?

Э л и с ь молчитъ.

Линдквистъ. Человѣческая природа ненадежна, какъ вещи, какъ мысли. Петръ оказался вѣроломнымъ, не отрицаю и не защищаю его. Въ этомъ отношеніи! Но человѣческое сердце неизмѣримо глубоко, и на днѣ его лежитъ и золото и грязь въ беспорядочной смѣси! Петръ былъ вашимъ невѣрнымъ другомъ, но все-таки другомъ!

Э л и с ь. Вѣроломнымъ...

Линдквистъ. Вѣроломнымъ, хорошо, но все-таки другомъ! Этотъ самый вѣроломный другъ безъ вашего вѣдома оказалъ вамъ большую дружескую услугу.

Э л и с ь. Этого не доставало!

Линдквистъ подвигается ближе къ Элису. Все возвращается, все-съ!

Э л и с ь. Все зло, да! И за добро воздается зломъ!

Линдквистъ. Не всегда; добро тоже возвращается! Повѣрьте мнѣ!

Элисъ. Я вынужденъ, иначе вы вырвете у меня жизнь.

Линдквистъ. Не жизнь, а спесь и злобу я долженъ выжать изъ васъ.

Элисъ. Продолжайте!

Линдквистъ. Петръ оказалъ вамъ услугу, сказалъ я!

Элисъ. Я не хочу ни малѣйшихъ услугъ отъ этого человѣка!

Линдквистъ. Вы опять за старое! Ну, послушайте! Благодаря посредничеству вашего друга Петра, губернаторъ рѣшилъ заступиться за вашу мать! Поэтому вы должны написать Петру письмо и благодарить его! Обѣщайте!

Элисъ. Нѣтъ, всякаго другого человѣка на свѣтѣ, но только не его!

Линдквистъ придвигается ближе. Въ такомъ случаѣ, я долженъ приналечь на васъ снова... Вотъ что, у васъ есть деньги, лежащія въ банкѣ?

Элисъ. Ну, вамъ-то что до этого? Я же не отвѣчаю за долгъ своего отца?

Линдквистъ. Не то! Не то! Развѣ вы не вмѣстѣ ѣли и пили, когда деньги моихъ дѣтей тратились въ этомъ домѣ? Отвѣчайте!

Элисъ. Этого я не могу отрицать!

Линдквистъ. А поелику мебели не хватаетъ на уплату долга, то выпишите сейчасъ же чекъ на остальное — сумма вамъ извѣстна.

Элисъ, уничтоженный. Еще и это?

Линдквистъ. Еще и это! Будьте любезны, пишите!

Элисъ встаетъ, вынимаетъ чековую книжку и пишетъ на письменномъ столѣ.

Линдквистъ. Выставьте свое имя или же по доверію!

Элисъ. Но этой суммы не хватитъ!

Линдквистъ. Тогда вамъ придется пойти и приза-

нять остальное! До послѣдней полушки должно быть заплачено!

Элисъ передаетъ чекъ Линдквисту. Вотъ все, что у меня есть! Это мое лѣто и моя невѣста; больше мнѣ нечего дать!

Линдквистъ. Тогда вы должны пойти и признаться, сказалъ я.

Элисъ. Этого я не могу.

Линдквистъ. Въ такомъ случаѣ, поищите поручителя!

Элисъ. Не найдется никого, кто бы захотѣлъ поручиться за Гейста!

Линдквистъ. Въ видѣ ультиматума я вынужденъ предложить вамъ двѣ альтернативы: или благодарить Петра, или же — всю сумму на столъ!

Элисъ. Я не хочу имѣть никакого дѣла съ Петромъ.

Линдквистъ. Тогда вы самый жалкій человекъ, какого я знаю! Вы можете простымъ вѣжливымъ поступкомъ спасти имущество вашей матери и существованіе вашей невѣсты, а не дѣлаете этого! Тутъ должно быть основаніе, котораго вы не хотите высказывать! Почему вы ненавидите Петра?

Элисъ. Убейте меня, но не мучьте меня больше!

Линдквистъ. Вы ревнуете къ нему!

Элисъ пожимаетъ плечами.

Линдквистъ. Такъ вотъ въ чемъ дѣло?.. Поднимается и ходить по комнатѣ.

Молчаніе.

Линдквистъ. Вы не читали утренней газеты?

Элисъ. Къ несчастью, читалъ!

Линдквистъ. Всю?

Элисъ. Нѣтъ, не всю!

Линдквистъ. Ахъ, такъ! Да?.. Тогда вамъ неизвѣстно, что Петръ обрученъ?

Элисъ. Я этого не зналъ!

Линдквистъ. И даже съ кѣмъ не знаете? Отгадайте!

Элисъ. Какъ я...

Линдквистъ. Онъ обручился съ фрѣкенъ Алисой, и это выяснилось вчера на извѣстномъ концертѣ, при чемъ ваша невѣста фигурировала въ качествѣ посредницы!

Элисъ. Зачѣмъ же было обставлять все это такими тайнами?

Линдквистъ. Развѣ два молодыхъ существа не имѣютъ права имѣть свои сердечныя тайны отъ васъ?

Элисъ. И ради ихъ счастья я долженъ былъ выносить эту пытку!

Линдквистъ. Да! Страдая, всѣ они трудились надъ созданиемъ вашего счастья!.. Ваша мать, вашъ отецъ, ваша невѣста, ваша сестра. Сядьте поближе, я расскажу вамъ одну исторію очень короткую.

Элисъ садится нехотя. Въ комнатѣ становится свѣтлѣе.

Линдквистъ. Это было около сорока лѣтъ тому назадъ! Я пріѣхалъ въ столицу молодымъ, одинокимъ, неизвѣстнымъ и неимѣющимъ знакомствъ—искать уроковъ. У меня былъ въ общей сложности одинъ галеръ, а дѣло было темнымъ вечеромъ. Такъ какъ я не зналъ ни одной дешевой гостиницы, то сталъ спрашивать прохожихъ, но никто не отвѣчалъ. Когда я дошелъ до крайняго отчаянія, подошелъ какой-то человекъ и спросилъ, о чемъ я плачу,—я именно плакалъ,—я рассказалъ ему про свое горе! Тогда онъ свернулъ съ своей дороги, проводилъ меня до одной гостиницы и въ ласковыхъ выраженіяхъ утѣшалъ меня. Когда я проходилъ черезъ сѣни, распахнулась стеклянная дверь въ какую-то лавку и ударилась о мой локоть, такъ что стекло разлетѣлось въ дребезги. Взбѣшенный владѣлецъ лавки задержалъ меня и требовалъ уплаты и даже грозилъ

позвать полицію. Представьте себѣ мое отчаяніе, а въ перспективѣ—ночь на улицѣ. Доброжелательный незнакомецъ, видѣвшій все происшествіе, вмѣшался въ это дѣло, далъ себѣ трудъ позвать полицію и спасъ меня! Этотъ человекъ—былъ вашъ отецъ. Такъ-то все возвращается, даже добро. И ради вашего отца... я уничтожилъ свою претензію!.. Поэтому... возьмите эту бумагу... и оставьте у себя вашъ чекъ! Встаетъ. Такъ какъ вамъ трудно сказать спасибо, то я съ тѣмъ и уйду, въ особенности потому, что для меня очень мучительно получаютъ благодарность! Направляется къ двери въ глубинѣ. Вмѣсто этого, идите сейчасъ-же къ вашей матери и освободите ее отъ безпокойства. Съ отклоняющимъ движеніемъ отъ Элиса, который хочетъ подойти къ нему. Ступайте!

Элисъ горопливо уходитъ направо.

Дверь изъ глубины открывается. Входятъ Элеонора и Веніаминъ, спокойные, но угрюмые; увидѣвъ Линдквиста, въ ужасѣ останавливаются.

Линдквистъ. Ну, карапузики, идите, не бойтесь... Знаете, кто я? Измѣненнымъ голосомъ. Я великанъ изъ Разбойничихъ горъ, который пугаетъ дѣтей! Му! Му!.. Но я не такъ страшенъ! Поди сюда, Элеонора! Береть руками ея голову и смотритъ ей въ глаза. У тебя славные глаза твоего отца, онъ былъ хорошій человекъ,—только слабый—вотъ!—Цѣлуетъ ее въ лобъ. Вотъ такъ!

Элеонора. Ахъ, онъ хорошо отзывается объ отцѣ! Развѣ можемъ кто-нибудь подумать про него хорошее?

Линдквистъ. Я могу! — Спроси брата Элиса!

Элеонора. Тогда вы не можете желать намъ зла!

Линдквистъ. Нѣтъ, мое милое дитя!

Элеонора. Ну, въ такомъ случаѣ, помогите намъ!

Линдквистъ. Дитя мое, я не могу помочь твоему отцу избавиться отъ наказанія, а Веніамину отъ латинскаго сочиненія... но во всемъ остальномъ помощь уже оказана.

Жизнь не все дѣлаетъ, и никогда ничего не дѣлаетъ даромъ. Поэтому и ты должна помочь мнѣ, хочешь?

Элеонора. А что я могу, бѣдная?

Линдквистъ. Какой сегодня день? Взгляни-ка.

Элеонора снимаетъ календарь со стѣны. Шестнадцатое!

Линдквистъ. Отлично! До двадцатаго ты должна заставить брата Элиса сдѣлать визитъ губернатору и написать письмо Петру.

Элеонора. И больше ничего?

Линдквистъ. Ахъ, ты дитя! Но если онъ упрется, тогда придетъ великанъ и скажетъ: Му-у!

Элеонора. Зачѣмъ великану нужно приходиться пугать дѣтей?

Линдквистъ. Чтобы дѣти были добрыми дѣтьми!

Элеонора. И то правда. Великанъ правъ! Цѣдуетъ Линдквиста въ мѣховой рукавъ. Спасибо, добрый великанъ.

Веніаминъ. Ты должна сказать: г. Линдквистъ, — я же знаю!

Элеонора. Нѣтъ, это такъ обыкновенно, это имя...

Линдквистъ. Ну, дѣти мои! Теперь уже можете бросить розгу въ огонь!

Элеонора. Нѣтъ, пусть она останется тамъ, потому что дѣти такъ забывчивы.

Линдквистъ. Ты хорошо знаешь дѣтей, малютка Уходить.

Элеонора. Мы отправимся въ деревню, Веніаминъ! Черезъ два мѣсяца. Ахъ, только бы они поскорѣе прошли! Отрываетъ листки отъ календаря и бросаетъ ихъ въ солнечные лучи которые падаютъ въ комнату. Смотри, какъ дни уходятъ Апрель! май! июнь! И всѣмъ-то имъ свѣтитъ солнышко! смотри!.. Теперь мы должны благодарить Бога за то, что онъ помогъ намъ отправиться въ деревню!

Веніаминъ стыдливо. А нельзя ли мнѣ сдѣлать это молча?

Элеонора. Да, можешь молиться молча! Потому что тучи теперь ушли, и тамъ наверху услышатъ!

Кристина вошла слѣва и остановилась. Элисъ и фру Гейстъ входятъ справа. Кристина и Элисъ нѣжно смотрятъ другъ на друга и идутъ другъ къ другу навстрѣчу, но прежде чѣмъ они сошлись, занавѣсъ падаетъ.

Соната призраковъ.

Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

*Переводъ
Н. Эфроса.*

Л И Ц А:

СТАРИКЪ, директоръ Хуммель.

СТУДЕНТЪ АРХЕНХОЛЬЦЪ.

ДѢВУШКА, торгующая молокомъ. (Видѣніе).

ПРИВРАТНИЦА.

УМЕРШІЙ КОНСУЛЪ.

ДАМА, въ темномъ, дочь Умершаго и Привратницы.

ПОЛКОВНИКЪ.

МУМІЯ, жена полковника.

ЕЯ ДОЧЬ (она — дочь старика).

ПРИЛИЧНЫЙ ГОСПОДИНЪ, котораго зовутъ барономъ; помолвленъ съ дочерью Привратницы.

НЕВѢСТА, прежде невѣста Хуммеля, старуха съ сѣдыми волосами.

ІОГАННСОНЪ, слуга у Хуммеля.

БЕНГТССОНЪ, слуга у Полковника.

КУХАРКА.

ДѢЙСТВІЕ I.

Rez-de-chaussée и первый этажъ передней части современнаго дома. Виденъ лишь уголь дома, заканчивающійся въ rez-de-chaussée круглымъ заломъ, въ первомъ этажѣ — балкономъ съ штангомъ для флага. Въ открытое окно круглаго зала, когда занавѣсы раздвинуты, видна бѣлая мраморная статуя молодой женщины, окруженная пальмами и ярко освѣщенная солнцемъ. Въ окнѣ налѣво — гіацинты въ горшкахъ: голубые, бѣлые, ярко-красные. На перилахъ балкона въ первомъ этажѣ висятъ голубое шелковое одѣяло и двѣ бѣлыя подушки. Окно налѣво завѣшено бѣлой простыней. Свѣтлое лѣтнее утро. Передъ домомъ, на переднемъ планѣ — зеленая скамья. Направо, на переднемъ планѣ — уличный бассейнъ-фонтанъ; налѣво — столбъ для афишъ. Налѣво, на заднемъ планѣ — подъездъ, въ которомъ видна лѣстница. Ступени ея изъ бѣлаго мрамора, перила ея красного дерева съ мѣдными штангами. По обѣ стороны подъезда лавровыя деревья въ кадкахъ. Налѣво отъ подъезда окно съ зеркаломъ-рефлекторомъ, почти въ уровень съ землею. Уголь съ круглымъ заломъ выходитъ въ переулокъ, убѣгающій въ глубину.

При поднятіи занавѣса — вдали колокольный перезвонъ въ нѣсколькихъ церквахъ. Обѣ двери подъезда настежь. На лѣстницѣ неподвижно стоитъ женщина въ темномъ. Привратница мететъ сѣни затѣмъ обтираетъ мѣдныя части дверей, поливаетъ лавровыя деревья. Въ креслѣ на колесикахъ, стоящемъ у столба съ афишами, сидитъ старикъ, читаетъ газету. У него сѣдая голова, сѣдая борода; носить очки. Съ угла подходит дѣвушка, торгующая молокомъ, несетъ въ корзинѣ изъ проволоки бутылки. Одѣта по-лѣтнему: коричневые башмаки, черныя чулки, бѣлый беретъ.

Дѣвушка снимаетъ беретъ и вѣшаетъ его на бассейнъ, отираетъ со лба потъ; пьетъ нѣсколько глотковъ воды изъ кружки; моетъ

руки, поправляет волосы, глядясь въ воду. Раздается звонъ колокола на пароходѣ. Сквозь тишину время отъ времени прорѣзываются басы органа въ сосѣдней церкви. Послѣ нѣкоторой паузы, когда дѣвушка уже кончила свой туалетъ, входитъ слѣва студентъ. Онъ не выпался, не выбрить. Подходить къ бассейну. Пауза.

Студентъ. Можно взять кружку?

Дѣвушка притягиваетъ кружку къ себѣ.

Студентъ. Ты еще не скоро кончишь?

Дѣвушка смотритъ на него съ отвращеніемъ.

Старикъ, про себя. Съ кѣмъ онъ говоритъ? Никого не вижу. Какой смѣшной! Продолжаетъ ихъ разглядывать съ большимъ изумленіемъ.

Студентъ. Чего ты такъ всматриваешься въ меня? Развѣ я страшный?.. Да, не спалъ эту ночь, и ты, конечно, думаешь, что я кутилъ?..

Дѣвушка попрежнему смотритъ на него.

Студентъ. Что я пилъ пуншъ? а?.. Пахнетъ отъ меня пуншемъ?

Дѣвушка попрежнему.

Студентъ. Я не бритый, знаю... Дай мнѣ дѣвушка, потокъ воды... Я заслужилъ! Пауза.

Студентъ. Ну, такъ я тебѣ расскажу. Всю эту ночь я перевязывалъ раненыхъ и ухаживалъ за больными. Я былъ вчера вечеромъ при томъ, какъ обрушился домъ... теперь ты знаешь!

Дѣвушка полощетъ кружку и подаетъ ему пить.

Студентъ. Благодарю.

Дѣвушка остается неподвижно на мѣстѣ.

Студентъ тихо. Хочешь оказать мнѣ большую услугу? Пауза. Вотъ въ чемъ дѣло... Глаза у меня воспалены, видишь? А руки мои прикасались къ раненымъ и трупамъ. Поэтому опасно трогать глаза... Вынь, пожалуйста, мой чистый платокъ, смочи его холодной водой и промой мои бѣдные глаза. Хочешь? Хочешь быть сердобольной самаритянкою?

ДѢВУШКА медлительно исполняетъ его просьбу.

СТУДЕНТЪ. Славная! Благодарю. Вынимаетъ кошелекъ.

ДѢВУШКА качаетъ отрицательно головой.

СТУДЕНТЪ. Прости мою несообразительность. Но я еле держусь. Такъ хочется спать.

ДѢВУШКА идетъ.

СТАРИКЪ студенту. Простите, что я заговариваю съ вами. Но я слышалъ, что вы вчера вечеромъ были свидѣтелемъ несчастья... Какъ разъ сейчасъ читалъ объ этомъ въ газетѣ...

СТУДЕНТЪ. А, въ газетѣ уже есть?

СТАРИКЪ. Да, все подробно. И вашъ портретъ. Только выражаютъ сожалѣніе, что не удалось узнать имя храбраго студента...

СТУДЕНТЪ заглядываетъ въ газету. Въ самомъ дѣлѣ? Да, это я.

СТАРИКЪ. Съ кѣмъ это вы только что разговаривали?

СТУДЕНТЪ. Развѣ вы не видѣли? Пауза.

СТАРИКЪ. Не сочтите за навязчивость... Я бы хотѣлъ узнать, какъ ваше имя.

СТУДЕНТЪ. На что? Я не люблю, когда газеты... Кого хвалятъ, того и ругаютъ. Искусство развѣнчивать достигло теперь великаго совершенства... Къ тому же я и не хочу никакой награды...

СТАРИКЪ. Можетъ быть, вы богаты?

СТУДЕНТЪ. Ничуть. Напротивъ. Очень бѣденъ!

СТАРИКЪ. Послушайте... Точно я когда-то уже слышалъ вашъ голосъ... У меня былъ въ молодости другъ... Скажите, вы не родственникъ извѣстнаго коммерсанта Архенхольца?

СТУДЕНТЪ. Это мой отецъ.

СТАРИКЪ. Поразительны пути судьбы! Я видѣлъ васъ, когда вы были маленькимъ мальчикомъ, и при особенно тяжелыхъ обстоятельствахъ.

Студентъ. Да, говорятъ, я родился на свѣтъ во время конкурса.

Старикъ. Вѣрно.

Студентъ. Позвольте узнать, кто вы?

Старикъ. Я — директоръ Хуммель...

Студентъ. Такъ вы... Я начинаю припоминать...

Старикъ. Вы, вѣроятно, часто слышали мое имя въ домѣ вашего отца?

Студентъ. Да.

Старикъ. И, можетъ быть, оно произносилось не съ добрымъ чувствомъ?

Студентъ молчитъ.

Старикъ. Да, могу себѣ представить! Болтали, будто это я разорилъ вашего отца. Всѣ разорившіеся на глупыхъ спекуляціяхъ, увѣрены, что ихъ разорилъ тотъ, кого имъ не удалось провести. Пауза. А на самомъ дѣлѣ, вашъ отецъ ограбилъ меня, отнялъ тѣ 17 тысячъ кронъ, которыя тогда составляли всѣ мои сбереженія.

Студентъ. Странно, — одно и то же событіе можно рассказать совершенно противоположнымъ образомъ.

Старикъ. Вы думаете, я лгу?

Студентъ. Кому мнѣ вѣрить? Мой отецъ не лгалъ!

Старикъ. Правда, отцы никогда не лгутъ... Но вѣдь и я тоже отецъ. Значитъ...

Студентъ. Что вы хотите всѣмъ этимъ сказать?..

Старикъ. Я спасъ вашего отца отъ бѣды, и онъ отплатилъ мнѣ за это всею страшною ненавистью, какую родитъ долгъ быть благодарнымъ... Онъ научилъ свою семью проклинать меня.

Студентъ. Можетъ быть, вы сами сдѣлали его неблагодарнымъ, отравивъ свою помощь ядомъ ненужныхъ униженій.

Старикъ. Видная помощь — униженіе.

Студентъ. Чего вы хотите отъ меня?

Старикъ. Я не хочу денегъ. Но если бы вы согласились оказать мнѣ маленькую услугу, я счелъ бы себя вознагражденнымъ. Видите, я—калѣка. Одни говорятъ, я самъ виноватъ, другіе винятъ моихъ родителей. Я же лично склоненъ думать, что виновата сама жизнь съ ея засадами. Остережешься однихъ силковъ, — непременно попадешь въ другіе. Ну такъ вотъ, я не могу подниматься по лѣстницамъ, не могу позвонить въ звонокъ. Я и говорю вамъ: помогите мнѣ!

Студентъ. Чѣмъ?

Старикъ. Во-первыхъ, — подвиньте мое кресло поближе къ столбу, чтобы я могъ прочитать афиши. Хочу посмотреть, что сегодня играютъ...

Студентъ, подвигая кресло. Развѣ у васъ никого нѣтъ?

Старикъ. Есть. Но онъ зачѣмъ-то пошелъ. Скоро вернется. Вы медикъ?

Студентъ. Нѣтъ, филологъ. Впрочемъ, и самъ не знаю, что я изъ себя сдѣлаю.

Старикъ. Ого!.. Математику знаете?

Студентъ. Да, такъ себѣ.

Старикъ. Это хорошо! Хотѣли бы вы получить мѣсто?

Студентъ. Почему же. Конечно.

Старикъ. Хорошо! Читаетъ афишу. Для утренняго спектакля даютъ «Валькирію»... Значитъ, полковникъ съ дочерью будутъ... Онъ всегда сидитъ на крайнихъ мѣстахъ въ шестомъ ряду; значитъ, я васъ посажу рядомъ... Не откажитесь зайти въ телефонный кіоскъ, вонъ тамъ, и попросите оставить одинъ билетъ въ шестомъ ряду, № 82.

Студентъ. Это я долженъ итти сегодня днемъ въ оперу?

Старикъ. Да! И вы должны слушаться меня, тогда вамъ будетъ хорошо! Хочу, чтобы вы сдѣлались счастливы, богаты, уважаемы. Вашъ вчерашній смѣлый поступокъ

спасителя завтра прославить васъ, и тогда имя ваше будетъ многого стоить.

Студентъ идетъ къ телефонному кіоску. Забавное приключеніе...

Старикъ. Вы — спортсмэнъ?

Студентъ. Да, и это было моимъ несчастіемъ.

Старикъ. Зато теперъ должно превратиться въ счастье. Ну, телефонируйте. Читаетъ газету.

Дама въ темномъ вышла на улицу и говоритъ съ приратницей. Старикъ прислушивается. Публика ничего не слышитъ.

Студентъ возвращается.

Старикъ. Заказали?

Студентъ. Сдѣлано.

Старикъ. Видите вы этотъ домъ?

Студентъ. Я еще раньше обратилъ на него вниманіе... Я проходилъ здѣсь вчера, когда солнце играло на улицахъ. Я представилъ себѣ, какая красота и какая роскошь должна быть тамъ внутри, и сказалъ одному товарищу:—Тотъ, кто занимаетъ вотъ такую квартиру, у кого молодая, красивая жена, двое хорошенькихъ ребятишекъ, да двадцать тысячъ кронъ дохода, тотъ...

Старикъ. Вы это сказали? Вы это сказали? Вотъ какъ! Я тоже люблю этотъ домъ.

Студентъ. Вы спекулируете домами?

Старикъ. Д-да! Но не въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете.

Студентъ. Вы знаете тѣхъ, которые тамъ живутъ?

Старикъ. Всѣхъ... Въ моемъ возрастѣ знаешь всѣхъ людей, ихъ отцовъ и дѣдовъ, и съ каждымъ такъ или иначе въ родствѣ. Мнѣ вотъ уже восемьдесятъ, но никто, собственно, не знаетъ меня. Я интересуюсь судьбами людей...

Занавѣсы въ кругломъ залѣ раздвинулись. За окномъ показывается полковникъ въ штатскомъ. Онъ поглялѣлъ на термометръ;

отходить отъ окна и останавливается передъ мраморной статуей.

Старикъ. Видите, вонъ тамъ—полковникъ. Вы сегодня будете сидѣть рядомъ съ нимъ.

Студентъ. Это полковникъ? Ничего не понимаю, точно какая-то сказка...

Старикъ. Вся жизнь—точно сказка. И хоть сказки бываютъ разныя, все-таки всѣ между собою связаны, и правильно повторяется основной мотивъ.

Студентъ. А что это тамъ за мраморная статуя?

Старикъ. Это—его жена...

Студентъ. Она въ самомъ дѣлѣ была такая красивая?

Старикъ. Гм... Да!.. Да!..

Студентъ. Да скажите откровенно!

Старикъ. Хорошій вы мой, мы не можемъ судить человѣка! И если бы я вамъ сталъ сейчасъ рассказывать, что она бросила его, что онъ ее билъ, что потомъ она опять вернулась, опять вышла за него замужъ и что теперь она сидитъ тамъ, внутри, какъ мумія, и боготворитъ свое собственное мраморное изваяніе,— вы, конечно, подумали бы, что я говорю глупости.

Студентъ. Ничего не понимаю!

Старикъ. Еще бы! А здѣсь—окна съ гіацинтами! Тамъ живетъ его дочь... Она поѣхала кататься верхомъ, но скоро вернется домой.

Студентъ. А кто вонъ та темная дама? Она говоритъ съ привратницей.

Старикъ. А! Видите ли, тутъ дѣло немножко запутанное. Это находится въ связи съ покойникомъ, который—тамъ, наверху, гдѣ видна простыня...

Студентъ. А кто онъ былъ?

Старикъ. Человѣкъ, какъ мы съ вами. Больше всего въ немъ поражало его тщеславіе... Если бы вы были, какъ говорятъ, дитя воскресенья, родились подъ счастливой звѣз-

дой, вы бы могли увидеть, какъ онъ скоро выйдетъ изъ дверей, чтобы полюбоваться на поднятый на шпигцѣ консульскій флагъ. Онъ былъ консуломъ и любилъ гербы, львовъ, цвѣтныя ленты...

Студентъ. Вы сказали, — дитя воскресенья. Я, въ самомъ дѣлѣ родился въ воскресенье...

Старикъ. Ну? Вы?.. Я уже подумалъ... Я замѣтилъ это по цвѣту вашихъ глазъ... Но въ такомъ случаѣ вы можете видѣть то, чего не видятъ другіе. Вы замѣчали это?

Студентъ. Не знаю, что видятъ другіе, но иногда... Только объ этомъ не говорятъ!

Старикъ. Я былъ почти убѣжденъ! Но со мной вы можете говорить объ этомъ. Потому что я... я понимаю такія вещи...

Студентъ. Напримѣръ, вчера! Меня потянуло въ тихія улицы, туда, гдѣ затѣмъ рухнулъ домъ... Я пришелъ туда и остановился передъ зданіемъ, котораго раньше никогда не видѣлъ... Вдругъ я замѣтилъ трещину въ стѣнѣ, услышалъ, какъ она загрохотала... Я побѣжалъ и схватилъ ребенка, который шелъ вдоль стѣны. Черезъ мгновеніе домъ рухнулъ... Я былъ спасенъ, но въ рукахъ у меня, въ которыхъ, я думалъ, что держу ребенка, не было ничего...

Старикъ. Да, долженъ признаться... Объясните мнѣ вотъ что: почему вы только что дѣлали у бассейна всякія тѣлодвиженія? И почему вы говорили съ самимъ собой?

Студентъ. Да развѣ вы не видѣли дѣвушку-молочницу, съ которой я говорилъ?

Старикъ въ ужасѣ. Молочницу?

Студентъ. Ну, конечно. Она передала мнѣ кружку.

Старикъ. Вотъ какъ? Вотъ почему... Я не вижу, но я умѣю нѣчто другое...

У окна съ зеркаломъ-рефлекторомъ садится женщина съ сѣдыми волосами.

Старикъ. Видите старуху въ окнѣ? Видите? Хорошо! Когда-то она была моею невѣстой, шестьдесятъ лѣтъ назадъ! Мнѣ было двадцать! Не пугайтесь! Она не узнаетъ меня! Мы видимъ другъ друга каждый день, но это не производитъ на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія. А когда-то мы клялись въ вѣчной вѣрности,—вѣчной!

Студентъ. Какъ вы тогда были неблагообразны! Мы уже не говоримъ ничего такого нашимъ невѣстамъ.

Старикъ. Прости насъ, юноша, мы не умѣли понимать лучше. Скажите, можете вы повѣрить, что эта старуха была молода и прекрасна?

Студентъ. Нѣтъ! А впрочемъ, у нея красивое лицо; глазъ я не вижу.

Выходить изъ дому привратница съ корзиной и разбрасываетъ еловыя вѣтви.

Старикъ. А, привратница! Темная дама—ея дочь, отъ умершаго, и потому мужъ получилъ мѣсто привратника. Но у темной дамы есть женихъ со средствами, и она надѣется стать богатой. Онъ теперь разводится съ женой, которая даритъ ему домъ, только бы освободиться отъ него. Этотъ богатый женихъ—зять умершаго. И видите, тамъ наверху, на балконѣ провѣтриваются его одѣяла и подушки... Да, признаюсь, все это очень запутано!

Студентъ. Страшно запутано!

Старикъ. Да, во всѣхъ отношеніяхъ, хотя, можетъ быть, и кажется простымъ.

Студентъ. Но кто же былъ покойникъ?

Старикъ. Вы уже спрашивали, и я отвѣтилъ. Если бы вы могли заглянуть за уголъ, гдѣ черный ходъ, вы увидали бы такую толпу бѣдняковъ, которымъ онъ помогать... когда ему приходила такая фантазія...

Студентъ. Значитъ, онъ былъ человекъ милосердный?

Старикъ. Да... Иногда.

Студентъ. Не всегда?

Старикъ. Нѣтъ!.. Таковы ужъ люди!.. Подкатите пожалуйста кресло немного впередъ, чтобы оно было на солнцѣ. Я страшно мерзну. Когда нельзя двигаться, кровь начинаетъ стыть. Я скоро умру, знаю, но прежде мнѣ нужно кое-что еще устроить. Дайте мнѣ руку, вы почувствуете, какой я холодный.

Студентъ. Не надо. Отодвигается.

Старикъ. Не уходите, я усталъ, я одинокъ. Но я не всегда былъ такой, поймите вы! У меня позади — безконечно долгая жизнь, безконечно. Я дѣлалъ людей несчастными, и люди дѣлали меня несчастнымъ. Мы поквитались. Но, прежде чѣмъ умереть, я хочу видѣть васъ счастливымъ... Наши судьбы переплелись черезъ вашего отца и еще чрезъ другое...

Студентъ. Да выпустите мою руку! Вы отнимаете у меня силу, я стыну отъ васъ! Чего вы хотите?

Старикъ. Терпѣнія. Вы увидите и поймете... Вонъ тамъ идетъ дѣвушка...

Студентъ. Дочь полковника?

Старикъ. Да! дочь! Вглядитесь въ нее. Видали вы когда-нибудь такое совершенство?

Студентъ. Она похожа на мраморную статую тамъ въ комнатѣ...

Старикъ. Это же ея мать!

Студентъ. Правда. Но я никогда еще не видалъ такой женщины, рожденной женщиной... Счастливъ тотъ, кто поведетъ ее къ алтарю и къ своему домашнему очагу.

Старикъ. Вы можете быть этимъ счастливецомъ!.. Не всѣ понимаютъ ея красоту... Хорошо, такъ рѣшено!

Дѣвушка входитъ слѣва, въ модномъ англійскомъ костюмѣ амазонки; идетъ медленно, ни на кого не глядя, къ подъѣзду; около него останавливается и говоритъ нѣ-

сколько словъ привратницѣ, затѣмъ входитъ въ домъ.

Студентъ прикрываетъ глаза рукою.

Старикъ. Вы плачете?

Студентъ. У безнадежности есть только отчаяніе!

Старикъ. Я умѣю открывать двери и сердца, стоитъ мнѣ лишь найти руку, покорную моей волѣ... Служите мнѣ, и вы будете владычествовать...

Студентъ. Это договоръ? Я долженъ продать свою душу?

Старикъ. Ничего не продавать! Видите ли, всю свою жизнь я отнималъ. Теперь я хочу одного — давать! Давать! Но никто не хочетъ взять... Я богатъ, очень богатъ, но у меня нѣтъ наслѣдниковъ. Впрочемъ, есть одинъ дуракъ, который только мучаетъ меня... Будьте мнѣ сыномъ, будьте моимъ наслѣдникомъ еще при моей жизни, пользуйтесь жизнью, и чтобы я видѣлъ, хотя издали..

Студентъ. Что долженъ я сдѣлать?

Старикъ. Прежде всего, итти слушать «Валькирин».

Студентъ. Это уже рѣшено; а дальше?

Старикъ. Сегодня вечеромъ вы будете сидѣть тамъ, въ кругломъ залѣ!

Студентъ. Какъ я попаду туда?

Старикъ. При помощи «Валькирий».

Студентъ. Почему вы выбрали меня своимъ медиумомъ? Вы меня уже знали?

Старикъ. Конечно! Я давно слѣдилъ за вами... Но посмотрите, посмотрите на балконъ, какъ дѣвушка подымаетъ флагъ, потому что умеръ консулъ... а теперь перевортываетъ одѣяло и подушки. Видите голубое одѣяло?.. Подъ нимъ спали двое, теперь спитъ только одинъ.

Дѣвушка показывается въ другомъ платьѣ въ окнѣ и поливаетъ глянцы.

Старикъ. Тамъ моя маленькая дѣвочка. Посмотрите, посмотрите! Она разговариваетъ съ цвѣтами; развѣ не похожа сама она на голубой гланцинтъ? Она даетъ имъ пить одну чистую воду, а они превращаютъ эту воду въ краски и аромат... Подходитъ полковникъ съ газетой. Онъ показываетъ ей сообщеніе о паденіи дома... Теперь показываетъ вашъ портретъ. Она заинтересовалась... Читаетъ о вашемъ подвигѣ... Кажется, собираются тучи. Вдругъ пойдетъ дождь! Хорошо я буду, если Юганнсонъ не скоро вернется.

Небо покрывается тучами; дѣлается темно; старуха у зеркала-рефлектора закрываетъ окно.

Старикъ. Теперь моя невѣста закрываетъ окно... 79 лѣтъ... Рефлекторъ—единственное зеркало, которымъ она пользуется, потому-то въ немъ она видитъ не себя, но внѣшній міръ, и съ двухъ сторонъ. Но міръ можетъ видѣть ее; объ этомъ она не подумала... А впрочемъ, красивая старуха.

Въ дверяхъ показывается умершій въ саванѣ.

Студентъ. Господи! Что я вижу?

Старикъ. Что?

Студентъ. Развѣ вы не видите покойника въ дверяхъ?

Старикъ. Не вижу, но ждалъ, что будетъ такъ. Расскажите...

Студентъ. Онъ выходитъ на улицу... Пауза. Поворачиваетъ голову и разглядываетъ флагъ...

Старикъ. Что я сказалъ? Онъ еще будетъ считать вѣнки и перечитывать визитныя карточки... Горе тѣмъ, которые забыли прислать!

Студентъ. Теперь огибаетъ уголъ.

Старикъ. Хочетъ сосчитать нищихъ у черного хода... Нищіе даютъ такую хорошую декорацію... «Благословенія столькихъ бѣдняковъ провожаютъ его». Но моего благо-

словенія ему не получить! Между нами, это была большая каналья...

Студентъ. Но благотворитель...

Старикъ. Благотворительный каналья, который всегда думалъ о красивыхъ похоронахъ... Когда онъ уже почувствовалъ, что близокъ конецъ, онъ все-таки поторопился ограбить казну еще на 50 тысячъ кронъ. Теперь его дочь вступаетъ въ невѣдомый бракъ и хотѣла бы знать, она ли наслѣдница... Каналья слышитъ все, что мы говоримъ. А вотъ и Юганнсонъ.

Юганнсонъ входитъ слѣва.

Старикъ. Отчетъ!

Юганнсонъ говоритъ неслышно.

Старикъ. Такъ, нѣтъ дома! Ты оселъ! А телеграфъ? Ничего? Дальше! Въ шесть вечера? Хорошо! Специальный номеръ? Полное имя? Студентъ Архенхольцъ... родился... родители... Великолѣпно. Кажется, дождь начинается? Что онъ говоритъ? Такъ, такъ! Не хочетъ? Ну, такъ онъ долженъ! Тамъ идетъ приличный господинъ! Подкати меня, Юганнсонъ, за уголь, я послушаю, что говорятъ нишіе... А вы, Архенхольцъ, подождите меня здѣсь. Понимаете? Скорѣе, скорѣе! Юганнсонъ катитъ кресло за уголь дома.

Студентъ остается на мѣстѣ и наблюдаетъ за дѣвушкой; она возится у горшковъ съ цвѣтами.

Важный господинъ входитъ. Онъ въ траурѣ, говоритъ съ дамой въ темномъ, которая ходитъ взадъ и впередъ по тротуару. Да, что подѣлаешь? Приходится ждать!

Дама. Я не могу ждать!

Важный господинъ. Да, уже до того дошло? Тогда поѣзжай въ деревню.

Дама. Не хочу.

Важный господинъ. Пойдемъ сюда, а то услышатъ. Идутъ къ столбу съ афишами и продолжаютъ неслышно разговаривать.

Иоганнсонъ справа студенту. Мой господинъ проситъ васъ не забыть...

Студентъ. Скажите прежде, кто вашъ господинъ?

Иоганнсонъ. О, онъ многое значить, а былъ всѣмъ...

Студентъ. Онъ уменъ?

Иоганнсонъ. Что это значить? Онъ всю жизнь искалъ,—говорить онъ,—счастливица, но это, должно быть, неправда...

Студентъ. Чего ему нужно? Онъ скряга?

Иоганнсонъ. Онъ хочетъ владычествовать... Цѣлые дни заставляеть онъ возить себя въ креслѣ, точно бога Тора... Присматриваетъ дома, сноситъ ихъ, прокладываетъ улицы, строить рынки; вламывается онъ и въ дома, влѣзаетъ въ окна, играетъ людскими судьбами, убиваетъ своихъ враговъ и ничего не прощаетъ. Можете себѣ представить, этотъ маленькій калѣка былъ Донъ-Жуаномъ, хотя всегда терялъ своихъ женщинъ.

Студентъ. Какъ же можно это примирить?

Иоганнсонъ. Онъ такъ хитеръ, что когда женщина ему надоѣдала, онъ умѣлъ сдѣлать такъ, чтобы она его бросила... А теперь онъ — точно конокрадъ на людской ярмаркѣ. Онъ крадетъ людей самыми различными способами... Меня онъ въ буквальномъ смыслѣ укралъ изъ рукъ правосудія... Видите ли, я совершилъ одну... ошибку. Онъ одинъ зналъ объ этомъ... И вмѣсто того, чтобы засадить меня въ тюрьму, онъ сдѣлалъ меня своимъ рабомъ. Я служу ему за одинъ столъ, и онъ — не изъ лучшихъ...

Студентъ. Что же ему нужно въ этомъ домѣ?

Иоганнсонъ. Этого я бы не могъ вамъ отвѣтить. Тутъ что-то очень запутанное.

Студентъ. Кажется, я уйду...

Иоганнсонъ. Развѣ вы не видите, барышня потеряла браслетъ. Онъ упалъ въ окно...

Дѣвушка уронила браслетъ изъ окна.
Студентъ медленно подходитъ, поднимаетъ браслетъ и передаетъ дѣвущкѣ; та неподвижно благодарить. Студентъ опять подходитъ къ Юганнсону.

Юганнсонъ. Такъ, вы хотите уйти... Но это не такъ легко сдѣлать, какъ кажется, когда онъ набросилъ на голову сѣть... Ни на землѣ, ни на небѣ ему ничто не страшно. Впрочемъ, онъ боится одной вещи, точнѣе— одного существа...

Студентъ. Пойдите, я, кажется, знаю!

Юганнсонъ. Почему можете вы знать?

Студентъ. Догадываюсь! Онъ боится... маленькой молочницы?

Юганнсонъ. Да, онъ всегда сворачиваетъ въ сторону, когда встрѣчается съ повозкой съ молокомъ... И потомъ, онъ иногда говоритъ во снѣ; когда-то онъ былъ, навѣрное, въ Гамбургѣ.

Студентъ. Можно вѣрить этому человѣку?

Юганнсонъ. Можно всему повѣрить о немъ.

Студентъ. Что онъ сейчасъ дѣлаетъ тамъ за угломъ?

Юганнсонъ. Подслушиваетъ, что говорятъ нищіе. Сѣть словечки, вынимаетъ камни, пока домъ не рухнетъ... говоря фигурально... Видите, я—человѣкъ образованный, былъ книжнымъ торговцемъ... Ну, что же, все еще хотите уйти?

Студентъ. Мнѣ тяжело быть неблагодарнымъ... Этотъ человѣкъ разъ спасъ моего отца и теперь просить лишь о маленькой услугѣ...

Юганнсонъ. О чемъ?

Студентъ. Чтобы я пошелъ на «Валькирію»...

Юганнсонъ. Не понимаю... Впрочемъ, у него всегда новыя фантазіи... Посмотрите, теперь онъ говоритъ съ полицейскимъ... Онъ всегда поближе къ полиціи... Знается съ ней, впутываетъ ее въ свои дѣла, вяжетъ ее лживыми

обѣщаніями и намеками и всегда вывѣдываетъ у нея... Вотъ поглядите, прежде чѣмъ наступитъ ночь, онъ будетъ принять въ кругломъ залѣ!

Студентъ. Что ему тамъ нужно? Чего онъ хочетъ отъ полковника?

Иоганнсонъ. Я предполагаю, но не знаю. Да вы сами узнаете, когда придете туда.

Студентъ. Туда я не приду.

Иоганнсонъ. Это зависитъ только отъ васъ самихъ! Идете на «Валькирию»?

Студентъ. Развѣ это — путь туда?

Иоганнсонъ. Да, развѣ онъ сказалъ! Посмотрите, посмотрите на него. Везутъ съ триумфомъ на боевой колесницѣ нищіе; но они не получаютъ ни гроша, только туманное обѣщаніе, что имъ дадутъ что-нибудь на его похоронахъ.

Старикъ возвращается, стоя въ своемъ креслѣ, которое везутъ нищіе; другіе идутъ сзади.

Старикъ. Привѣтствуйте благороднаго юношу! Онъ съ опасностью для собственной жизни столькихъ спасъ во время вчерашняго несчастья. Хвала тебѣ, Архенхольцъ

Нищіе обнажаютъ головы, но не кричатъ! привѣтствія.

Дѣвушка изъ окна машетъ носовымъ платкомъ.

Полковникъ высовывается изъ своего окна.

Старуха встаетъ въ своемъ окнѣ.

Дѣвушка на балконѣ подтягиваетъ флагъ.

Старикъ. Рукоплещите, граждане! Правда, сегодня — воскресенье. Но осель въ бассейнѣ и вѣтеръ въ полѣ дають намъ отпушеніе. И хотя я не дитя воскресенья, все-таки я обладаю духомъ пророчества и даромъ исцѣленья,

потому что я разъ вернулъ къ жизни утопленника... Да, это было въ Гамбургѣ, въ такое же воскресное утро, какъ сегодня...

Дѣвушка молочница показывается, но ее видятъ только студентъ и старикъ, Она протягиваетъ вверхъ руки, какъ утопающая, и пристально глядитъ на старика.

Старикъ садится, сгибается отъ ужаса. Юганнсонъ! Увези меня! Скорѣе! Архенхольцъ! Не забудь про «Валькирию».

Студентъ. Что все это значитъ?

Юганнсонъ. Поглядимъ! Поглядимъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Въ кругломъ залѣ. Въ глубинѣ бѣлый изразцовый каминъ съ зеркаломъ; на немъ стоячіе часы, подсвѣчники. Направо—коридоръ, черезъ который видна зеленая комната съ мебелью краснаго дерева. Налѣво—статуя въ тѣни пальмъ; она задергивается занавѣсомъ. Налѣво въ глубинѣ—дверь въ комнату съ гіацинтами, въ которой сидитъ дѣвушка и читаетъ. Видна спина полковника; онъ сидитъ въ зеленой комнатѣ и пишетъ.

Бенгтссонъ лакей, въ ливреѣ, входитъ изъ коридора.

Иоганнсонъ — во фракѣ и бѣломъ галстухѣ.

Бенгтссонъ. Вы будете подавать къ столу, а я буду въ передней снимать платье. Вамъ это дѣло знакомо?

Иоганнсонъ. Вы знаете, днемъ я вожу боевую колесницу, по вечерамъ служу за столомъ. И моя мечта всегда была попасть въ этотъ домъ. Странные они люди, а?

Бенгтссонъ. Да-а, можно сказать, не совсѣмъ обыкновенные!

Иоганнсонъ. Что сегодня — музыкальный вечеръ, или что?

Бенгтссонъ. Обыкновенный ужинъ призраковъ, какъ мы называемъ. Пьютъ чай, молчатъ, или полковникъ погоритъ одинъ; и при этомъ грызутъ хлѣбцы, всѣ за разъ. Такой звукъ, точно крысы на чердакѣ.

Иоганнсонъ. Почему же это называется ужинъ призраковъ?

Бенгтссонъ. Они похожи на призраки... И такъ вотъ двадцать лѣтъ, всегда все тѣ же люди, которые говорятъ все то же самое или молчатъ, чтобы не застыдиться.

Иоганнсонъ. Хозяйка-то есть здѣсь?

Бенгтссонъ. Конечно. Только она слабоумная. Сидитъ въ шкафу, потому что глаза ея не выносятъ свѣта... Вотъ тутъ. Показываетъ на завѣшенную коврами дверь.

Иоганнсонъ. Тамъ?

Бенгтссонъ. Да! Я же сказалъ, она немножко ненормальная.

Иоганнсонъ. А какая она на видъ?

Бенгтссонъ. Какъ мумія... Хотите взглянуть? Подымаетъ коверъ. Вонъ сидитъ.

Иоганнсонъ. Силы небесныя!.

Мумія бормочетъ. Зачѣмъ онъ открываетъ дверь! Вѣдь я же сказала, чтобы она была всегда заперта...

Бенгтссонъ бормочетъ. Та-та-та-та! Дурочка, будь умницей, тогда получишь чего-нибудь хорошенькаго! Попка!

Мумія какъ попугай. Яковъ здѣсь? Курррре!

Бенгтссонъ. Она думаетъ, что она—попугай, да, можетъ, и вправду попугай. Мумія: Полли, посвищи намъ что-нибудь.

Мумія свищетъ.

Иоганнсонъ. Много я видѣлъ, но такого — еще никогда!

Бенгтссонъ. Видите ли, когда домъ дѣлается старымъ, онъ покрывается плѣсенью, а когда люди долго сидятъ вмѣстѣ и мучаютъ одинъ другого, они глупѣютъ. Эта хозяйка дома,—ну, тише ты, Полли! — Эта мумія просидѣла здѣсь сорокъ лѣтъ,—тотъ же мужъ, та же мебель, тѣ же родственники, тѣ же друзья...

Бенгтссонъ снова запираетъ Мумію.

Бенгтссонъ. Что произошло здѣсь въ домѣ,—я

почти что не знаю... Видите вотъ статую? Это — барыня, когда она была молода!

Иоганнсонъ. Господи Боже! Это—мумія?

Бенгтссонъ. Да! Вѣдь заплакать можно! Но эта женщина черезъ воображеніе или еще чѣмъ-то приобрѣла нѣкоторыя особенности болтливой птицы... Не выносить калѣкъ и больныхъ... Не выносить своей родной дочери, потому что та больна.

Иоганнсонъ. Барышня — больная?

Бенгтссонъ. Развѣ вы не знали?

Иоганнсонъ. Нѣтъ. Ну, а полковникъ!?

Бенгтссонъ. Увидите сами!

Иоганнсонъ разсматриваетъ статую. Страшно представить себя... Сколько же теперь лѣтъ барынь?

Бенгтссонъ. Никто не знаетъ... Но рассказываютъ, что когда ей было тридцать пять, ей можно было дать девятнадцать... И она убѣдила полковника, что ей всего девятнадцать... Здѣсь въ домѣ... Знаете, для чего черныя японскія ширмы, вонъ тамъ около chaise-longue? Онѣ называются ширмами смерти, и ихъ ставятъ, когда кто-нибудь умираетъ, совсѣмъ какъ въ больницахъ...

Иоганнсонъ. Какой страшный домъ... И сюда-то рвался студентъ, какъ въ рай...

Бенгтссонъ. Какой студентъ? Ахъ, этотъ! Который долженъ прійти сегодня вечеромъ... Полковникъ и барышня встрѣтились съ нимъ въ оперѣ, и оба были въ восхищеніи отъ него... Гм!.. Ну, теперь мой чередъ спрашивать. Кто вашъ баринъ? Директоръ въ подвижномъ креслѣ?

Иоганнсонъ. И онъ придетъ сегодня.

Бенгтссонъ. Онъ не приглашенъ.

Иоганнсонъ. Тогда онъ, въ крайнемъ случаѣ, придетъ и не приглашенный!..

Старикъ показывается въ коридорѣ; сюртукъ, цилиндръ, костыли. Входитъ потихоньку и прислушивается.

Бенгтссонъ. Должно быть, настоящая старая каналья? а?

Юганнсонъ. Прожженная!

Бенгтссонъ. Видъ у него, точно у самого чорта.

Юганнсонъ. Да онъ навѣрное колдунъ! Потому что онъ входитъ черезъ запертыя двери...

Старикъ подходитъ, хватается Юганнсона за ухо. Берегись, мерзавецъ! Бенгтссону. Доложите обо мнѣ г. полковнику.

Бенгтссонъ. Хорошо-съ, но они ждутъ гостей.

Старикъ. Знаю. Но и моего визита почти... ждутъ, если и не хотятъ...

Бенгтссонъ. Да? Какъ прикажете доложить? Г. директоръ Хуммель?

Старикъ. Совершенно вѣрно.

Бенгтссонъ плетъ черезъ коридоръ въ зеленую комнату и запираетъ за собою дверь въ нее.

Старикъ Юганнсону. Исчезни!

Юганнсонъ медлитъ.

Старикъ. Исчезни!

Юганнсонъ уходитъ коридоромъ.

Старикъ осматриваетъ комнату, останавливается въ глубокомъ изумленіи передъ статуей. Амалія!.. Она!.. Она!.. Обходитъ комнату, беретъ въ руки различныя вещи; поправляетъ передъ зеркаломъ свой парикъ; опять подходитъ къ статуѣ.

Мумія изъ гардероба. Попочка!..

Старикъ вздрагиваетъ. Что это? Попугай? Но я не вижу.

Мумія. Яковъ здѣсь?

Старикъ. Нечистая сила!

Мумія. Яковъ!

Старикъ. Мнѣ дѣлается страшно! Такъ вотъ какія

тайны прятали они здѣсь у себя! Разглядываетъ портретъ и поворачивается къ шкафу спиной. Это онъ! онъ!

Мумія подходитъ къ старику свади и дергаетъ за парикъ. Курrrrr—е! Это Курrrrrе?

Старикъ подпрыгиваетъ. Господи Боже! Что это?

Мумія человѣческимъ голосомъ. Это Яковъ?

Старикъ. Да, меня зовутъ Яковъ...

Мумія умиленно. А меня — Амалія!

Студентъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... О, Господи Иисусе...

Мумія. Ха! Вотъ какъ я теперь выгляжу! А когда-то была вотъ такая. Указываетъ на статую. Хороша жизнь. Я большею частью живу въ шкафу, чтобы не видѣть, и чтобы меня не видѣли... Но ты, Яковъ — ты чего ищешь здѣсь?

Старикъ. Мое дитя! Наше дитя!..

Мумія. Она сидитъ тамъ.

Старикъ. Гдѣ?

Мумія. Тамъ, въ комнтѣ съ гіацинтами.

Старикъ разглядываетъ дѣвушку. Да, это она! Пауза.

Старикъ. Что же говоритъ ея отецъ? Я хочу сказать — полковникъ. Твой мужъ.

Мумія. Я разъ разозлилась на него и все ему рассказала.

Старикъ. Ну, и...

Мумія. Онъ не повѣрилъ мнѣ. Только отвѣтилъ: «Такъ всегда говорятъ всѣ женщины, когда хотятъ убить мужа!» Все-таки, это было страшное преступленіе. Вѣдь вся его жизнь отравлена ложью и все его родословное дерево. Я иногда читаю дворянскій альманахъ, и думаю: у нея — фальшивая метрика, какъ у горничной. Вѣдь за это наказываютъ работнымъ домомъ.

Старикъ. Многіе такъ дѣлаютъ. Припоминаю, у тебя былъ фальшиво показанъ годъ рожденія...

Мумія. Этому меня научила мать. Я не была виновата!..

Но въ нашемъ преступленіи ты былъ виноватъ больше всѣхъ.

Старикъ. Нѣтъ, твой мужъ натолкнулъ насъ на это преступленіе, отнявъ у меня невѣсту! Я былъ такъ созданъ, что не умѣлъ простить, не покарать раньше. Я считалъ это своимъ долгомъ. И до сихъ поръ считаю.

Мумія. Чего ты ищешь въ этомъ домѣ? Чего ты хочешь? Какъ попалъ ты сюда? Тебѣ нужна моя дочь? Если ты къ ней прикоснешься, ты умрешь!

Старикъ. Она мнѣ нравится.

Мумія. Ты долженъ пощадить ея отца!

Старикъ. Нѣтъ!

Мумія. Тогда ты долженъ умереть въ этой комнатѣ, вонъ за тѣми ширмами...

Старикъ. Можетъ быть... но я не могу выпустить добычу, разъ я запустилъ въ нее зубы...

Мумія. Ты хочешь выдать ее замужъ за студента; зачѣмъ? Вѣдь, онъ — ничто, и ничего у него нѣтъ!

Старикъ. Онъ будетъ богатъ, благодаря мнѣ!

Мумія. Ты приглашенъ на сегодняшній вечеръ?

Старикъ. Нѣтъ, но я намѣренъ сдѣлать такъ, чтобы меня пригласили къ ужину призраковъ.

Мумія. Знаешь, кто будетъ?

Старикъ. Не совѣмъ.

Мумія. Баронъ... онъ живетъ здѣсь, наверху, у него сегодня хоронятъ тестя.

Старикъ. Тотъ, который хочетъ развестись, чтобы жениться на дочери привратницы?.. Онъ былъ когда-то твоимъ любовникомъ!

Мумія. Затѣмъ будетъ твоя прежняя невѣста, которую соблазнилъ мой мужъ...

Старикъ. Хорошенькое общество...

Мумія. Господи, если бы мы умерли! Если бы мы могли умереть!

Старикъ. Зачѣмъ же вы встрѣчаетесь?

Мумія. Насъ связываютъ всѣхъ вмѣстѣ преступленія, тайны и вина! Мы порывали и расходились безконечное число разъ, — но опять и опять тянуло насъ другъ къ другу.

Старикъ. Кажется, полковникъ идетъ.

Мумія. Тогда я пойду къ Адели... Пауза.

Мумія. Яковъ, подумай, что ты дѣлаешь! Пощади его!

Пауза. Уходитъ.

Полковникъ входитъ; холодно, сдержанно. Прошу, садитесь.

Старикъ медленно садится. Пауза.

Полковникъ пристально смотритъ на старика. Это вы писали это письмо?

Старикъ. Да!

Полковникъ. Васъ зовутъ Хуммель?

Старикъ. Да.

Пауза.

Полковникъ. Я теперь знаю, что вы скупили всѣ мои векселя. Я — въ вашихъ рукахъ. Чего вы хотите?

Старикъ. Хочу, чтобы мнѣ заплатили, тѣмъ или инымъ способомъ.

Полковникъ. Какимъ способомъ?

Старикъ. Очень просто. Не станемъ говорить о деньгахъ. Только принимайте меня, какъ гостя, въ вашемъ домѣ.

Полковникъ. Если васъ можетъ удовлетворить такой пустякъ...

Старикъ. Благодарю!

Полковникъ. Затѣмъ?

Старикъ. Прогоните Бенгтссона.

Полковникъ. Почему? Онъ — мой вѣрный слуга, жилъ у меня цѣлую жизнь, у него — медаль за безпорочную службу отечеству. Почему я стану его прогонять?

Старикъ. Всѣ эти прекрасныя качества существуютъ лишь въ вашемъ воображеніи. Онъ совсѣмъ иной, чѣмъ кажется.

Полковникъ. А кто же — таковъ, какимъ кажется?

Старикъ, отодвигаясь. Это правда! Но Бенгтссонъ долженъ быть удаленъ!

Полковникъ. Вы хотите распорядиться въ моемъ домѣ.

Старикъ. Да! Вѣдь мнѣ принадлежитъ все, что я здѣсь вижу — мебель, гардины, посуда, шкафы... и еще многое.

Полковникъ. Что еще?

Старикъ. Все! Все, что только можно видѣть, принадлежитъ мнѣ, все — мое!

Полковникъ. Хорошо, все это — ваше! Но мой дворянскій гербъ и мое доброе имя — они останутся моими!

Старикъ. Нѣтъ, даже и они не останутся. Пауза. Вы не дворянинъ!

Полковникъ. Постыдитесь!

Старикъ вынимаетъ изъ кармана бумагу. Прочтите эту выписку изъ дворянской книги, и вы увидите, что тотъ родъ, чье имя вы носите, вымеръ уже сто лѣтъ назадъ.

Полковникъ читаетъ. Правда, до меня доходили подобные слухи, но я ношу имя своего отца... Читаетъ. Правда... Вы правы... я не дворянинъ! Даже и этого не осталось! Въ такомъ случаѣ, долой этотъ перстень съ печатью... Да, онъ — вашъ!.. Прошу!

Старикъ надѣваетъ перстень. Будемъ продолжать! Вы и не полковникъ!

Полковникъ. И не полковникъ?

Старикъ. Нѣтъ! Вы были раньше полковникомъ въ американской милиціи. Но послѣ войны на Кубѣ и послѣ преобразования арміи всѣ прежніе чины уничтожены.

Полковникъ. Это правда?

Старикъ опускаетъ руку въ карманъ. Желаете прочитатъ?

Полковникъ. Нѣтъ, не надо!.. Кто же вы, что имѣете право такъ обнажать меня?

Старикъ. Увидите! А что касается обнаженія... Знаете, кто вы?

Полковникъ. Вамъ не стыдно?

Старикъ. Снимите свои волосы и поглядите въ зеркало. Да выньте кстати и зубы, сбейте усы, велите Бенгтссону расшнуровать желѣзный корсетъ,— и тогда мы посмотримъ, не узнаемъ ли снова лакея Икса, который блюдолизничалъ въ извѣстной кухнѣ...

Полковникъ протягиваетъ руку къ звонку на столѣ; старикъ предупреждаетъ его.

Старикъ. Не трогайте звонка, не зовите Бенгтссона, а то я велю его арестовать... Вотъ идутъ гости... Успокойтесь, и будемъ опять играть наши старья роли.

Полковникъ Кто вы? Я какъ будто узнаю ваши глаза и вашу голосъ...

Старикъ. Не старайтесь узнать, молчите и слушайте!

Студентъ входитъ и кланяется полковнику. Г. полковникъ!

Полковникъ. Привѣтствую васъ, юноша, въ моемъ домѣ! Вашъ благородный поступокъ во время катастрофы заставилъ всѣхъ говорить о васъ. Ваше имя— у всѣхъ на устахъ. И я почитаю за честь принять васъ въ моемъ домѣ.

Студентъ. Г. полковникъ, мое скромное происхожденіе... Ваше блестящее имя и ваше знатное происхожденіе...

Полковникъ. Позвольте представить: г. кандидатъ Архенхольцъ, г. директоръ Хуммель... Не хотите ли, г. кандидатъ, поздороваться съ дамами? Мнѣ нужно кончить нашъ разговоръ съ г. директоромъ.

Студентъ направляется въ комнату съ гiацинтами; видно, какъ онъ робко разговариваетъ съ дѣвушкою.

Полковникъ. Прекрасный молодой человекъ, музыкантъ, поэтъ, пишетъ стихи... Будь онъ дворянинъ, я бы не имѣлъ ничего противъ того, чтобы...

Старикъ. Противъ чего?

Полковникъ. Чтобы моя дочь...

Старикъ. Ваша дочь!.. Кстати, почему сидитъ она всегда въ той комнатѣ?

Полковникъ. Когда она дома, она должна сидѣть въ комнатѣ съ гiацинтами... Такая у нея особенность... Вотъ фрекенъ Беата фонъ Хольштейнкрока... прелестная дѣвушка... Институтка, съ рентой, которой вполне довольно для ея положенія и для ея круга...

Старикъ про себя. Моя невѣста!..

Невѣста—сѣдая, производитъ впечатлѣнiе слабоумной.

Полковникъ. Фрейлейнъ Хольштейнкрока. Директоръ Хуммель...

Невѣста кланяется и садится.

Важный господинъ входитъ. Видъ очень таинственный. Въ траурѣ. Садится.

Полковникъ. Баронъ Сканскоргъ...

Старикъ въ сторону, не подымаясь. Кажется, это — воръ брилліантовъ. Къ полковнику Позовите Мумію. И тогда все общество — въ сборѣ.

Полковникъ въ дверь въ комнату съ гiацинтами. Полли!

Мумія входитъ. Курр-е!

Полковникъ. Молодежь тоже позвать?

Старикъ. Нѣтъ! Только не молодежь! Нужно ее пощадить... Всѣ садятся молча въ кругъ.

Полковникъ. Будемъ пить чай?

Старикъ. Къ чему? Никто чая не любитъ; зачѣмъ намъ притворяться?

Пауза.

Полковникъ. Въ такомъ случаѣ, будемъ разговаривать?

Старикъ. Говорить о погодѣ? Это мы можемъ. Спрашивать, какъ дѣла, хотя и сами отлично знаемъ? Я предпочитаю молчать. Тогда слышны мысли и видно прошлое. Молчаніе не можетъ ничего скрывать, а слова могутъ! Я на-дняхъ читалъ, что различіе языковъ возникло у дикихъ народовъ для того, чтобы скрывать тайны одного племени отъ другого. Языки — шифръ, и кто нашелъ къ нимъ ключъ, понимаетъ всѣ языки міра. Это, однако, ничуть не мѣшаетъ разгадывать тайны и безъ ключа, въ особенности когда надо доказать кто отецъ! Доказать передъ судомъ, это — совсѣмъ другое: два лживыхъ свидѣтеля, когда они показываютъ согласно, считаются уже полнымъ доказательствомъ; но въ тѣ разслѣдованія, какія я имѣлъ въ виду, не берутъ съ собой никакихъ свидѣтелей. Сама природа заложила въ людей чувство стыда, и оно старается скрыть то, что должно быть скрыто. Однако, временами обстоятельства складываются такъ, что самое тайное дѣлается явнымъ, срывается съ лжеца маска, и изобличается плугъ...

Пауза. Всѣ молча смотрятъ другъ на друга.

Старикъ. Какъ стало тихо!

Долгое молчаніе.

Старикъ. Здѣсь, напримѣръ, въ этомъ достоуважаемомъ домѣ, въ этомъ миломъ семейномъ кругѣ, гдѣ соединились красота, образованіе и богатство...

Долгое молчаніе.

Старикъ. Всѣ мы, сидяшіе здѣсь, конечно, знаемъ, кто мы. Не правда ли?.. Мнѣ нечего говорить вамъ... И

вы меня знаете, хотя вы и держите себя такъ, точно не знаете... А тамъ, въ комнатѣ, сидитъ моя дочь, моя, и это вы также знаете... Она потеряла вкусъ къ жизни, не зная, почему... Но она увядала въ этомъ воздухѣ, пропитанномъ преступленіями, ложью и всяческимъ обманомъ. И потому я отыскалъ для нея друга; подлѣ него она можетъ испытать свѣтъ и теплоту, которыми лучится благородный поступокъ...

Долгое молчаніе.

Моею миссіею въ этомъ домѣ было: вырвать плевелы, вскрыть преступленіе, подвести итоги, чтобы юность могла начать въ этомъ домѣ нѣчто новое.

Долгое молчаніе.

А теперь я предоставляю свободу уйту каждому по очереди. Кто останется, того я велю задержать!

Долгое молчаніе.

Слышите, какъ тикаютъ часы, совсѣмъ какъ сверлильщикъ въ стѣнѣ! Слышите, что они говорятъ «Время! Время!» Когда они, черезъ нѣсколько мгновений, начнутъ бить — время ваше прошло, и вы должны идти, но не раньше. Но прежде чѣмъ пробить, они грозятъ! Слышите! Вотъ они предостерегаютъ: часы могутъ пробить! И я тоже могу пробить! Стучить костью по столу. Слышите?

Молчаніе.

Мумія идетъ къ часамъ и останавливаетъ ихъ. Затѣмъ говоритъ внятно и серьезно. Но я могу задержать время въ его бѣгѣ. Я могу обратить прошлое въ ничто и бывшее—въ небывшее! Только не подкупомъ, не угрозами, но страданіемъ и раскаяніемъ. Подходить къ старику. Мы—жалкіе люди, мы это знаемъ. Мы грѣшили, мы ошибались, всѣ, всѣ мы. Мы не тѣ, какими кажемся, потому что въ существѣ мы лучше самихъ себя, потому что мы осуждаемъ наши проступки. Но то, что ты, Яковъ Хуммель, съ фальшивымъ именемъ, хочешь быть судьей, доказываетъ, что ты хуже, чѣмъ мы, жалкіе!

И ты не тотъ, чѣмъ кажешься. Ты воръ людей, потому что ты однажды похитилъ меня лживыми обѣщаніями. Ты убилъ консула, котораго сегодня похоронятъ; ты задушилъ его векселями; ты похитилъ студента, опутавъ его вымышленными долгами его отца, который никогда не былъ тебѣ долженъ ни гроша...

Старикъ попробоваль встать и заговорить, но опять упалъ въ стулъ и съежился; подъ давленіемъ послѣдующаго съеживается еще сильнѣе.

Мумія. Но есть въ твоей жизни одна черная точка, которую я не совсѣмъ знаю, но подозреваю... Кажется, Бенгтссонъ знаетъ объ этотъ. Звонить въ звонокъ на столѣ.

Старикъ. Нѣтъ! Только не Бенгтссона! Не его!

Мумія. Ага, этотъ знаетъ! Снова звонить.

Въ дверяхъ коридора появляется маленькая молочница; ее не видитъ никто, кромѣ старика, котораго охватываетъ ужасъ. Когда Бенгтссонъ входитъ, молочница исчезаетъ.

Мумія. Бенгтссонъ, знаешь ты этого господина?

Бенгтссонъ. Да, знаю, и онъ меня! Жизнь измѣнчива, какъ мы знаемъ — я служилъ у него, а разъ онъ служилъ у меня. Два года подъ-рядъ онъ кормился у меня на кухнѣ. Онъ долженъ былъ уходить около трехъ часовъ, ѣда была готова къ двумъ часамъ, и всѣ въ домѣ бѣли разогрѣтое кушанье изъ-за этого быка. Онъ выпивалъ весь бульонъ, и его приходилось разводить потомъ водой. Онъ сидѣлъ тамъ, точно вампиръ, и высасывалъ изъ дома всѣ соки, такъ что мы обратились почти въ скелеты. И онъ чуть было не довелъ насъ до тюрьмы, когда мы назвали кухарку воровкой! Позднѣе я встрѣтилъ этого чловѣка въ Гамбургѣ, уже подъ другимъ именемъ. Онъ былъ уже ростовщикомъ, опять высасывалъ кровь. И тамъ его привлекали къ суду, обвиняли въ томъ, что онъ заманилъ

одну дѣвушку на ледъ, чтобы утопить. Она была свидѣтельницей его преступленія, раскрытія котораго онъ такъ боялся...

Мумія проводитъ рукою по лицу старика. Вотъ ты какой! Ну, а теперь давай сюда веѣселя и завѣщаніе!

Иоганнсонъ показывается въ дверяхъ и съ громаднымъ интересомъ смотритъ на происходящее, такъ какъ чувствуетъ себя теперь освобожденнымъ отъ рабства.

Старикъ вытаскиваетъ изъ кармана пачку бумагъ и бросаетъ на столъ.

Мумія гладитъ старика по спинѣ. Ку-ку! Яковъ здѣсь?

Старикъ, какъ попугай. Яковъ здѣсь. Какадора! Дора!

Мумія. Можно часамъ бить?

Старикъ. Часы могутъ бить! Подражаетъ куканью часовъ.

Кук-кукъ, кук-кукъ, кук-кукъ!..

Мумія открываетъ коверъ, прикрывающій гардеробъ. Теперь часы пробили! Вставай, иди въ гардеробъ, гдѣ я просидѣла двадцать лѣтъ и оплакивала наше преступленіе... Тамъ виситъ шнурокъ, которымъ ты задушилъ консула, тамъ наверху, и которымъ ты хотѣлъ задушить своего благодѣтеля... Ступай!

Старикъ входитъ въ гардеробъ.

Мумія. Запираетъ дверь. Бенгтссонъ, поставь ширмы. Ширмы смерти!

Бенгтссонъ ставитъ ширмы перель дверью.

Мумія. Съ нимъ кончено! Господь, смилуйся надъ его душою.

Всѣ. Аминь!

Долгое молчаніе.

Въ комнатѣ съ гіацинтами дѣвушка аккомпанируетъ пѣснѣ студента.

Комната немного страннаго стиля, восточныхъ мотивовъ. Вездѣ гіацинты всѣхъ цвѣтовъ. На каминѣ большой Будда; на колѣняхъ у него луковица, изъ которой растеть *Allium ascalonicum* съ круглыми цвѣтами бѣлаго цвѣта. Въ глубинѣ направо дверь, которая ведетъ въ круглый заль. Тамъ сидятъ тихо, ничего не дѣлая, полковникъ и мумія. Виденъ краешекъ ширмъ смерти. Налѣво дверь въ столовую и кухню.

Студентъ и дѣвушка — у стола.
Она съ арфой, онъ стоитъ.

Дѣвушка. Воспойте мнѣ мои цвѣты!

Студентъ. Это — цвѣты вашей души?

Дѣвушка. Это — единственный мой цвѣтокъ! Любите вы гіацинты?

Студентъ. Люблю больше всѣхъ другихъ, люблю ихъ дѣвическій образъ; стройно и прямо поднимаются они и купають свои бѣлые, чистые корни въ безцвѣтной водяной влагѣ. Люблю ихъ краски — снѣжно-бѣлыя, невинно-чистыя, ласково-желтыя, какъ медь, розовыя, ярко-красныя, но больше всего люблю голубые гіацинты, глубокіе, какъ глаза, вѣрные... Люблю ихъ всѣ больше золота и жемчуговъ, люблю ихъ, съ дѣтства восхищался ими, потому что у нихъ — всѣ тѣ красивыя качества, какихъ нѣтъ у меня... Только...

Дѣвушка. Только?

Студентъ. Нѣтъ отвѣта на мою любовь, потому что прекрасные цвѣты ненавидятъ меня...

Дѣвушка. Какъ ненавидятъ?

Студентъ. Ихъ ароматъ, сильный и чистый, отъ перваго вѣтра весны, пробѣжавшаго по тающему снѣгу, туманить мои чувства, оглушаетъ меня, слѣпитъ, гонитъ изъ комнаты и мечетъ въ меня отравленными стрѣлами, отъ которыхъ больно моему сердцу, — горитъ голова!.. Вы не знаете тайны этого цвѣтка?

Дѣвушка. Скажите.

Студентъ. Но сначала его значеніе. Луковица, которая покоится въ водѣ или лежитъ въ землѣ — это земля; стебель подымается, какъ земная ось, и на верхнемъ его концѣ сидятъ цвѣты-звѣзды съ шестью лучами...

Дѣвушка. Надъ землею звѣзды! Это величественно! Гдѣ вы это видѣли?

Студентъ. Позвольте подумать... Въ вашихъ глазахъ! Итакъ, это — отраженіе міра... И потому сидитъ Будда съ луковицей-землей и согрѣваетъ ее своими взорами, чтобы видѣть, какъ она вырастетъ ввысь и обратится въ свое небо. Бѣдная земля должна стать небомъ! Этого ждетъ Будда!

Дѣвушка. Теперь я поняла. Но развѣ цвѣтокъ подснежника также не съ шестью лучами, какъ лилія, какъ гіацинтъ?

Студентъ. Вы правы! Тогда цвѣты подснежника — падающія звѣзды...

Дѣвушка. И подснежникъ — снѣжная звѣздочка, выросшая изъ снѣга.

Студентъ. А желто-красный Сиріусъ, самая большая и самая прекрасная изъ звѣздъ неба, — это нарциссъ съ его желтыми и красными чашечками и шестью бѣлыми лучами.

Дѣвушка. Видѣли вы, какъ цвѣтетъ шарлоттъ?

Студентъ. Конечно, видѣлъ! Она несетъ свой цвѣтокъ на шарѣ, который походить на небесный сводъ, усыянный бѣлыми звѣздами.

Дѣвушка. Господи, какъ величественно! Это кто придумалъ?

Студентъ. Ты!

Дѣвушка. Ты!

Студентъ. Мы!.. Мы создали вмѣстѣ... Мы обвинчаны...

Дѣвушка. Еще нѣтъ...

Студентъ. Чего же еще не достаетъ?

Дѣвушка. Ожиданія, испытанія, терпѣнія!

Студентъ. Хорошо, испытай меня!

Пауза.

Студентъ. Скажи, почему родители сидятъ тамъ такъ тихо, не говоря ни слова?

Дѣвушка. Потому что имъ нечего сказать другъ другу, потому что одинъ не вѣритъ тому, что говоритъ другой. Мой отецъ такъ выразилъ это: «къ чему говорить, вѣдь мы не можемъ обмануть другъ друга».

Студентъ. Какъ страшно слышать это.

Дѣвушка. Вотъ идетъ кухарка... Посмотрите, какая она большая и жирная...

Студентъ. Что ей нужно?

Дѣвушка. Она хочетъ спросить меня насчетъ обѣда. Вѣдь я хозяйничаю, когда больна моя мать.

Студентъ. Какое намъ дѣло до кухни?

Дѣвушка. Надо же намъ ѣсть... Поглядите на кухарку, я не могу ее видѣть...

Студентъ. Кто она, эта женщина-гигантъ?

Дѣвушка. Она принадлежитъ къ семьѣ вампировъ Хуммель. Она съѣдаетъ насъ...

Студентъ. Почему же вы ей не откажете?

Дѣвушка. Она не уходитъ! У насъ нѣтъ надъ нею

власти; она досталась намъ за наши грѣхи... Развѣ вы не видите, что мы чахнемъ, что мы истощены.

Студентъ. Развѣ вамъ не даютъ ѣсть?

Дѣвушка. Даютъ, много блюдъ, но вся питательная сила у нихъ уничтожена... Она вывариваетъ мясо и даетъ намъ жиры и воду, а бульонъ выпиваетъ сама. И изъ жаркого она сначала вывариваетъ всѣ соки, выпиваетъ ихъ; все же, что достается намъ, лишено питательной силы; точно она высасываетъ эту силу глазами; намъ достается гуща послѣ того, какъ она выпьетъ кофе; она выпиваетъ вино и опорожненные бутылки наполняетъ водою...

Студентъ. Такъ прогоните же ее!

Дѣвушка. Мы не можемъ.

Студентъ. Почему?

Дѣвушка. Не знаемъ! Она не уходитъ! Ни у кого нѣтъ надъ ней власти, вѣдь она отняла у насъ силу.

Студентъ. Хотите, я ее выгоню.

Дѣвушка. Нѣтъ! Пусть будетъ такъ, какъ есть. Вотъ она! Она спрашиваетъ, чего мы хотимъ къ обѣду; я отвѣчаю: то-то и то-то; она возражаетъ; и дѣлается такъ, какъ она хочетъ.

Студентъ. Такъ пусть же она уже сама рѣшаетъ.

Дѣвушка. Она не хочетъ.

Студентъ. Какой странный домъ! Заколдованный!

Дѣвушка. Да! Вотъ она обернулась, потому что замѣтила васъ!

Кухарка въ дверяхъ. Нѣтъ, не потому! Улыбается такъ, что видны зубы.

Студентъ. Вонъ отсюда!

Кухарка. Да, если захочу. Пауза. Теперь захотѣла. Уходить.

Дѣвушка. Не выходите изъ себя! Будьте терпѣливы! Она—одно изъ тѣхъ испытаній, какія мы должны пере-

терпѣть въ этомъ домѣ. У насъ есть еще и горничная, за которой мы должны убирать!

Студентъ Я лишаюсь силъ! Хоръ въ Эфирѣ! Пѣсню!

Дѣвушка. Подождите!

Студентъ. Пѣсню!

Дѣвушка. Терпѣніе! Эта комната зовется комнатою испытанія. Она красивая, но у нея очень много недостатковъ.

Студентъ. Невѣроятно! Здѣсь красиво. Только немного холодно. Почему вы не топите?

Дѣвушка. Потому что тогда идетъ дымъ.

Студентъ. Развѣ нельзя вычистить трубу?

Дѣвушка. Не помогаетъ... Посмотрите на письменный столъ, вонъ тотъ.

Студентъ. Замѣчательно красиво!

Дѣвушка. Но онъ качается! Каждый день я подкладываю подъ ножку пробку, а горничная вынимаетъ, когда мететъ, и я должна вырѣзывать новую пробку. Ручка и перья каждое утро измазаны чернилами, чернильница тоже. И каждое утро на восходѣ солнца я должна ихъ мыть.
Пауза. Что, по-вашему, самое отвратительное?

Студентъ. Считать бѣлье! У!

Дѣвушка. Я это дѣлаю! У!

Студентъ. А еще?

Дѣвушка. Когда ночью мѣшаютъ спать, и надо вставать и запирать верхнюю задвижку окна, про которую забыла горничная.

Студентъ. Еще?

Дѣвушка. Лѣзть на лѣстницу и снова привязывать къ отдушнику шнурокъ, оборванный горничною.

Студентъ. Еще?

Дѣвушка. Подметать за нею, вытирать послѣ нея пыль, разводить за нее огонь въ печи, такъ какъ она только кладетъ дрова. Слѣдить за отдушниками, вытирать

стаканы, накрывать на столъ, откупоривать бутылки, открывать окна и провѣтривать комнату, оправлять постель, мыть графинъ, когда онъ дѣлается зеленымъ отъ порослей, покупать спички и мыло, которыхъ никогда не хватаетъ. Вытирать цилиндръ и обрѣзать фитиль, чтобы не коптѣли лампы; а чтобы лампы не гасли, когда гости, я должна сама наливать ихъ...

Студентъ. Пѣсню!

Дѣвушка. Подождите! Сначала утомительная работа, чтобы удалить отъ себя все нечистое.

Студентъ. Но вѣдь у васъ есть средства, двѣ прислуги!

Дѣвушка. Это ничему не помогаетъ! Если бы даже ихъ было три! Трудно жить, и я часто такая усталая. Подумайте, еще и дѣтская!

Студентъ. Величайшая изъ радостей...

Дѣвушка. Самая дорогая!.. Стоитъ ли жизнь столько ихъ трудовъ?

Студентъ. Это зависитъ отъ того, какой ждешь награды за труды... Я бы ничего не побоялся, чтобы получить вашу руку...

Дѣвушка. Не говорите такъ! Я никогда не буду вашей.

Студентъ. Почему?

Дѣвушка. Объ этомъ вы не должны спрашивать!

Пауза.

Студентъ. У васъ упалъ браслетъ въ окно...

Дѣвушка. Да, у меня такъ похудѣла рука...

Кухарка появляется съ бутылкой японской сои въ рукахъ.

Дѣвушка. Ужасъ! Опять она, которая пожираетъ меня и всѣхъ насъ.

Студентъ. Что это у нея въ рукахъ?

Дѣвушка. Это — чертовъ элексиръ, съ скорпионными буквами на бутылкѣ. Это — вѣдьма, г-жа Соя, которая об-

рашаетъ воду въ бульонъ, замѣняетъ соусъ, съ которой варятъ капусту, на которой дѣлаютъ супъ изъ черепахъ.

Студентъ. Вонъ!

Кухарка. Вы высасываете соки изъ насъ, а мы — изъ васъ; мы беремъ кровь, а вы получаете назадъ подкрашенную воду. Это — краска! А теперь иду. Но я всегда остаюсь, сколько хочу! Идетъ.

Пауза.

Студентъ. За что у Бенгтссона медаль?

Дѣвушка. За его большія заслуги.

Студентъ. Недостатковъ у него нѣтъ?

Дѣвушка. Есть, и очень большіе, но за нихъ не даютъ медали.

Смѣются.

Студентъ. У васъ здѣсь въ домѣ много тайнъ...

Дѣвушка. Какъ во всѣхъ другихъ домахъ... Оставьте намъ наши тайны.

Пауза.

Студентъ. Любите вы откровенность?

Дѣвушка. Не очень.

Студентъ. Иногда мною овладѣваетъ безумное желаніе высказать все, что я думаю; но я знаю, міръ бы рухнулъ, если бы стать дѣйствительно откровеннымъ...

Пауза.

Студентъ. На-дняхъ я присутствовалъ въ церкви при отпѣваніи. Было торжественно и красиво...

Дѣвушка. При отпѣваніи директора Хуммеля?

Студентъ. Да, моего благодѣтеля. У изголовья гроба стоялъ старый другъ покойнаго; онъ же шелъ и впереди процессіи. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на меня пасторъ своими движеніями, дышавшими достоинствомъ, и своими трогательными словами. Я плакалъ, мы всѣ плакали. Потомъ мы пошли въ ресторанъ... Тамъ я узналъ, что несшій посохъ любилъ сына покойнаго...

Дѣвушка пристально смотритъ на него, чтобы понять смыслъ его словъ.

Студентъ. И что покойный взялъ взаймы денегъ у поклонника своего сына...

Пауза.

Студентъ. А день спустя пасторъ былъ арестованъ, потому что опустошилъ церковную кассу!.. Это было чудесно!..

Дѣвушка. Да?..

Пауза.

Студентъ. Знаете, что я сейчасъ думаю о васъ?

Дѣвушка. Не говорите, иначе я умру!

Студентъ. Долженъ, иначе я умру!

Дѣвушка. Въ больницѣ говорятъ все, что думаютъ...

Студентъ. Правда!.. Мой отецъ скончался въ сумасшедшемъ домѣ...

Дѣвушка. Онъ былъ боленъ?

Студентъ. Нѣтъ, здоровъ, но сумасшедшій! Разъ это разразилось, и при такихъ обстоятельствахъ... Онъ, какъ всѣ мы, былъ окруженъ извѣстнымъ кругомъ людей, который онъ для краткости звалъ дружескимъ кругомъ; конечно, это была кучка жалкихъ людей, какъ и большинство людей... Но нужно же было ему знаться съ кѣмъ-нибудь, потому что онъ не могъ жить одинъ. Людямъ не говорятъ, что объ нихъ думаютъ, по крайней мѣрѣ—обыкновенно не говорятъ, — и онъ также не дѣлалъ этого. Онъ отлично зналъ, какіе они лживые, онъ ясно видѣлъ всю глубину ихъ измѣнчивости... Но онъ былъ уменъ и благовоспитанъ, и потому былъ всегда вѣжливъ... Какъ-то разъ у него собралось большое общество. Былъ вечеръ; онъ усталъ отъ работы за день и отъ того, что приходилось, насилуя себя, то молчать, то болтать съ гостями всякій вздоръ.

Дѣвушка пугается.

Студентъ. Наконецъ, онъ застучалъ по столу и попросилъ, чтобы замолчали, поднялъ стаканъ и сказалъ рѣчь... Всѣ запоры упали, и онъ обстоятельно разобралъ и обнажилъ всю компанію; одного за другимъ, сказалъ имъ про всю ихъ лживость. Затѣмъ онъ, измученный, сѣлъ на столъ и послалъ гостей ко всѣмъ чертямъ!

Дѣвушка. О!

Студентъ. Я былъ при этомъ, и я не забуду, что произошло тогда... Отецъ и мать били другъ друга, гости бросились къ дверямъ... И отца помѣстили въ сумасшедшій домъ. Тамъ онъ умеръ.

Пауза.

Студентъ. Оттого, что слишкомъ долго молчать, образуется стоячая вода, и она гниетъ. Такъ и у васъ въ домѣ. Тутъ—какая-то гниль! А я думалъ, что здѣсь—рай, когда увидалъ въ первый разъ, какъ вы вошли сюда... Однимъ воскреснымъ утромъ стоялъ я тамъ и смотрѣлъ сюда. Я увидѣлъ полковника, который не былъ полковникомъ; у меня былъ благородный благодѣтель, который былъ бандитомъ и долженъ былъ повѣситься; я видѣлъ Мумію, которая была не Мумія, и дѣвушку съ унаслѣдованною или приобрѣтенною... Впрочемъ, гдѣ найти дѣвственность? Я видѣлъ ее лишь въ анатомическомъ театрѣ, въ 90-градусномъ спирту. Гдѣ найти красоту? Въ природѣ и въ моей душѣ, когда онѣ одѣты въ праздничныя одежды. Гдѣ найти вѣрность и вѣру? Въ сказкахъ и въ дѣтскихъ спектакляхъ. Гдѣ найти сдерживающихъ то, что общали? Въ моемъ воображеніи!.. Теперь ваши цвѣты отравили меня, и за это и я ихъ отравилъ... Я хотѣлъ сдѣлать васъ моею женою у моего очага; мы читали стихи, пѣли, играли—тутъ вошла кухарка. *Sursum Cod da!* Попытайся еще разъ извлечь огонь и пурпуръ изъ золотой арфы... Попытайся, прошу, молю на колѣняхъ... Хорошо, тогда я сдѣлаю это самъ! Береть арфу, но струны молчать.

Она нѣма и глуха! Самые прекрасные цвѣты такъ ядовиты, самые ядовитые. На всемъ мірозданіи и на всей жизни лежитъ проклятіе... Почему вы не хотите стать моей женой? Потому, что вы больны въ самомъ родникѣ жизни... Теперь я чувствую, какъ вампиръ изъ кухни начинаетъ пить мою кровь. Мнѣ кажется, это—Ламія, высасывающая кровь у дѣтей,—кухня всегда вырываетъ у дѣтей сердце-вину, если этого не успѣла сдѣлать спальня... Есть яды, которые ослабляютъ зрѣніе, и яды, которые раскрываютъ глаза,—навѣрное, я родился съ этимъ послѣднимъ, потому что не могу видѣть въ безобразномъ красное, или дурное называть хорошимъ. Не могу! Иисусъ Христосъ спустился въ преисподнюю,—то было его земное скитаніе, спустился въ дома безумія, въ тюрьмы, мертвецкія, и глупцы убили его за то, что онъ хотѣлъ ихъ освободить. А разбойникъ былъ отпущенъ на свободу, разбойнику всегда принадлежать симпатіи! Горе, горе! Спаситель міра, спаси насъ, мы гибнемъ!

Дѣвушка согнулась, точно умираетъ; звонитъ. Бенгтссонъ входитъ.

Дѣвушка. Ширмы! Скорѣе... Умираю!

Бенгтссонъ приноситъ ширмы, раскладываетъ ихъ и окружаетъ ими дѣвушку.

Студентъ. Грядетъ избавитель! Привѣтъ тебѣ, блѣдная, кроткая! Спи, прекрасная! Несчастливая, невинная, не виноватая въ страданіяхъ своихъ, спи безъ грезъ. И когда ты снова проснешься... Пусть привѣтствуетъ тебя солнце, которое не жжетъ, въ пріютѣ, гдѣ нѣтъ пыли. Пусть привѣтствуютъ тебя близкіе, чистые отъ позора, и любовь, чистая отъ порока... Ты, мудрый, кроткій Будда, ты сидишь и ждешь, что вырастетъ изъ земли небо; дай же намъ терпѣніе въ испытаніяхъ, дай чистоту воли, чтобы упованіе не стало стыдомъ!

Шелестять струны арфы, комната наполняется бѣлымъ свѣтомъ.

Когда я видѣлъ солнце, я точно зрилъ сокрытаго; каждый человѣкъ пожинаетъ плоды своего дѣла, блаженъ, кто доброе творить. Безъ злобы неси кару за совершенное, нѣжно утѣшая того, кого ты опечалилъ. И будетъ тебѣ благо. Кто только боится, тотъ сгубилъ себя. Хорошо жить безъ вины.

За ширмами слышенъ стонъ.

Бѣдное, маленькое дитя, дитя этого міра обмана, вины, страданія и смерти; міра вѣчнаго измѣненія, разочарованія и горя. Пусть Владыка неба милостиво встрѣтитъ тебя на твоёмъ пути...

Комната исчезаетъ; вмѣсто задняго плана — «Островъ смерти» Бѣклина. Съ острова долетаетъ тихая музыка, нѣжная и пріятно-печальная.

Книгоиздательство В. М. САБЛИНА.

МОСКВА,

Петровка, домъ Обидиной (ходъ съ Крапивенскаго пер.).

Телефонъ 131-34.

I ОТДѢЛЪ.

Политическая библіотека.

В. Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учреждений. М. 1906 г. Цѣна 3 р. 75 к.

Предисловіе проф. М. Ковалевскаго. Переводъ подъ редакціей А. С. Яценко, съ приложеніемъ текста конституціонныхъ актовъ.

Ольстонъ. Краткій очеркъ современныхъ конституцій, съ приложеніемъ очерка конституціи Англии. М. 1905 г. Ц. 15 к.

Георгъ Мейеръ. Избирательное право, въ 2-хъ част. Историческая и общая части. Съ предисловіемъ Георга Йеллинека. М. 1905 г. Цѣна 3 руб.

Собраніе конституцій. 19 конституціонныхъ актовъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 25 к

Собраніе конституцій. Выпускъ I. Конституціи: Франціи, Германіи, Пруссіи, Швейцаріи. Декларация правъ. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ II. Конституціи: Австро-Венгерской имперіи, Австріи, Венгріи и Соединенныхъ Штатовъ. М. 1905 г. Цѣна 30 коп.

Собраніе конституцій. Выпускъ III. Конституціи: Швеціи, Норвегіи. Актъ Унии. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ IV. Конституціи: Болгаріи, Греціи, Румыніи и Сербіи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ V. Конституціи: Австраліи, Японіи и Бельгіи. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Г. Брандесъ. Великій человекъ. (Начало и цѣль цивилизаціи). Лекція, читанная въ Высшей Русской школѣ въ Парижѣ. Переводъ Н. Эфроса. М. 1905 г. Цѣна 40 к.

Гардъ. Отрывки изъ исторіи будущаго. Переводъ Н. Н. Полянского. М. 1906 г. Ц. 40 к.

Г. Йеллинекъ. Право меньшинства. Докладъ, читанный въ юридическомъ Обществѣ, въ Вѣнѣ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 20 к.

А. А. Титовъ. Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи. Москва въ 1901 г. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Декабристы и тайныя общества въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. Слѣдствіе. Судъ. Приговоръ. Амнистія. Офіціальныя документы. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

М. Ковалевскій. Ученіе о личныхъ правахъ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 40 к.

Н. Полянскій. Свобода стачекъ. Исторія завоеванія коалиціонной свободы во Франціи. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Мильо. Тактика социализма въ рѣшеніяхъ международныхъ конгрессовъ. М. 1906 г. Цѣна 75 к.

Рѣчь Робеспьера о свободѣ печати, произнесенная въ якобинскомъ клубѣ 11 мая 1807 г. и повторенная въ Национальномъ Собраніи 2 августа того же года. М. 1906 г. Цѣна 10 к.

А. И. Герценъ. Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи. М. 1906 г. Цѣна 50 к.

Бebelъ. Женщина и социализмъ. Полный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 193-хъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 50-ти. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Симагинъ. Отвѣтственность министровъ. М. 1906 г. Цѣна 10 коп.

Хроника социалистическаго движенія. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. М. 1906 г. Цѣна 35 к.

Ольшевскій. Бюрократія. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Науманъ. Демократія и императорская власть. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

К. Диль. Социализмъ, коммунизмъ и анархизмъ. Полный переводъ съ нѣм. изд. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

Рѣчи и біографіи участниковъ процесса 193-хъ и 50-ти. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Дамашке. Земельная реформа. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

П. Луи. Рабочій и государство. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 75^к.

Орландо. Принципы конституціоннаго права. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

И. И. Поповъ. Дума народныхъ надеждъ. М. 1907 г. Ц. 85 к.

- Петрашевцы. Процессы Николаевской эпохи. М. 1907 г. Ц. 1 р.
Декабристы. Процессы Колесникова и др. М. 1907. Ц. 1 р.
М. Штирнеръ. Единственный и его достоиніе. М. 1907 г. Цѣна 75 к.
А. А. Лопухинъ (бывш. директоръ департамента полиціи). Изъ итоговъ служебнаго опыта. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 50 к.
Проф. Оршанскій. Первый шагъ. (Мысли о еврейскомъ вопросе). М. 1907 г. Цѣна 25 коп.
М. Мальтусъ. Опытъ закона о народонаселеніи. Сокращ. перев. П. А. Венгерова. Изд. М. М. Прокоповича. М. 1908 г. Цѣна 80 коп.
Андрэ Барръ. Боснія и Герцеговина подъ австрійскимъ владычествомъ. М. 1909 г. Ц. 1 рубль.

II ОТДѢЛЪ.

Научная бібліотека.

- Бельше. Происхожденіе человѣка. Пер. подъ ред. Синицаго. М. 1908 г. Цѣна 50 к.
Д-ръ Котикъ. Эманация психо-физической энергіи. М. 1907 г. Цѣна 60 к. (Распродано).
А. Риги. Современная теорія физическихъ явленій (радіоактивность, іоны, электроны). М. 1906 г. Цѣна 80 к.
Э. Жаваль. Среди слѣпыхъ. Практическіе совѣты для лицъ, потерявшихъ зрѣніе. Переводъ Г. Г. Оршанскаго. М. 1905 г. Цѣна 60 к.
В. Оствальдъ. Школа химіи. Первая часть, переводъ Евг. Раковского. М. 1904 г. Цѣна 1 р.
В. Оствальдъ. Школа химіи. Вторая часть. М. 1905 г. Ц. 1 р.
Сельско-хозяйственный анализъ. Составили: проф. Сельско-Хозяйственнаго Института Демьяновъ, ассистенты Виноградовъ и Егоровъ. Часть 1-я. Почва. М. 1907 г. Цѣна 2 руб.
Сельско-хозяйственный анализъ. Составили: проф. Демьяновъ ассистенты Виноградовъ и Егоровъ. Часть 2-я. Удобреніе и кормовыя вещества. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 75 коп.
Штарке. Опытное ученіе объ электричествѣ. М. 1907 г. Ц. 2 руб.
Э. Ферри. Уголовная социологія. Редакція проф. Познышева. Ц. 3 р.
Проф. П. И. Новгородцевъ. Философія права. Конспектъ лекцій. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 25 к.
Iost. Физиологія растений. (Печатается).
Ежегодникъ Императорской Екатер. больницы. Выпускъ I. М. 1907 г. Изданіе врачей Импер. Екатер. больницы. Цѣна 1 р. 60 к.

III ОТДѢЛЪ.

Библиотека художественной литературы.

П. Д. Боборыкинъ. Европейскій романъ въ XIX столѣтїи. „Романъ на Западъ за двѣ трети вѣка“. С.-Пб. 1900. Ц. 3 р.

П. Д. Боборыкинъ. Великая разруха—романъ. М. 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.

Танъ. Собрание сочиненій, т. I. Чукотскіе рассказы. М. 1909. Ц. 1 р.

Князь С. Д. Урусовъ. Записки губернатора. М. 1907 г. 1 р. 50 к.

Н. А. Морозовъ. Въ началѣ жизни. (Какъ изъ меня вышелъ революціонеръ вмѣсто ученаго). М. 1908 г. Цѣна 80 коп.

Н. А. Морозовъ. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. 2-е изданіе, значительно дополненное. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. 1-й. М. 1907 г. Цѣна 2 р.

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. 2-й. М. 1907 г. Цѣна 2 р. 50 к.

П. С. Коганъ. Очерки по исторіи западной литературы, т. III. Современники. (Печатается). Ц. 1 р. 50 к.

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи (Итоги художественной литературы въ XIX вѣкѣ.) Часть первая. 2-е изданіе. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи. Часть вторая. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Люблинскій. Итоги современнаго искусства и литературы. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

В. Стражевъ. О печали свѣтлой. М. 1907 г. Ц. 60 коп.

В. Стражевъ. Путь голубиный. М. 1908. Ц. 50 коп.

Корона. Сборникъ. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Ник. Русовъ. Мистикъ.— Андрей Бѣлый. Усталость.— Ник. Поярковъ. Красный цвѣтокъ.— Александръ Блокъ. Подруга свѣтлая и др.

Ф. Ведекіндъ. Собрание сочиненій. Т. I. Лулу. Духъ земли. Ящикъ Пандоры. Пляска мертвыхъ. Изданіе к-ва „Панъ“. М. 1907. Ц. 1 руб.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. 3-е изд. съ портретомъ автора и критической статьей Г. Брандеса. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Сказка, драма.— Смерть, новелла.— Мгновенія жизни, драма.— Литература, комедія.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изд. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Завѣщаніе, драма.— Поручикъ Густель, новелла.— Анатоль, діалоги.— Роковой вопросъ. Рождественскій подарокъ. Эпизодъ. Сувениръ. Прощальный ужинъ. Агонія. Утро Анатоля

передъ свадьбой. Жена философа. Послѣднее свиданіе. Бенефистъ. Цвѣты. Мертвые молчатъ.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. III. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Трилогія: Парацельсъ. Подруга. Зеленый попугай.—Покрывало Беатриче.—Одинокой тропой.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Берта Гарланъ. Храбрый Касьянь. Канунъ Нового года. Общая добыча.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. V. 2-е изд. М. 1909 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Забава, драма.—Интермеццо, драма.—Разсказы.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. VI. М. 1908 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Хороводъ. Новеллы. Крикъ жизни. Маріонетки.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1908 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Дорога къ волѣ. (Романъ).

Артуръ Шницлеръ. Забава, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1899 г. Цѣна 50 к.

Артуръ Шницлеръ. Общая добыча (Пощечина), драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ Н. Е. Эфроса. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, т. I. Драмы, съ портретомъ и предисловіемъ автора. 2-е изданіе. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Принцесса Маленъ. Вторженіе смерти. Аглавена и Селизета. Слѣпые. Ариана и Синяя Борода. Intérieur.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Драмы: Пеллеасъ и Мелизанда. Смерть Тентажиля. Алладина и Паломидъ. Семь принцессъ. Сестра Беатриса. Монна Ванна. Жуазель.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Сокровище смиренныхъ. Мудрость и Судьба.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сокровенный храмъ. Правосудіе. Эволюція тайны. Царство материн. Прошлое. Счастье. Будущее. Жизнь пчель.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, т. V. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Разумъ цвѣтовъ. Двойной садъ.

Морисъ Метерлинкъ. Слѣпые, драма. Переводъ В. М. Саблина. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянецъ. М. 1905 г. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Вторженіе, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Внутри, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Двѣнадцать пѣсень. Переводъ Георгія Чулова. Обложка, рисунки, заставки работы Дудлэ. Нумерованные экземпляры 5 р., нумерованные — 3 р.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Съ предисловіемъ автора и его портретомъ. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Поэмы (Аметисты. Въ долинѣ слезъ. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Introibo. Рапсодія 1. Epirsychidion. Рапсодія 2. Свѣтлыя ночи. Рапсодія 3. У моря). Cipro Dissolvi.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изд. Съ предисловіемъ автора. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сыны земли (Малярія. Сумерки. Ultima Thule).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. III. 2-е изд. Съ портретомъ автора. М. 1908 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Ното Sapiens.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. IV. Съ критической статьей автора „О драмѣ и сценѣ“. 2-е изд. М. 1909 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Драмы (Пляска любви и смерти. Золотое руно. Счастье. Мать. Гости. Снѣгъ).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. V. Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Критика (Къ психологіи индивидуума: Шопенъ и Ницше. Ола Ганссонъ. Пути души. Вступленіе. Афоризмы и Прелюдіи. Эдвардъ Мунхъ. Густавъ Вигеландъ. Шопенъ - Пламенный. Памяти Юлія Словацкаго. Съ Куявскихъ полей).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VI. 2-е изд. М. 1909 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Дѣти сатаны. De profundis.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Заупокойная месса. Стихотворенія въ прозѣ. Вѣчная сказка.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Повѣсти и рассказы. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Рабы любви. Сынъ солнца. Закхей. По ту сторону океана. Отъявленный плутъ. Отецъ и сынъ. Царица Савская. Дама изъ Тиволи. Тайное горе. Кольцо. На улицѣ. Енъ Тру. Почтовая лошадь. Рождественская пирушка. Сочельникъ въ горной хижинѣ. Шкиперъ Рейерсенъ. На отмели близъ Нью-Фаундленда. Парижскіе этюды.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Редакторъ Линге, романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. Повѣсти и рассказы. 2-е изд. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голосъ жизни. Маленькія приключенія: (Страхъ смерти. Уличная революція. Въ преріи. Привидѣніе. Гастроль. Завоеватель. Викторія).

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. 2-е изд. Повѣсти и рассказы. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голодъ. У царскихъ вратъ, драма въ 4-хъ д.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ V. 2-е изд. Повѣсти и рассказы. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Панъ, романъ. Вечерняя заря, драма въ 4-хъ д.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ VI. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Въ сказочной странѣ, романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, т. VII. 2-е изд. М. 1909 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Новъ, романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ VIII. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Фантазеръ. Въ странѣ полумѣсяца.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ IX. 2-е изд. М. 1909 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Загадки и тайны. (Мистерія).

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, т. X. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Драма жизни. Царица Тамара.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ XI. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Борьба страстей. Подъ осенней звѣздой.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ XII. М. 1908 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Бродячая жизнь. Духовная жизнь Америки.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки и рассказы.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 3-е исправленное изданіе подъ редакціей М. Ликиардопуло. М. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Портретъ Доріана Грея. Романъ.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки. Стихотворенія въ прозѣ. Саломея. De profundis (Тюрьма).

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. М. 2-е изд. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: О социализмѣ. Герцогиня Падуанская. Вѣрльэди Уайндермеръ.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, т. V. Переводъ подъ редакціей М. Ликиардопуло. М. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Исканія.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ VI. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Идеальный мужъ. Женщина безъ всякаго значенія.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, т. VII. Переводъ подъ редакціей М. Ликиардопуло. М. 1909. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Преступленіе лорда Артура Севиля. Двѣ сказки. Портретъ мистера W. H.

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, переводъ съ польскаго В. Ту-чапской, т. I. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Отрывки. Гимнъ Аполлону. Триумфъ. Двойная смерть. Заколдованная княжна. Карьера попугая. Гробы. Дождь. Недоразумѣніе. Гордость. Изъ афоризмовъ. Ледяная вершина. Монархъ. Кукла. Изъ воспоминаній художника. Къ небу. Стихотворенія въ прозѣ. Воспоминаніе. Судъ. Тѣнь. Любовь. Роза. На Везувіѣ. Черный мотылекъ. Надъ потокомъ. Счастье. Журавли. Ель. Къ женщинѣ. Тяжелое будущее. Къ смерти. За стеклянной стѣной. Одна изъ сказокъ. Бездна.

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, т. II. Панна Мэри. (Печатается).

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, т. III. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Содержаніе: На горныхъ уступахъ

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, томъ IV. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Ангель смерти.

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, т. V. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Гибель (продолженіе „Ангела смерти“).

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, т. VI. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Меланхолія.

О. Мирбо. Полное собраніе сочиненій, т. I. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Дневникъ горничной.

О. Мирбо. Полное собраніе соч., т. II. М. 1908 г. 2-е изд. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Садъ пытокъ, романъ.

О. Мирбо. Полное собраніе сочиненій, т. III. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Себастьянъ Рокъ.

- О. Мирбо. Полное собраніе сочиненій, т. IV. М. 1908 г. Цѣна 1 р.
Содержаніе: Автомобиль 628-Е8.
- О. Мирбо. Полное собраніе сочиненій, т. V. М. 1908 г. Цѣна 1 р.
Содержаніе: Голгова.
- О. Мирбо. Полное собраніе сочиненій, т. VI. М. 1908 г. Цѣна 1 р.
Содержаніе: Фарсы и аллегоріи.
- О. Мирбо. Полное собраніе сочин., т. VII. М. 1909 г. Цѣна 1 р.
Содержаніе: Аббатъ Жюль.
- Анатоль Франсъ. Полное собраніе соч. т. I. М. 1908 г. Ц. 1 р.
Содержаніе: Критическій очеркъ Г. Брандеса. Садъ Эпикура.
- Анатоль Франсъ. Полное собраніе соч., т. II. М. 1907 г. Цѣна 1 р.
Содержаніе: Таисъ. Клію.
- Анатоль Франсъ. Полное собраніе соч., т. III. М. 1908 г. Ц. 1 р.
Содержаніе: Валтасаръ.
- Анатоль Франсъ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. М. 1908 г.
Цѣна 1 руб.
Содержаніе: Харчевня „Королева Педокъ“.
- Анатоль Франсъ. Полное собраніе соч., т. V. М. 1907 г. Цѣна 1 р.
Содержаніе: Господинъ Бержере въ Парижѣ.
- Анатоль Франсъ. Полное собраніе соч., т. VII. М. 1908 г. Цѣна 1 р.
Содержаніе: Красная лилія.
- А. Стриндбергъ. Сочиненія, т. I. М. 1908 г. Цѣна 1 р.
- А. Стриндбергъ. Сочиненія, т. II. М. 1908 г. Ц. 1 р.
- А. Стриндбергъ. Сочиненія, т. III. М. 1909 г. Ц. 1 р.
- А. Стриндбергъ. Кредиторы. М. 1905 г. Цѣна 50 к.
- Германъ Зудерманъ. Да здравствуетъ жизнь! — Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ, съ разрѣшенія автора, В. М. Саблина. 2-е изд. М. 1902 г. Цѣна 75 к.
- Гергартъ Гауптманъ. Эльга, переводъ В. М. Саблина. Ц. 75 к.
- Гергартъ Гауптманъ. Красный пѣтухъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 60 к.
- Максъ Гальбе. Потокъ, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, литографированное изданіе для театровъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1904 г. Цѣна 50 к.
- Э. Лабишъ и Делакуръ. Копилка, комедія - шутка въ 5-ти дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1902 г. Цѣна 40 к.
- Роде. Гауптманъ и Ницше. Критическій очеркъ. М. 1903 г. Ц. 40 к.
- Поль Эрвье. Пессимизмъ и современный театръ. Критическій очеркъ. М. 1902 г. Цѣна 30 к.
- Треплевъ. Фактъ и возможность. Этюдъ о М. Горькомъ, съ портретомъ М. Горькаго. М. 1904 г. Цѣна 30 к.

Треплевъ. Молодое сознание. Этюдъ о Вл. Г. Короленко, съ портретомъ В. Г. Короленко. М. 1904 г. Цѣна 40 к.

Треплевъ. Три этюда. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Содержаніе: Радость земли. Механизмъ. Бѣгство отъ земли
Георгій Чулковъ. Кремнистый путь, стихотворенія и пѣсмы
М. 1904 г. Цѣна 1 р.

С. Выспанскій. Варшавянка, драма. Переводъ В. А. Высоцкого. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Э. Кей. Вѣкъ ребенка. Первый полный переводъ Е. К.—М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Э. Кей. Очерки. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Э. Кей. Любовь и бракъ. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Берентъ. Гнилушки, романъ. М. 1907 г. Цѣна 2 р.

Ригеръ-Налковская. Женщины, романъ. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Рербергъ. Лекціи объ искусствѣ. М. 1908 г. Цѣна 2 р.

Сизеранъ. Англійская живопись. Роскошное иллюстр. изд. М. 1908. Цѣна 2 р. 75 к.

У. Патеръ. Воображаемые портреты. М. 1908 г. Ц. 75 к.

Л. Андреевъ. Разказъ о семи повѣщенныхъ. Съ рисункомъ худ. Рѣпина. М. 1909 г. Ц. 50 коп.

Современная библіотека.

№ 1. Ола Ганссонъ. *Sensitiva amorosa*. М. 1908 г. Цѣна 50 к.

№ 2. Ола Ганссонъ. Видѣнія молодого Офега. Цѣна 50 к.

№ 3. Ю. Аго. Одинокій. М. 1908 г. Цѣна 50 к.

№ 4. Арнэ Гарборгъ. Горный воздухъ. М. 1908 г. Ц. 50 коп.

№ 5. А. Гаукландъ. Море. М. 1908 г. Цѣна 50 к.

№ 6. А. Гаукландъ. Дремучіе лѣса. М. 1908 г. Цѣна 50 к.

№ 7. Г. Бангъ. Бѣлый домъ. М. 1908 г. Цѣна 50 к.

№ 8. Ж. Роденбахъ. Искусство въ изгнаніи. М. 1908 г. Цѣна 50 к.

№ 9. Сельма Лагерлефъ. Ингридъ. М. 1908 г. Цѣна 50 к.

№ 10. Г. Бангъ. Странные разказы. М. 1909. Ц. 50 к.

№ 11. I. Якобсенъ. Новеллы. М. 1909. Ц. 50 к.

№ 12. Вилье де-Лиль Аданъ. Жестокіе разказы. М. 1909. Ц. 50 к.

№ 13. Ж. Роденбахъ. Мистическія лиліи. М. 1909. Цѣна 50 к.

№ 14. С. Лагерлефъ. Герои Кунгахеллы. М. 1909 г. Цѣна 50 к.

№ 15. С. Обстфельдеръ. Крестъ. М. 1909 г. Ц. 50 коп.

ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Ф. Волховской. Дюжина сказокъ. Цѣна 1 р. 25 к.

Н. Готторнъ. Первая Книга чудесъ. Цѣна въ папкѣ 1 руб.

Н. Готторнъ. Вторая Книга чудесъ. (Сказки Тэнгльюда). Цѣна въ папкѣ 1 руб.

Ц. Коллоди. Приключенія паяца. Иллюстрир. изданіе. Цѣна въ папкѣ 1 руб.

Эвелина Шерпъ. Исторія Вѣтрянаго Пѣтушка. Роскошное иллюстрированное изданіе, въ перепл. М. 1909. Цѣна 2 р. 50 к.

Дж. Лондонъ. До Адама. Иллюстрированное изданіе. М. 1909. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 руб.

Грегсонъ Гоу. Маленькій искатель приключеній. М. 1909. Цѣна въ папкѣ 1 руб.

В. Гомулицкій. Воспоминанія синяго мундирчика. Съ иллюстраціями. М. 1909. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к., въ роскошн. коленк. перепл. 1 р. 50 к.

Оскаръ Уайльдъ. Молодой Король. Роскошное изданіе съ премированными Академіей Художествъ рисунками В. Я. Суреньянца. М. 1909. Въ роскошномъ переплетѣ. Ц. 3 руб.

Оскаръ Уайльдъ. День рожденія Инфанты. Роскошное изданіе съ премированными Академіей Художествъ рисунками В. Я. Суреньянца. М. 1909. Въ роскошномъ переплетѣ. Цѣна 3 руб.

А. Феоровъ - Давыдовъ. Веселые мореплаватели. Иллюстрированное изданіе въ папкѣ. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.

А. А. Феодоровъ - Давыдовъ. Зимній сонъ. Иллюстрированное изданіе, въ папкѣ. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.

Бр. Гриммъ. Сказки и легенды, въ переводѣ А. Феодорова-Давыдова. 2-е изд. *Одобрено* Уч. К. Мин. Нар. Пр. для средн. и низш. уч. зав. Томы I и II. Цѣна за два тома 3 руб., въ коленкор. перепл. 4 р.

Японскія сказки. Перев. В. Ф. Коршъ. М. 1906. Цѣна 40 коп.

С. Лагерлефъ. Легенды о Христвъ. *Допущена* въ ротныя бібліотеки военно-учебныхъ заведеній. Цѣна въ папкѣ 2 руб.

С. Лагерлефъ. Сказки и легенды. Цѣна въ папкѣ 1 руб. 50 коп.

С. Лагерлефъ. Свѣча отъ гроба Господня. Цѣна въ папкѣ 25 к.

С. Лагерлефъ. Красношейка. Цѣна въ папкѣ 20 коп.

С. Лагерлефъ. Господь и св. Петръ. Цѣна въ папкѣ 20 к.

Э. Сэтонъ-Томпсонъ. Мои дикіе знакомые. Цѣна въ папкѣ 2 р., въ коленкор. перепл. 2 руб. 25 коп.

Э. Сэтонъ-Томпсонъ. Животныя герои. Цѣна въ папкѣ 2 руб.

Э. Сэтонъ-Томпсонъ. По слѣдамъ оленя. Иллюстр. изд. Ц. 75 к.
Допущена Уч. К. Мин. Нар. Пр. въ ученическія бібліотеки низш. учеб-
ныхъ заведеній.

В. Лонгъ. Младшій братецъ медвѣдя. Иллюстр. изданіе Цѣна въ
папкѣ 1 р. 75 к., въ роскошн. коленкор. переплетѣ 2 р.

Перри Робинзонъ. Черный медвѣдь. Цѣна въ папкѣ 1 р. 75 к.

Р. Киплингъ. Вотъ такъ сказки! Цѣна 2 руб.

Р. Киплингъ. Джунгли. Книга I и II. Цѣна за книгу 1 р. 50 к.

Г. Кеннеди. Индѣйскія сказки. Цѣна въ папкѣ 2 р., въ роскошн.
коленкор. перепл. 2 р. 25 к.

С. Макманусъ. Ирландскія сказки. Цѣна въ папкѣ 1 р. 25 к., въ
роскош. коленкор. перепл. 1 р. 50 к.

10 стѣнныхъ картинъ для дѣтей, въ краскахъ, по рисункамъ
В. Я. Суреньянца. Размѣръ картинъ: 1 арш. 6 $\frac{1}{2}$ вершк. длины и 7 $\frac{1}{2}$
вершк. ширины. Цѣна всей серіи 3 руб. Отдѣльныя картины по 35 к.

Содержаніе картинъ: 1) На Ледовитомъ океанѣ (бѣлые мед-
вѣди); 2) Донъ-Кихотъ; 3) Парадъ; 4) Аэростатика (пусканіе змѣя);
5) Семья (куры и цыплята); 6) Спортъ (жмурки); 7) На турнирѣ;
8) На синемъ морѣ (чайки); 9) На сѣверныхъ оленяхъ; 10) Враги.

